

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова»

На правах рукописи

Шиловский Сергей Васильевич

**СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
КАК ПРИЗНАК УГОЛОВНО-НАКАЗУЕМОГО ДЕЯНИЯ
И ДИФФЕРЕНЦИРУЮЩЕЕ СРЕДСТВО**

12.00.08 – уголовное право и
криминология; уголовно-исполнительное право

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
Кругликов Лев Леонидович

Архангельск - 2014

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Способ совершения преступления в системе признаков преступления и состава преступления	
§ 1. Понятие преступления.....	13
§ 2. Понятие состава преступления.....	30
§ 3. Место способа совершения преступления в объективной стороне преступления и состава преступления	49
Глава 2. Объективные и субъективные признаки способа совершения преступления, история его использования в отечественном законодательстве	
§ 1. Объективные признаки способа совершения преступления.....	55
§ 2. Субъективные признаки способа совершения преступления.....	84
§ 3. Исторический генезис законодательного использования способа совершения преступления в российском уголовном праве	95
Глава 3. Понятие дифференциации уголовной ответственности и способ совершения преступления как средство дифференциации, компаративистский аспект способа совершения преступления	
§ 1. Понятие дифференциации уголовной ответственности.....	124
§ 2. Способ совершения преступления как средство дифференциации ответственности.....	127
§ 3. Сравнительно-правовой анализ способа совершения преступления в законодательстве некоторых зарубежных стран.....	140
Заключение	164
Библиографический список	170
Приложение	193

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена повышенной значимостью способа совершения преступления для уголовно-правовой отрасли, что находит свое непосредственное выражение в насыщенности данным признаком действующего Уголовного кодекса Российской Федерации¹. Законодатель прибегает к способу совершения преступления как дифференцирующему и квалифицирующему средству более чем в 160 статьях Особенной части УК РФ, при этом общее количество составов преступлений, предусматривающих его в качестве обязательного признака, составляет более 345.

Необходимо отметить полисемию понятия способа совершения преступления, обусловленную тем, что науки криминального цикла имеют собственные аспекты его изучения – как части преступления и как признака состава преступления в уголовном праве, как средства установления механизма преступления в криминалистике, как предмета доказывания в уголовном процессе и т.д. При этом названные науки сходным образом толкуют его как определенную качественную сторону преступного деяния при его выражении вовне в виде совокупности приемов и методов совершения преступного деяния (В.Н. Кудрявцев) либо комплекса действий, непосредственно направленных на совершение преступления (Г.Г. Зуйков), без которых любое преступное посягательство немыслимо. Не отрицая возможности подобного толкования способа совершения преступления различными отраслями юридической науки, необходимо подчеркнуть, что речь в данном случае может идти только о родовом (общеупотребительном, междисциплинарном) понятии, которое отражает наиболее общие черты явления. В уголовном праве к междисциплинарному понятию способа совершения преступления как элементу явления преступления добавляется его уголовно-правовое понятие как признака состава преступления. В данном значении он получает более узкое звучание, поскольку отделяется от иных приемов и методов, которыми

---

¹ Далее УК РФ.

осуществляется преступное деяние (действие, бездействие), и получает самостоятельный статус в качестве факультативного признака объективной стороны состава преступления, что в свою очередь означает несовпадение содержания его уголовно-правового и междисциплинарного понятий. Однако при существующей на сегодняшний день системе схожих определений категории способа совершения преступления как обязательной характеристики преступного деяния невозможно объяснить, почему он как признак состава преступления «отпочкован» от преступного деяния и наделен самостоятельным статусом в качестве факультативного (необязательного) признака. В связи с этим специфика уголовно-правового значения способа совершения преступления до настоящего времени остается невыясненной. Указанное положение, а также тот факт, что постоянно появляющиеся новые, ранее неизвестные способы совершения преступления требуют включения в теорию состава преступления, диктуют необходимость проведения системного теоретического исследования способа совершения преступления, включая выделение его сущностных уголовно-правовых черт и дифференцирующих свойств.

Степень теоретической разработанности проблемы. Способ совершения преступления изучали в своих работах А.И. Бойко, Н.М. Букаев, Г.В. Бушуев, И.Ш. Жордания, Г.Г. Зуйков, В.П. Коняхин, Л.Л. Кругликов, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, А.А. Магомедов, В.Б. Малинин, И.А. Мухамедзянов, В.В. Новик, Н.И. Панов, А.Н. Романков, Г.В. Тимейко, А.Н. Трайнин, Г.И. Чечель, и др.

Особо следует отметить кандидатские диссертации последних лет, непосредственно посвященные исследованию способа совершения преступления как уголовно-правовой категории, – М.В. Шкеле (2001 г.), О.Р. Якубович (2004 г.), Н.Ф. Михайлова (2007 г.), М.А. Атальянца (2010 г.). Однако указанные авторы не делали принципиальных различий между способом совершения преступления как элементом преступления и признаком состава преступления, что представляется нам неверным.

Исследованием дифференциации уголовной ответственности занимались многие авторы, в числе которых А.В. Васильевский, Л.Л. Кругликов, Т.А. Лесниевски-Костарева, Н.А. Лопашенко, Ю.Б. Мельникова и др. Однако глубокий анализ дифференцирующей роли способа совершения преступления до настоящего времени никем из исследователей не проводился.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие вследствие совершения преступного посягательства определенным способом, закрепленным в уголовном законодательстве.

Предметом исследования выступают применимые к объекту исследования нормы действующего уголовного законодательства России и зарубежных стран; исторические памятники отечественного уголовного права; материалы следственно-судебной практики.

Целью диссертационного исследования является формирование концептуального представления о способе совершения преступления как признаке уголовно-наказуемого деяния и средстве дифференциации уголовной ответственности и выработка на этой основе предложений по совершенствованию действующего уголовного законодательства и практики его применения.

Достижение поставленной цели диктует необходимость решения следующих **задач**:

- раскрыть содержание понятий преступления и состава преступления и сформулировать их дефиниции;
- определить соотношение преступления и состава преступления в уголовном праве;
- установить место способа совершения преступления в объективной стороне преступления и состава преступления;
- раскрыть сущность способа совершения преступления как признака состава преступления;
- выявить объективные и субъективные признаки способа совершения преступления как признака состава преступления;

- определить роль способа совершения преступления в дифференциации уголовной ответственности;
- выявить тенденции становления и развития категории «способ совершения преступления» в российском уголовном законодательстве;
- соотнести подходы отечественного и зарубежного законодателей к использованию способа совершения преступления при конструировании уголовно-правовых предписаний;
- разработать научно обоснованные рекомендации по внесению изменений и дополнений в законодательство, касающиеся способа совершения преступления.

Методологической основой исследования послужил диалектический материализм. При решении конкретных исследовательских задач использовались общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, системно-структурный, функциональный и др.) и частнонаучные (формально-юридический, историко-правовой, логический, сравнительно-правовой, лингвистический, изучение судебной практики и др.) методы познания.

Теоретическая база диссертационного исследования включает в себя труды специалистов в области уголовного права, уголовного процесса, криминалистики, истории государства и права и некоторых других отраслей научного знания.

Правовую основу исследования составляют международные нормативно-правовые акты, Конституция РФ, действующее и ранее действовавшее отечественное уголовное законодательство, нормативно-правовые документы иной отраслевой принадлежности, постановления Пленума Верховного Суда РФ, уголовные кодексы Азербайджана, Белоруссии, Германии, Голландии, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Латвии, Литвы, Молдовы, Таджикистана, Узбекистана, Украины, Франции, Эстонии.

Эмпирическую базу исследования составили результаты изучения опубликованной и неопубликованной судебной практики по различным

категориям уголовных дел, в которых квалификация действий виновного осуществлялась с учетом способа совершения преступления, а также наличествовало его сочетание с преступным деянием, - за период с 2000 г. по I квартал 2014 г., а именно: а) решений Президиума и Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по 200 уголовным делам; б) материалов 280 уголовных дел, рассмотренных районными судами Архангельской области и Архангельским областным судом. Учтен также личный опыт работы диссертанта в органах Следственного комитета РФ.

Научная новизна работы обеспечивается нетрадиционностью подхода к исследованию способа совершения преступления, выразившегося в четком и последовательном разграничении его уголовно-правового и общеупотребительного (междисциплинарного) понятий. В результате реализации такого подхода сквозь призму учений о законодательной технике и дифференциации уголовной ответственности было сформировано концептуальное представление о способе совершения преступления как признаке уголовно-наказуемого деяния и дифференцирующем средстве и выработаны предложения, направленные на оптимизацию действующего уголовного законодательства и практики его применения.

Свое конкретное выражение научная новизна исследования получает в следующих основных **положениях, выносимых нами на защиту**:

1. Без четкого разделения понятий «элемент преступления» и «признак состава преступления» невозможно обозначить разграничительные линии между деянием и способом совершения преступления. Для выявления данных различий солидаризируемся с позицией ученых, выступающих против смешения понятия преступления и состава преступления и понимающих под первым из них явление действительности, конкретный акт противоправного человеческого поведения, а под вторым – описание признаков преступления в законе, являющееся идеальной моделью преступления, при помощи которой единый акт поведения искусственно разделяется законодателем на составляющие. В связи с этим объективная сторона преступления (включающая огромную

совокупность самых разных элементов) и объективная сторона состава преступления (включающая строго ограниченный круг признаков преступления, отбираемых по определенным критериям) соотносятся между собой так же, как явление и описание этого явления в законе. При этом положение признаков объективной стороны *состава преступления* существенно различается, так как, если деяние является обязательным признаком, без которого немислим ни один состав преступления, то способ совершения преступления, напротив, выступает факультативным (необязательным) признаком.

2. В связи с различным положением основного преступного деяния и способа совершения преступления как обязательного и факультативного признаков *состава преступления* нельзя ставить между ними знак равенства, поскольку даже при одинаковом внешнем проявлении их содержание в законе не совпадает. Если основное преступное деяние занимает в *составе преступления* доминирующее положение и выражает направленность преступного посягательства против определенных общественных отношений, охраняемых конкретной уголовно-правовой нормой, то способ совершения преступления является для него деянием дополнительного, служебного характера, состоящим с основным преступным деянием в подчинительной связи «для», «ради». При отсутствии подобной связи наличествуют самостоятельные явления.

3. Так как способ совершения преступления является *деянием*, он обладает определенной структурой, которая может включать в себя дополнительное деяние второго или даже третьего порядка (например, захват заложника с применением оружия организованной группой). При этом способ совершения преступления наличествует в составах преступлений, основное деяние которых выражается как в форме действия, так и бездействия, а поскольку способ совершения преступления сам является *деянием*, он также может выражаться как в форме действия, так и в форме бездействия.

4. Несмотря на то, что в законе отсутствует понятие способа совершения преступления, не называются его объективные и субъективные признаки, из смысла применяемых законодателем терминов, из используемых им связей преступного деяния с прочими признаками составов неосторожных преступлений следует вывод, что форма вины в способе совершения преступления формулируется подобно делам о предварительной преступной деятельности и соучастии, которые предполагают наличие только умышленного поведения.

5. Как дифференцирующее средство способ совершения преступления в уголовном праве выделяется в случаях, если он: 1) криминализует деяние; 2) повышает степень его общественной опасности за счет поражения дополнительного объекта; 3) в сравнении с другими способами совершения того же преступления причиняет существенно больший вред; 4) значительно увеличивает степень вероятности наступления общественно опасных последствий; 5) уменьшает степень общественной опасности деяния за счет неприменения виновным определенного способа, обладающего большей степенью общественной опасности.

6. Предлагается внесение изменений в действующее российское законодательство: 1) из КоАП РФ исключить статью 5.40 с одновременным дополнением УК РФ статьей 149.1 «Незаконное принуждение к участию или к отказу от участия в забастовке», диспозицию которой изложить в следующей редакции: «Незаконное принуждение к участию или к отказу от участия в забастовке путем насилия или угрозы применения насилия либо с использованием зависимого положения принуждаемого - ...»; 2) абзац первый статьи 7.27 КоАП РФ дополнить следующими словами: «...а также мелкое хищение чужого имущества путем грабежа, при признании деяния, предусмотренного частью первой статьи 161 Уголовного кодекса Российской Федерации, малозначительным в соответствии с частью второй статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации, - ...»; 3) пункт «и» части первой статьи 63 УК РФ изложить в следующей редакции: «совершение преступления

с особой жестокостью»; сформулировать пункт «б» части второй статьи 111 и пункт «в» части второй статьи 112 УК РФ в новой редакции: «в отношении малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно с особой жестокостью»; 4) пункт «к» части первой статьи 63 УК РФ изложить в следующей редакции: «совершение преступления общеопасным способом, а также с применением физического или психического принуждения»; 5) внести изменения в диспозицию статьи 168 УК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Уничтожение или повреждение чужого имущества в крупном размере, совершенное в результате неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности, -...».

7. В истории отечественного уголовного права становление и развитие категории «способ совершения преступления» обуславливалось внутренней логикой развития уголовного законодательства, проявляющейся в постепенной формализации преступлений. В результате этого из преступного деяния законодателем был выделен способ совершения преступления, ставший средством дифференциации ответственности и обретший в законе вид деяния дополнительного, служебного характера, обеспечивающего наступление основного преступного результата.

8. В уголовном законодательстве зарубежных стран способ совершения преступления также выступает автономным деянием служебного характера по отношению к основному преступному деянию, обеспечивающему совершение последнего. При этом в большинстве государств способ совершения преступления признается только в умышленных деяниях.

Теоретическая и практическая значимость исследования определяются тем, что его результаты могут быть использованы для дальнейшего исследования способа совершения преступления в уголовном праве. Ряд положений диссертации может быть использован в процессе преподавания курса уголовного права. Практическая значимость исследования состоит также в том, что выявленные свойства способа совершения

преступления могут быть учтены и использованы при дальнейшей разработке и совершенствовании отдельных уголовно-правовых норм, что позволит обеспечить системность действующего уголовного законодательства и единообразие основывающейся на нем правоприменительной практики. В практике следственных и судебных органов результаты исследования могут использоваться при разрешении спорных вопросов квалификации с учетом особой связи способа совершения преступления с основным преступным деянием, позволяющей четко дифференцировать данные явления.

Апробация результатов исследования. Диссертация прошла обсуждение и получила одобрение на заседании кафедры уголовного права и процесса ФГАОУ ВПО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова».

По теме диссертации опубликовано 10 научных статей, три из которых – в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для опубликования основных научных результатов диссертаций.

Основные положения и выводы диссертационного исследования докладывались на Международной научно-практической конференции «Инновации в науке» (г. Новосибирск, 2014 г.), Международной научно-практической конференции «Демократия и право: соотношение понятий» (г. Москва, 2014 г.), Международной научно-практической конференции «Демократические идеалы и плюрализм правовых систем» (г. Москва, 2014 г.), Международной научно-практической конференции «Инновации в экономике, управлении проектами, юриспруденции, образовании, социологии, медицине, философии, психологии, математике и технике: теория и практика» (г. Санкт-Петербург, 2013 г.), Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной Году охраны окружающей среды «Устойчивое развитие Арктики: правовые аспекты» (г. Архангельск, 2013 г.), I Всероссийской научной конференции «Право в условиях глобализации» (г. Архангельск, 2013 г.), II Всероссийской научной конференции «Право в условиях глобализации» (г. Архангельск, 2014 г.), научной конференции

«Русский Север: право и история» (г. Архангельск 2011 г.), конференции молодых ученых и аспирантов Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова «Актуальные проблемы уголовного права и процесса» (г. Ярославль, 2011 г.), научно-практической конференции «Право: история и перспективы развития» (г. Архангельск, 2012 г.).

Кроме того, результаты диссертационного исследования используются в практической деятельности самого автора, а также внедрены в учебный процесс Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, что подтверждается соответствующим актом внедрения.

Структура работы определяется целями и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих девять параграфов, заключения, библиографического списка и приложения.

Глава 1. Способ совершения преступления в системе признаков преступления и состава преступления

§ 1. Понятие преступления

Одним из основных понятий уголовного права, наряду с наказанием, является преступление. В настоящей работе представляется необходимым не углубляться в повторение давно известных истин о данной категории права, а обратиться к спорным моментам учения о преступлении.

Прежде всего, для нас представляет интерес, почему из всего массива поведенческих действий индивида, способных причинить вред обществу, исторически законодателем была выделена обособленная группа деяний, за которые государство применяло наиболее суровое наказание.

Многолетнее изучение вопроса о том, что отличает преступление от прочих правонарушений, привело современных исследователей к мысли, что данное отличие складывается из совокупности следующих признаков: 1) общественная опасность, 2) противоправность, 3) виновность, 4) наказуемость¹, которые нашли свое закрепление на законодательном уровне в дефиниции преступления, даваемой ч. 1 ст. 14 УК РФ, согласно которой преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания. Однако, следует разобраться, являются ли данные признаки специфичными только для преступлений либо присущи и другим правонарушениям. В этом вопросе обращает на себя внимание историческая изменчивость указания данных признаков в законе, поскольку в ст. 7 УК РСФСР 1960 г. определение преступления звучало следующим образом: «Преступлением признается предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на общественный строй СССР, его политическую и экономическую системы, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права и свободы

---

¹ См. напр.: Уголовное право России : учебник / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. М.: Норма, 2008. С. 82 — 89 ; Уголовное право России. Общая часть / под ред. А. И. Рарога. М.: Эскмо, 2008. С. 48 — 54 ; Уголовное право России. Общая часть / под ред. А. И. Чучаева, Н. А. Нырковой. Ростов н/Д: Феникс, 2009. С. 84.

граждан, все формы собственности, а равно иное, посягающее на социалистический правопорядок общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом»¹. Как отмечается, данная дефиниция преступления «...не содержала указаний на такие необходимые признаки преступлений, как виновность и наказуемость, которые могли быть выявлены лишь путем теоретического анализа положений ч. 2 ст. 1 и ст. 3 УК 1960 г.»², что само по себе заставляет задуматься об обоснованности их включения в современную дефиницию преступления. Итак, поскольку данные признаки появились в уголовном законодательстве сравнительно недавно, требуется выяснить, в связи с чем они возникли и почему не выделялись законодателем ранее.

Включение в уголовный закон прямого указания на наказуемость преступления во многом стало результатом разрешившейся дискуссии, длившейся много лет, суть которой сводилась к ответу на вопрос, – является ли наказуемость последствием преступления либо она является его признаком. Было определено, что наказуемость – не просто последствие преступления. Таким последствием является наказание как конкретная мера принуждения, применяемая за конкретное преступление. Наказуемость же – более абстрактное и более широкое понятие, которое скорее характеризует правовую норму, имеющую уголовно-правовую санкцию³.

Н. Ф. Кузнецова определяет наказуемость как «содержащуюся в уголовноправовых нормах угрозу применения наказания»⁴ и полагает данный признак необходимым элементом преступления, поскольку норма, которая не имеет санкции с угрозой наказания, не представляет собой уголовно-правовой нормы⁵. Схожую позицию занимает и М.И. Ковалев, который считает, что из

---

¹ Уголовный кодекс РСФСР [Электронный ресурс] : от 27.10.1960 г. (ред. от 01.07.1994 г.), утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Уголовное право России. Часть Общая / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М.: Проспект, 2013. С. 87.

³ Ковалев М. И. Понятие преступления в советском уголовном праве. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. С. 111.

⁴ Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. С. 101.

⁵ Там же. С. 103.

всех признаков преступления только наказуемость – исключительное его свойство¹.

Некоторые авторы полагают, что прямое включение признака наказуемости в дефиницию преступления, содержащуюся в ст. 14 УК РФ («...запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания» вместо «...предусмотренное уголовным законом»), излишне и сделано в угоду соответствия теоретическим характеристикам преступления, поскольку то, что преступление влечет за собой наказание, общеизвестно, и поэтому информационная ценность новой формулировки ничтожна². Тем не менее, нельзя отрицать тот факт, что введение в определение преступления указания на наказуемость устанавливает качественно новое требование к нормам самого УК РФ, предусматривающее включение в них лишь деяний уголовно наказуемых. Данное положение, в свете того, что в ранее действовавшем УК РСФСР 1960 г. встречались и нормы, в которых вместо уголовно-правовой были закреплены иные виды ответственности³, представляется абсолютно верным, поскольку «если деяние не следует наказывать в уголовном порядке, то нет необходимости признавать его преступным»⁴. К аналогичному выводу пришел и Н.Д. Дурманов: «строго говоря, судить о противоправности деяния в уголовно-правовом отношении мы, как правило, можем по признаку наказуемости. Запрет деяния, не сопровождаемый прямо обозначенной или хотя бы подразумеваемой уголовной санкцией, означает, что оно по тем или иным причинам государством не признается противоправным и в уголовно-правовом смысле»⁵. Как верно пишет М.И. Ковалев: «Именно уголовное наказание следует за совершенным преступлением, и именно неотвратимость

---

¹ Ковалев М. И. Указ. соч. С. 110.

² Энциклопедия уголовного права. Т. 3. Понятие преступления / под ред. В. Б. Малинина. СПб.: Издание профессора Малинина, 2005. С. 28.

³ См., напр., п. «б» ст. 250 УК РСФСР, в котором промотание или утрата военного имущества при смягчающих обстоятельствах влекла применение правил Дисциплинарного устава Вооруженных Сил СССР, аналогичным образом в статьях главы 12 УК РСФСР решался вопрос о наказании по п. «б» ст. 239, ст. 241, ст. 255, ст. 256, ст. 257, ст. 258, ст. 260.1, ст. 268, п. «г» ст. 245 УК РСФСР.

⁴ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. М.: Юридическая фирма «Контракт» : ИНФРА-М, 2010. С. 63.

⁵ Дурманов Н. Д. Понятие преступления. М.; Л.: АН СССР, 1948. С. 190.

этого наказания является основным условием его предупредительного воздействия. Поэтому формула «преступление влечет за собой наказание» является правилом. Однако всякое правило допускает исключения. Какими бы многочисленными исключениями не изобиловало правило, оно остается таковым, пока под его действие подпадает большинство определенного рода случаев. Таким образом, вывод о том, что наказуемость преступления определяет собой его необходимый признак, является реальностью, а не фикцией»¹. Надо полагать, что детально разработанное теоретическое обоснование обязательности наличия в понятии преступления такого признака, как наказуемость, предопределили его включение в текст ч. 1 ст. 14 УК РФ.

Н. Ф. Кузнецова отмечает: «В общем определении преступления советское законодательство никогда не выделяло как самостоятельный признак вину»², что отличало его, например, от австрийского и немецкого уголовного права³.

Многие криминалисты выступали против включения признака виновности в понятие преступления (Н.С. Таганцев, Н.Д. Дурманов), поскольку, по их мнению, виновность охватывалась признаком уголовной противоправности⁴. Так, Н.Д. Дурманов указывал: «Деяние, совершенное без умысла и неосторожности, по советскому уголовному праву не бывает уголовно-противоправным. Следовательно, признак виновности...содержится в признаке уголовной противоправности, находящей свое выражение в наказуемости. Иными словами, наказуемость деяния предполагает его виновность...Таким образом, виновность, при наличии других, более широких признаков, не является необходимым признаком общего понятия преступления»⁵. Тем не менее, как отмечал М.И. Ковалев, если исходить из этого, то единственным настоящим признаком преступления является его

---

¹ Ковалев М. И. Указ. соч. С. 111.

² Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. С. 76.

³ См.: Уголовный кодекс Австрии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 44 ; Уголовный кодекс Федеративной республики Германии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 125.

⁴ Уголовное право России : учебник / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. С. 88.

⁵ Дурманов Н. Д. Понятие преступления. С. 202.

противоправность. Однако то же самое можно сказать и о других правонарушениях. В данном случае виновность не является отличительным признаком только преступления. Если же исходить лишь из этого, то окажется, что и вся общественная опасность и противоправность также не представляют собой признаки, присущие исключительно преступлению¹.

Вина, в значении субъективного, интеллектуально-волевого отношения лица к своим общественно опасным действиям и их вредным последствиям, по мнению Н.Ф. Кузнецовой, относится к обязательным признакам преступления², однако законодательное определение преступления в УК 1960 года, как она полагает, охватывало вину понятием общественной опасности преступления в целом³.

Полисемичность слова «вина» привела в 50-х гг. к бурной дискуссии в научной среде, в ходе которой предлагались различные, порой взаимоисключающие трактовки данного понятия. Во избежание подобных противоречий УК РФ 1996 г. употребляет термины «вина» и «виновность» как синонимы, означающие только психическое отношение лица к содеянному в виде умысла либо неосторожности⁴. Надо полагать, что включение в действующий УК РФ прямого указания на вину в дефиниции преступления является шагом вперед в отношении придания большей определенности уголовно-правовым признакам преступления, которые должны быть точно прописаны в самом законе, а не выводиться теорией уголовного права путем его толкования.

Относительно включения в определение преступления общественной опасности и противоправности в теории уголовного права и законодательстве сложились два методологических подхода, условно именуемых материальным и формальным (нормативным). Первый из них предполагает раскрытие антисоциального характера преступления, его вредоносности и тем самым

---

¹ Ковалев М. И. Указ. соч. С. 88.

² Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. С. 90.

³ Там же. С. 62.

⁴ Энциклопедия уголовного права. Т. 3. С. 72 – 73.

уяснение мотивов, которыми руководствовался законодатель, относя то или иное деяние к числу преступлений. Формальный же подход опирается на признак запрещенности преступного деяния уголовным законом, обходя вопрос о причинах такого запрета¹. Он широко используется, например, в странах Западной Европы при формулировании понятия преступления. Так, в ст. 1 УК Польши закреплено: «Уголовной ответственности подлежит лицо, которое совершило деяние, запрещенное под угрозой наказания законом, действовавшим во время его совершения»², в ст. 1 УК Бельгии: «Правонарушение, которое закон карает уголовным наказанием, образует преступление»³. Материальный подход к понятию преступления иллюстрирует Примерный Уголовный кодекс США, характеризуя его как «поведение, неоправданно и неизвинительно причиняющее существенный вред интересам личности и общества или угрожающее причинением такого вреда»⁴. Кроме того, данный подход использовался и в ст. 6 УК РСФСР 1922 г.: «преступлением признается всякое общественно-опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени». Существует также третий подход, объединяющий признаки материального и формального подходов, который использован преимущественно в постсоветских государствах, например, в ст. 14 УК Молдовы: «Преступлением является наносящее вред деяние (действие или бездействие), предусмотренное уголовным законом, совершенное виновно и уголовно наказуемо»⁵, в ст. 8 УК Кыргызстана: «Преступлением признается предусмотренное уголовным законом общественно опасное, виновное и наказуемое деяние (действие или бездействие)»⁶.

---

¹ Уголовное право России. Часть Общая / отв. ред. Л. Л. Кругликов. С. 87.

² Уголовный кодекс Республики Польша / науч. ред. А. И. Лукашова, Н. Ф. Кузнецова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 46.

³ Уголовный кодекс Бельгии / науч. ред. Н. И. Мацнева. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 42.

⁴ Примерный Уголовный кодекс (США) / под ред. Б. С. Никифорова. М.: Прогресс, 1969. С. 32.

⁵ Уголовный кодекс Республики Молдова / вступ. ст. А. И. Лукашова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 120.

⁶ Уголовный кодекс Кыргызской Республики / науч. ред. А. П. Стуканова, П. Ю. Константинова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 45.

Определение преступления, даваемое УК РФ, также относится к формально-материальному подходу, поскольку сочетает в себе как материальный признак преступления («совершенное общественно опасное деяние»), так и формальный («запрещенное настоящим Кодексом»).

Взаимообусловленность общественной опасности и противоправности является определяющим фактором в понимании того, что следует считать преступным, что является основанием уголовной ответственности¹. Связь данных признаков выражается формулой: «Общественная опасность образует материальное содержание противоправности. Противоправность выступает как юридическое выражение общественной опасности»².

Данные признаки относятся к древнейшим и общепризнанным критериям выделения преступлений из среды прочих правонарушений, но, тем не менее, нам представляется необходимым произвести их уточнение, обратив внимание на некоторые проблемные моменты.

Так, говоря о признаке противоправности деяния, необходимо прежде всего уточнить, о какой именно противоправности в данном случае идет речь. Общеизвестно, что поведение может быть противоправным в случае нарушения соответствующих правовых предписаний определенной отрасли права: административного, гражданского, трудового, налогового и т.д. Однако очевидно, что относительно противоправности как признака преступления речь может идти не о любой противоправности, а только об *уголовной*, поскольку именно запрещенность деяния в уголовном законе способна придавать ему статус преступления. Так, Н.Д. Дурманов верно писал о том, что «норма уголовного права определяет уголовную противоправность, а не противоправность вообще»³.

---

¹ Львова Е. Ю. Социальная и юридическая сущность преступления (Вопросы теории): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 93.

² Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1 / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Л.: Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1968. С. 259 – 260. См. также: Симонов В. И. Характеристика физического насилия как уголовно правового понятия // Гарантии конституционных прав личности при осуществлении правосудия: межвузов. сборник науч. тр. Пермь, 1980. С. 26 – 27.

³ Дурманов Н. Д. Советский уголовный закон. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. С. 104.

Не вдаваясь глубоко в историю вопроса, все же отметим, что признак противоправности после октябрьских событий 1917 года был включен в общее понятие преступления далеко не сразу. Так, УК РСФСР 1922 г. и УК РСФСР 1926 г. его не содержали ввиду необходимости включения в УК нормы об аналогии, которая была исключена лишь Основами уголовного законодательства союза ССР и союзных республик 1958 г., введившими в общее понятие преступления признак уголовной противоправности¹. Подобное законодательное закрепление без сомнения является прогрессивным явлением, поскольку «наличие признака предусмотренности (запрещенности) преступления уголовным законом исключает возможность отнесения к преступлениям деяний, таковыми не являющимися»². В науке отмечается, что противоправность деяния не является постоянной величиной и изменяется в зависимости от оценки уровня общественной опасности того или иного деяния. Так, законодатель может перевести преступление в разряд иных правонарушений (например, причинение средней тяжести вреда здоровью человека по неосторожности было «переведено» из разряда преступлений в разряд административных правонарушений) либо вообще устранить правовые последствия его совершения (что произошло, например, в случае со спекуляцией и добровольным мужеложством совершеннолетних лиц)³.

Определяющим признаком преступления как категории уголовного права является, на наш взгляд, общественная опасность. Возможно, данное утверждение вызовет определенное несогласие, поскольку ряд авторов полагают, что «общественная опасность, виновность, уголовная противоправность – равновеликие, равнозначные свойства преступления, отличающие его от других правонарушений и проступков. Отсутствие любого из них исключает наличие преступного деяния. И то, что в определении преступления вначале сказано о виновности и общественной опасности, а затем

---

¹ Курбанов А. О. Социально-правовая сущность преступления и категории преступлений по уголовному праву России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 93.

² Уголовное право России. Часть Общая / отв. ред. Л. Л. Кругликов. С. 94.

³ Пудовочкин Ю. Е. Учение о преступлении: избранные лекции. М.: Юрлитинформ, 2008. С. 32.

об уголовной противоправности, такую равнозначность отнюдь не искажает»¹. Мы не вполне согласны с приведенным утверждением, поскольку равными данные признаки, как в нем верно отмечено, могут быть только с точки зрения того, что их совокупность отличает преступление от прочих правонарушений, и без любого из них вести речь о преступлении нельзя. Однако иная ситуация складывается с данными признаками при криминализации деяний. Так, из ч. 2 ст. 2 УК РФ следует, что УК РФ «определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений». Данное положение означает, что на базе признака общественной опасности деяния из числа определенных актов поведения происходит первоначальный «отбор кандидатов» законодателем на роль преступления. В связи с этим указанный признак выступает первоначальной «стартовой площадкой» для выделения преступлений из массива других общественно опасных деяний, является для законодателя основополагающим при принятии решения о криминализации деяния². На базе него, в случае, если законодатель сочтет необходимым возвести общественно опасное деяние «в ранг» преступления, происходит закрепление прочих признаков преступления путем запрещения данного действия (бездействия) в законе (противоправность), определения формы вины (виновность), установления в законе определенной ответственности за его совершение (наказуемость). Таким образом, общественная опасность выступает отправным признаком преступления.

Классическое видение данного признака преступления сформулировала Н.Ф. Кузнецова, которая определяла общественную опасность деяния как вредоносность для общества, состоящую в том, что данное деяние причиняет или создает угрозу причинения определенного вреда общественным

---

¹ Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. I. Преступление и наказание / под ред. А. И. Коробеева. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. С. 273–274.

² Сотсков Ф. Н. Общественная опасность деяния в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009. С. 16. См. также: Основания уголовно-правового запрета / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. М.: Наука, 1982. С. 215 – 218.

отношениям¹. А.И. Марцев указывал, что общественная опасность есть такая характеристика посягательства, которая свидетельствует, что оно (посягательство) причиняет (или ставит под угрозу причинения) существенный вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законодательством². Именно существенность вреда, им отмеченная, отделяет общественную опасность преступлений от прочих правонарушений, поскольку, как верно заметил М.И. Ковалев, природа правонарушений, в сущности, одна – это действия, нарушающие нормы права, т.е. всеобщие правила поведения людей, установленные государством, при этом все эти нарушения представляют собой общественную опасность³, однако лишь преступление посягает на такие социальные ценности, которые жизненно важны для нормального функционирования всего общества⁴. Данный признак преступления также позволяет отграничивать малозначительные деяния, поскольку главное, что их отличает от преступлений, – «это отсутствие общественной опасности в уголовно-правовом смысле, т.е. они могут быть общественно не опасными либо общественно опасными в небольшой степени и содержать составы иных правонарушений (административных или дисциплинарных проступков)»⁵.

Рассмотренные выше четыре признака преступления требуют терминологического уточнения. Преступление как уголовно-правовую категорию определяет и одновременно отделяет от прочих правонарушений совокупность в деянии: 1) существенной общественной опасности; 2) уголовно-правовой противоправности; 3) виновности; 4) уголовной наказуемости. Именно так, на наш взгляд, должны звучать данные признаки.

Они определяют преступление как таковое, выделяют его из массива прочих правонарушений, формулируют его понятие. Однако «не следует

¹ Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. С. 60.

² Марцев А. И. Признаки преступления // Уголовно-правовые и криминологические меры предупреждения преступлений: межвузов. сборник науч. тр. Омск: Изд-во высш. шк. милиции МВД СССР, 1986. С. 4.

³ Ковалев М. И. Указ. соч. С. 88.

⁴ Прохоров В. С. Преступление и ответственность. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1984. С. 20.

⁵ Якименко Н. М. Оценка малозначительности деяния при производстве расследования: учеб. пособие. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1987. С. 6. См. также: Соловьев А. Н. Понятие преступления: теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. С. 144 – 145.

смешивать ... понятие преступления как явления объективной действительности и понятие о преступлении как абстракцию... Понятие преступления на любом его уровне – это лишь совокупность признаков, отвлеченных от фактов объективной действительности»¹. Следует согласиться с И. Ребане в том, что понятие преступления способно охватить только то общее, существенное, что объединяет преступления как единичные явления действительности и не может охватить все свойства и качества данных явлений в полном объеме и во всей их конкретности². Таким образом, в преступлении возможно выделение двух уровней понимания: 1) понятие преступления как определенного противоправного деяния, обладающего системой признаков, которые отражают существенные, устойчивые, повторяющиеся свойства всей совокупности совершаемых преступлений и характерные для каждого из них в отдельности, отличающие преступления от прочих правонарушений; 2) явление преступления как части объективной действительности – совершения конкретного уголовно наказуемого деяния, которому присущи все свойства и черты, характерные для человеческих поступков, происходящих в конкретных условиях времени, места и обстановки.

Преступление (на обоих уровнях понимания) – это прежде всего *деяние*, т.е. выраженный в форме активного действия или пассивного бездействия акт поведения (поступок, деятельность). Мысли, психические процессы, убеждения, их выражение вовне, например, в дневниках, высказываниях, сколь негативными они бы ни были, преступлениями не являются³.

Деяние, обладающее свойствами преступления, как явление объективной реальности представляет собой «конкретный акт человеческого поведения, который в силу своей реальности немислим вне времени и пространства, вне определенной внешней формы своего проявления. Поэтому такие объективные обстоятельства, как способ, место, время, обстановка, непременно сопутствуют

---

¹ Ребане И. Понятие преступления и состава преступления // Ученые записки высших учебных заведений Литовской ССР. Сер. Право. Т. 16, вып.1. Вильнюс, 1981. С. 26.

² Там же.

³ Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. I. С. 256 – 257.

совершению любого преступления»¹. Данные обстоятельства преступления как явления действительности для недопущения их смешения с признаками противоправности, общественной опасности, виновности и наказуемости будут именоваться нами элементами преступления².

Преступление – это конкретное жизненное явление, поэтому у него есть все черты и свойства, характерные для поступков людей, а также определенная структура входящих в него элементов. Для иллюстрации данного положения рассмотрим конкретное преступление. Гражданин Т., желая незаконно получить денежные средства и приобрести на них спиртные напитки, совершил открытое хищение женской сумки, принадлежащей гражданке К. При этом данное хищение он произвел в вечернее время, в определенных метеорологических условиях, которые облегчили возможность совершения преступления, в конкретном месте города Н., обладающем своими географическими и административными координатами. Сумку гражданки К. Т. похитил определенным способом: подбежав к потерпевшей сзади, с применением физической силы вырвал у нее сумку, схватив при этом данную сумку за ручки. После этого Т. скрылся с места происшествия и на денежные средства, находившиеся в похищенной сумке К., приобрел в магазине спиртные напитки.

Данное преступление как конкретное явление обладает еще целым рядом входящих в него элементов, которые составляют: а) общественные отношения, нарушенные в результате преступления или поставленные им под угрозу; б) лицо, его совершившее (пол, возраст, уровень образования, характеризующие данные и т.д.); в) внешнюю сторону преступления (как выглядел Т., во что был одет, каким образом скрылся после совершения преступления, какое именно спиртное и в каком количестве приобрел на похищенные денежные средства и

---

¹ Энциклопедия уголовного права. Т. 4. Состав преступления / под ред. В. Б. Малинина. СПб.: Издание профессора Малинина, 2005. С. 243.

² В этом мы солидарны с В. И. Курляндским, по мнению которого преступление составляют элементы, в то время как состав преступления слагают признаки данных элементов. См. подр. об этом: Курляндский В. И. Некоторые вопросы учения о составе преступления в теории советского уголовного права // Советское государство и право. 1951. № 11. С. 38.

т.д.); г) внутреннюю сторону (эмоции, которые испытала К. в момент хищения у нее сумки, раскаялся ли Т. в совершении преступления и т.д.); д) иные обстоятельства произошедшего. При этом количество этих элементов стремится к бесконечности, поскольку все они относятся к рассматриваемому преступлению и являются его неотъемлемой частью.

Как отмечал В.Н. Кудрявцев, применительно к конкретному преступлению можно выделить по крайней мере четыре категории признаков (именуемых нами элементами): 1) всю совокупность признаков данного деяния, которая фактически неисчерпаема; 2) признаки, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела; 3) признаки, имеющие уголовно-правовое значение; 4) признаки, имеющие значение для квалификации преступления¹.

Поскольку все обстоятельства приведенного преступления слиты воедино, как целостное пространственно-временное явление реальности, для их уяснения и квалификации согласно закону возникает необходимость с одной стороны, выделить существенные элементы данного преступления, а с другой – установить у него общие, характерные для всех преступлений черты.

Для этого теорией уголовного права было предложено рассматривать структуру преступления через слагающие его элементы и их распределение по группам. Так, А.Н. Трайнин, разделяя положение о четырехчленной структуре преступления, писал, что в общем учении о преступлении необходимо различать объект и объективную сторону, субъект и субъективную сторону².

Разделение единого акта преступного поведения на отдельные элементы и группы элементов представляет собой условную мысленную операцию, призванную расчленив преступление на значимые с уголовно-правовой точки зрения обстоятельства, для решения на их основе целей и задач, стоящих перед наукой уголовного права. «Данные элементы выделяются по той простой причине, что они есть в каждом преступлении, независимо от их различия по

---

¹ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юрист, 2004. С. 34 – 35.

² Трайнин А. Н. Понятие преступления и состав преступления // Советское государство и право. 1955. № 1. С. 48.

характеру и степени общественной опасности. Они имеются в убийстве и незаконном предпринимательстве, государственной измене и нарушении правил безопасности движения, краже и геноциде. Отсутствие хотя бы одного из этих элементов означает, что отсутствует и само преступление»¹.

Положение о четырехэлементной структуре преступления принято не только в теории, но и в законодательстве некоторых стран. Так, согласно ст. 15 УК Молдовы: «Степень вреда преступления определяется в соответствии с признаками, характеризующими элементы преступления: объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона»².

Если рассматривать описанное выше преступление в рамках принятой в теории четырехэлементной структуры, то получится, что *объектом* описанного выше преступления (тем, на что направлено преступление) являются конкретные общественные отношения, регулирующие право собственности К. на похищенное у нее имущество. *Объективную сторону* преступления (внешняя форма выражения преступного посягательства) составит совокупность всех элементов объективной действительности, в которых протекало деяние, – определенного места, времени, конкретного способа совершения, причиненного ущерба, о дальнейшем распоряжении Т. похищенными деньгами и все прочие сведения, относящиеся к внешней стороне преступления. *Субъектом* данного преступления (лицом, совершившим данное деяние) будет конкретное физическое лицо Т. определенной даты рождения, проживающее в определенном месте, родившееся в конкретном населенном пункте, работающее в определенной должности и т.д. *Субъективную сторону* данного преступления (внутреннее, психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному и уголовно-противоправному деянию³) будет составлять умысел Т.,

---

¹ Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: Сравнительно-правовое исследование / под ред. В. С. Комисарова, А. И. Коробеева, Хе Бинсуна. СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. С. 36.

² Уголовный кодекс Республики Молдова. С. 120.

³ Уголовное право России. Часть Общая / отв. ред. Л. Л. Кругликов. С. 198.

направленный на хищение ценностей с корыстным мотивом, с целью дальнейшего приобретения спиртных напитков на похищенные средства.

Необходимо рассмотреть, как данная структура конкретного преступления соотносится с видением его законодателем; какие элементы в структуре деяния важны для квалификации его как преступления и соответственно подлежат точному установлению. Как писал В.Н. Кудрявцев, «для того, чтобы квалифицировать совершенное преступление, недостаточно установить его признаки; необходимо также определить, предусмотрено ли совершенное деяние уголовным законом, подпадает ли оно под норму Особенной части УК РФ. Для этого необходимо сопоставить признаки совершенного преступления с теми признаками, которые описаны в уголовно-правовой норме»¹.

Для выяснения этого необходимо обратиться к Особенной части Уголовного кодекса РФ, где в ст. 161 мы находим описание деяния, признаки которого максимально совпадают с преступлением, описанным нами: «Грабеж, то есть открытое хищение чужого имущества». Таким образом, из всего обилия элементов, входящих в совершенное Т. преступление, для квалификации этого деяния согласно уголовно-правовой норме необходимо установить лишь то, что преступление совершено надлежащим субъектом, похищенное имущество не принадлежало виновному, хищение сумки было совершено открыто с корыстной целью, а также что имущество было изъято противоправно и безвозмездно, обращено в пользу виновного и причинило ущерб собственнику (согласно примечанию к ст. 158 УК РФ, раскрывающему понятие хищения).

Для разграничения существенных элементов, имеющих уголовно-правовое значение и подлежащих обязательному установлению, от несущественных теорией было разработано учение о составе преступления, которое призвано выделить из общей массы реально совершаемых общественно опасных деяний группу однотипных противоправных деяний, посягающих на определенные охраняемые законом интересы и, используя существенные,

---

¹ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. С. 35.

устойчивые и повторяющиеся признаки элементов данных деяний, описать их в законе в качестве преступных. Н.Ф. Кузнецова пишет, что правовая оценка в законе превращает реальное общественно опасное деяние в преступление, а совокупность признаков, образующих содержание и структуру общественно опасного деяния, в состав преступления¹.

В связи с этим необходимо обратить внимание на некоторую путаницу, имеющуюся в понятийном аппарате науки уголовного права относительно термина «состав преступления» и того, как именовать те элементы, из которых складывается преступление (объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона преступления).

Еще в дореволюционной доктрине уголовного права совокупность элементов, слагающих преступления, было принято именовать термином «состав преступления». Данное обозначение практически в неизменном виде перешло и в советскую уголовно-правовую науку. Далее, как правильно отмечает в своей работе И.Я. Гонтарь², со второй половины XX века в науке уголовного права начинается процесс разделения понимания состава преступления, началом которого, надо полагать, послужили работы А.Н. Трайнина «Учение о составе преступления» (1946 г.), и «Общее учение о составе преступления» (1957 г.), в которых автор рассматривает состав преступления как описание наиболее типичных и существенных признаков преступления в законе³.

В результате разделения мнений часть авторов продолжила рассматривать состав преступления как совокупность элементов, из которых складывается преступление как явление действительности⁴. Они «видят в составе структуру преступления, его систематизированную общественную

---

¹ Кузнецова Н. Ф. Избранные труды. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 486.

² См. подр.: Гонтарь И. Я. Преступление и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве: вопросы теории и правотворчества. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1997.

³ См. Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М.: Госюриздат, 1957.

⁴ См., напр.: Курс советского уголовного права: в 6 т. Т. 2. Преступление / под ред. А. А. Пионтковского, П. С. Ромашкина, В. М. Чхиквадзе. М.: Наука, 1970. С. 89; Уголовное право. Общая часть / под ред. А.А. Герцензона. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. С. 282.

опасность»¹. Другие ученые стали рассматривать состав преступления как описание признаков общественно опасного деяния в законе, которые характеризуют данное деяние как преступление, то есть как явление идеальное, существующее только в законе². «Соответственно каждой концепции формулируется и понятие состава преступления. В первом случае им обозначается совокупность указанных в законе признаков, *образующих* преступление; а во втором – совокупность признаков, *характеризующих* согласно закону общественно опасное деяние как преступление»³.

Мы полагаем, что состав преступления может пониматься как совокупность признаков реально совершенного деяния, так и описание признаков общественно опасного деяния в законе, однако полисемия данного понятия вносит путаницу в понятийный аппарат науки уголовного права и вряд ли может быть оправдана. Проблема дуализма понимания состава преступления, на наш взгляд, вызвана не ложным пониманием самих явлений, обозначаемых термином «состав преступления», а тем, что при разделении понимания состава преступления в ученой среде не была выработана должным образом словарная форма, которая разграничила бы оба явления. Так, по нашему мнению, если термин «состав преступления» укоренился в доктрине уголовного права как описание признаков общественно опасного деяния в уголовном законе, то для обозначения составных частей преступления можно было бы использовать, например, простой и однозначный термин «совокупность элементов преступления». Данной терминологии мы намерены далее придерживаться в своей работе.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам:

1. Преступление как уголовно-правовую категорию определяет и одновременно отделяет от прочих правонарушений совокупность следующих

---

¹ Епифанова Е. В. Понятие преступления и состав преступления // Право и политика. 2008. № 3. С. 512.

² См. напр.: Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. С. 59 – 60 ; Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М.: Госюриздат, 1963. С. 93 ; Санталов А. И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1982. С. 34 ; Церетели Т. В., Макашвили В. Г. Состав преступления как основание уголовной ответственности // Советское государство и право. 1954. № 5. С. 67.

³ Пудовочкин Ю. Е. Учение о составе преступления: учеб. пособие. М.: Юрлининформ, 2009. С. 5.

признаков: а) существенная общественная опасность; б) уголовно-правовая противоправность; в) виновность; г) уголовная наказуемость.

2. Преступление как явление действительности, как жизненное явление представляет собой акт человеческого поведения, неотъемлемое свойство которого – протекание в конкретных условиях времени, места, обстановки и формы своего проявления вовне.

3. В связи с необходимостью выделения существенных элементов конкретного преступления учеными предложено распределение элементов по блокам. Наиболее приемлемым представляется их разделение на группы (блоки), относящиеся к объекту, объективной стороне, субъекту и субъективной стороне преступления.

§ 2. Понятие состава преступления

Абсолютное большинство представителей отечественной уголовно-правовой науки дают схожие определения понятия состава преступления, суть которых (с незначительными изменениями словарной формы) сводится к тому, что состав преступления представляет собой совокупность признаков, при помощи которых законодатель описывает в уголовно-правовой норме определенное деяние как преступление, характеризует его структуру и содержание¹.

А.И. Бойко полагает, что состав преступления представляет собой научную абстракцию, заблаговременную законодательную модель преступления². Ю.Е. Пудовочкин считает, что состав преступления – это законодательное понятие о преступлении определенного вида, суждение о признаках, необходимых и достаточных для признания деяний данного вида

---

¹ См. напр.: Трайнин А. Н. Избранные труды. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 16 ; Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. II. М., 1970. С. 89 ; Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления. М.: Юрид. лит., 1974. С. 164 ; Тер-Акопов А. А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М.: ЮРКНИГА, 2003. С. 23 ; Кузнецова Н. Ф. Избранные труды. С. 487 ; Гонтарь И. Я. Преступление и состав преступления как явления и понятия ... С. 97 ; Павлов С. Н. Состав преступления в теории уголовного права: научное издание. Ростов н/Д: Профпресс, 2010. С. 28 ; Сахаров А. Б. К вопросу о понятии состава преступления // Советское государство и право. 1952. № 7. С. 32 ; Никонов В. А. Учение о Преступлении: учеб.-метод. пособие. Вып. 2. Тюмень: Изд-во юрид. ин-та МВД РФ, 1998. С. 8 ; Ширяев А. Ю. Понятие «состав преступления»: сравнит.-правовой очерк // Российский юридический журнал. 2011. № 5. С. 108.

² Бойко А. И. Преступное бездействие. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 21.

преступлением¹. При этом В.Н. Кудрявцев считал более правильными те определения состава преступления, в которых подчеркивается, что это совокупность признаков общественно опасного деяния, определяющих его, согласно уголовному закону, как преступное и уголовно наказуемое. По его мнению, состав – это не только совокупность, а строгая система признаков преступления, которая отражает характерные внутренние связи образующих его элементов². Развивая эту мысль, В.Н. Кудрявцев пишет: «состав преступления представляет собой систему таких признаков, которые *необходимы и достаточны* для признания, что лицо совершило соответствующее преступление. Они необходимы в том смысле, что без наличия всех признаков состава в их совокупности лицо не может быть обвинено в преступлении, а, следовательно, и привлечено к уголовной ответственности. Они достаточны потому, что нет необходимости устанавливать какие-либо дополнительные данные, чтобы иметь основание предъявить соответствующему лицу обвинение в совершении преступления»³.

Таким образом, в составе преступления содержится тот необходимый минимум признаков преступления, которые служат основанием уголовной ответственности. Наличие именно *минимального* набора таких признаков в составе преступления диктуется необходимостью охвата огромного массива реально совершаемых преступлений. В случае, если состав преступления будет содержать излишние признаки, указывающие не на существенные свойства деяния, характеризующие его как преступление, произойдет неоправданное сужение спектра охваченных данным составом преступления реально совершаемых преступных деяний. Опасна и обратная ситуация, когда неуказание законодателем существенного признака состава преступления ведет к необоснованному расширению круга деяний, признаваемых преступлениями. Баланс признаков, необходимых и достаточных для признания поведения

---

¹ Пудовочкин Ю. Е. Учение о составе преступления: учеб. пособие. С. 7 ; См. также: Сверчков В. В. Соотношение понятий «состав преступления», «преступление», и «преступное посягательство» // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 17. С. 254.

² Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. С. 59.

³ Там же. С. 60.

преступным, требуется, поскольку состав преступления «как юридическое понятие преступного выступает весомой юридической гарантией привлечения к уголовной ответственности лишь при наличии оснований, зафиксированных в уголовном законодательстве»¹.

Верной представляется позиция, согласно которой «состав преступления – это юридическое представление (описание) законодателя о конкретном реально существующем явлении – преступлении, осуществляемое путем фиксации его признаков в УК РФ. Кроме того, данное описание осуществляется с определенным уровнем абстрагирования (нефиксации) от ряда черт, присущих конкретному преступлению. Такое игнорирование некоторых черт конкретного преступления обусловлено тем, что они не имеют юридического значения, т.е. не влияют на признание деяния общественно опасным и на уровень опасности самого преступника»². Однако, как отмечает В.Н. Кудрявцев, это вовсе не означает, что такое обобщенное описание более поверхностно, чем единичное, поскольку оно содержит не случайный подбор признаков, а выделяет такие из них, которые вскрывают сущность явления, объективную закономерность реальной действительности³.

Состав преступления – это идеальная законодательная модель преступления; с ее помощью законодатель криминализирует деяния, с которыми по тем или иным причинам государству необходимо бороться. При конструировании состава преступления законодатель задает модель (эталон) преступления, которая будет охватывать только те деяния, признаки которых точно соответствуют описанному составу преступления, зачастую оставляя при этом «за бортом» деяния, обладающие, возможно, не меньшей общественной опасностью, но не имеющие определенного законодателем признака. Так, например, ч. 1 ст. 303 УК РФ предполагает наступление ответственности за фальсификацию доказательств по гражданскому делу лицом, участвующим в деле, или его представителем. В то же время фальсификация доказательств,

---

¹ Там же.

² Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая ... С. 35 – 36.

³ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. С. 36.

предоставленных суду в деле о привлечении к административной ответственности, уголовно-правовых последствий не вызывает, хотя, надо полагать, данное деяние обладает не меньшей степенью общественной опасности.

Описание преступления в законе (с известной долей абстрактности) происходит при помощи описания четырех групп элементов, из которых, как это было сказано выше, складывается любое преступление. При этом элементы преступления законодатель описывает с помощью четырех групп признаков, характеризующих: объект, объективную сторону, субъект, субъективную сторону преступления, которые в совокупности и составляют признаки состава преступления¹. Законодатель описывает элементы преступления посредством указания их существенных, повторяющихся и характерных признаков, которые выделяют преступление данного вида из массы других и имеются во всех без исключения преступлениях, предусмотренных отдельной уголовно-правовой нормой. Описание данных признаков в статье Особенной части Уголовного кодекса консолидирует огромную массу совершаемых в реальной действительности общественно опасных деяний в рамках всего лишь одной универсальной для всех них нормы Особенной части УК, в соответствии с которой данные общественно опасные деяния квалифицируются как конкретное преступление. Отсутствие хотя бы одного из признаков состава в конкретном деянии означает отсутствие основания для привлечения к уголовной ответственности и, следовательно, невозможность уголовного преследования лица². Тем самым законодатель очерчивает круг уголовно наказуемых деяний, именуемых преступлениями, с помощью прямого указания на их признаки в составе конкретного преступления.

Таким образом, следует отметить, что преступление как явление объективной действительности и состав конкретного преступления имеют исторически сложившуюся общую четырехчленную структуру входящих в них

---

¹ Там же.

² Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая ... С. 38.

элементов, однако уголовно-правовая сущность этих явлений различна, в связи с чем смешение данных категорий права недопустимо. Тем не менее, в настоящее время, в научных публикациях и даже в учебной литературе порой допускается неверное толкование значения данных явлений. Так, спорной представляется позиция А.И. Чучаева, когда он, рассуждая про различия объективной стороны преступления и объективной стороны состава преступления, приходит к выводу, что «между ними нет особых различий, они выступают однопорядковыми явлениями»¹. От подобного смешения данных явлений справедливо предостерегал А.И. Бойко: «Следует лишь остеречься от абсолютизации натурального видения объективной стороны состава, все-таки состав – в первую очередь юридическая абстракция, хотя и генетически заданная жизнью. В противном случае, если понятие и явление сомкнутся, юристы не смогут грамотно, единообразно и по справедливости применять уголовный закон»².

Для правильного понимания и применения уголовного закона необходимо подробнее остановиться на вопросе о том, какие элементы реально совершенных преступлений переносятся законодателем в статьи Особенной части УК РФ, становясь признаками состава преступления, о том, каковы критерии подобного отбора.

В.Н. Кудрявцев отмечает, что «при правильном построении законодательства признаком состава преступления следовало бы считать такое качество (свойство, черту, особенность) преступления, которое удовлетворяет следующим требованиям:

- а) вместе с другими признаками определяет общественную опасность, противоправность, виновность и наказуемость деяния;
- б) выражает его отличие от других преступлений и правонарушений;
- в) прямо указано в законе или однозначно вытекает из него при толковании;

---

¹ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. С. 119.

² Бойко А. И. Указ. соч. С. 41.

- г) не является производным от других признаков;
- д) присуще всем преступлениям данного вида»¹.

Несмотря на положительные стороны приведенной концепции наука уголовного права видит ее главный недостаток в том, что речь идет только о признаках основного состава преступления. «В частности, к квалифицированному виду преступления и его составу неприменимо требование п. «г»: нередко квалифицирующее обстоятельство, упомянутое в Особенной части УК РФ, является производным от основного признака, например, совершение преступления организованной группой – от признака группы лиц по предварительному сговору»².

В.Н. Кудрявцев затрагивает важнейшую тему связи понятий преступления и состава преступления. Так, автором установлено, что не все элементы преступления как явления входят в признаки состава преступления, поскольку туда включаются только признаки, имеющие существенное значение, но, «если каждый признак конкретного преступления входит в обобщенный признак состава, соответствует ему так же, как единичный предмет относится к определенному классу предметов, мы говорим, что в действиях этого лица имеется состав преступления»³. Все признаки, входящие в конкретный состав преступления, наличествуют и в преступлении, которое ему соответствует, в качестве элементов преступления, наравне с иными элементами, признаки которых не вошли в состав преступления, но являются неотъемлемой частью явления преступления.

Концепция состава преступления позволяет рассматривать акт общественно опасного поведения сквозь призму составляющих его элементов, имеющих уголовно-правовое значение и необходимых для того, чтобы признать данное деяние преступлением. Раздельное рассмотрение признаков данных элементов позволяет полнее уяснить сущность преступления в целом.

---

¹ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. С. 94 – 95.

² Кругликов Л. Л. Квалифицирующие признаки как средство дифференциации уголовной ответственности: современное состояние // Проблемы теории уголовного права: Избранные статьи (2000 – 2009 гг.). Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2010. С. 435.

³ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. С. 61.

Все признаки, характеризующие элементы преступления и входящие в состав преступления, в доктрине уголовного права принято делить на блоки. Из анализа учебной литературы по курсу Общей части уголовного права, которая, как известно, содержит в себе наиболее устоявшиеся концепции и взгляды, разделяемые большинством исследователей, следует, что современная доктрина рассматривает состав преступления как произведение четырех групп слагаемых, признаков, относящихся: 1) к объекту преступления, 2) объективной стороне преступления, 3) субъективной стороне преступления и 4) субъекту преступления¹, то есть соответствует блокам элементов, слагающих преступление как явление социальной реальности.

Благодаря правовому феномену состава преступления «можно вести речь о юридической структуре такого явления, как преступление, осознанно в законодательном порядке определиться с кругом элементов, которые должны присутствовать при описании в законе соответствующего вида преступного деяния, ставить вопрос о наполнении (конкретизации) этих элементов определенным кругом признаков, о включении их в предмет доказывания по уголовному делу»². По мысли В.Н. Кудрявцева, «практический смысл уголовного закона в том, в частности, и состоит, что он предусматривает все существенные признаки деяния, отражающего определенную закономерность. Эти признаки в своей совокупности образуют состав преступления»³.

Правовое значение состава преступления заключается в том, что он служит единственным основанием привлечения к уголовной ответственности лица, совершившего преступление (ст. 8 УК РФ), а также выступает юридическим основанием квалификации преступлений.

Состав преступления благодаря совокупности своих признаков и возможности их различных комбинаций обладает функцией разграничения

---

¹ См. напр.: Уголовное право России. Общая часть / под ред. А. И. Рарога. М.: Эскмо, 2009. С. 72 – 73 ; Уголовное право. Общая часть: учебник / отв. ред. И. Я. Козаченко. М.: Норма, 2008. С. 188 ; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. С. 87.

² Кругликов Л. Л. Этапы становления учения о составе преступления // Проблемы теории уголовного права: Избранные статьи (2000 – 2009 гг.). Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2010. С. 165.

³ Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М.: Госюриздат, 1960. С. 41.

ответственности, которая дает возможность четко дифференцировать квалификацию действий виновного лица даже во внешне сходных преступлениях (например, при разграничении кражи и грабежа, отличающихся только по способу их совершения). В случае отсутствия какого-либо необходимого признака состава преступления также возможно разграничение ответственности на межотраслевом уровне. Например, в случае отсутствия состава преступления, предусмотренного ст. 168 УК РФ – уничтожение или повреждение имущества по неосторожности – возможно наступление гражданско-правовой или административной ответственности.

Относительно понятия общего состава преступления в науке уголовного права ведутся оживленные дискуссии, которые сводятся к двум взаимоисключающим позициям. Одни авторы утверждают, что данной категории уголовного права не существует, другие уверены, что она не только существует, но и необходима для уголовно-правовой доктрины. К ярким представителям первой позиции относятся Н.Д. Дурманов и А.Н. Трайнин, вторую позицию в числе прочих авторов отстаивают Я.М. Брагинин, А.А. Пионтковский, Л.Д. Гаухман, Ю.А. Ляпунов. Последние считают, что «выделяются два вида состава преступления: общий состав преступления, рассматриваемый как научная абстракция, и состав конкретного вида преступления... Под общим составом преступления понимают структуру любого общественно опасного деяния, предусмотренного Уголовным законом и включающего в себя объективные (объект и объективная сторона) и субъективные (субъект и субъективная сторона) элементы. Конкретный состав преступления представляет собой систему закрепленных в Уголовном кодексе конкретных признаков, характеризующих любое преступление данного вида (кража, убийство, бандитизм и т.д.)»¹. Приведенная позиция представляется наиболее верной, поскольку, на наш взгляд, неразумно отрицать общетеоретическую ценность общего состава преступления, поскольку он «является не пустой абстракцией, а необходимой ступенью, предпосылкой к

---

¹ Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая ... С. 38.

познанию конкретных составов преступления»¹, теоретической основой для раскрытия их содержания и для правильного применения на практике уголовного закона².

Необходимо помнить, что категория общего состава преступления как абстрактная модель существует лишь в теории уголовного права, в связи с чем «общего состава преступления в социальной действительности не существует. Есть всего лишь понятие о нем, которое отражает в обобщенной форме предметы, явления, факты, процессы, существующие в реальной жизни, посредством фиксации их общих, типичных и специфических признаков.., представляющих существенную опасность для интересов личности, общества и государства»³. В уголовном законе мы также не встретим общего состава преступления, поскольку в нем отражаются только конкретные составы преступления, которые обладают меньшей степенью абстракции и представляют собой описание признаков конкретного преступления. Однако следует помнить, что вопросы, связанные с конструкцией диспозиции уголовного закона решаются именно на основе общего учения о составе преступления⁴.

Признаки состава преступления, рассматриваемые через призму общего состава преступления, в доктрине уголовного права делятся на обязательные и факультативные. «Роль обязательных признаков состоит в том, что, будучи установленными в конкретном общественно опасном деянии, они в своей совокупности образуют достаточное основание для привлечения лица к уголовной ответственности; отсутствие хотя бы одного из них означает отсутствие состава преступления в целом, а следовательно, и отсутствие основания ответственности»⁵.

---

¹ Брайнин Я. М. Указ. соч. С. 95.

² Курс советского уголовного права: в 6 т. Т. 2. С. 93.

³ Ляпунов Ю. Состав преступления: гносеологический и социально-правовой аспекты // Уголовное право. 2005. № 5. С. 44.

⁴ Жеребкин В. Е. Логический анализ понятий права. Киев: Вища шк., 1976. С. 47.

⁵ Пудовочкин Ю. Е. Учение о составе преступления. С. 14.

Факультативные признаки объективной стороны, как верно отмечает А.Н. Трайнин, являются факультативными только в том смысле, что они могут быть указаны или не указаны в законе. По отношению к конкретным составам, в которых они закреплены законодательно, они выступают в качестве обязательных признаков¹.

Признаки, являющиеся факультативными для общего состава преступления, в конкретных составах могут обладать рядом важных функций:

1. Выступая в качестве обязательных (например, при краже обязательен способ совершения преступления), они становятся составообразующими признаками, без которых невозможно наступление ответственности по данной статье.

2. Выступают квалифицирующим обстоятельством по отношению к основному деянию (убийство, совершенное общеопасным способом, предусмотренное п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ, является квалифицирующим обстоятельством по отношению к «простому» убийству, предусмотренному ч. 1 ст. 105 УК РФ).

3. Могут являться основанием межотраслевой дифференциации ответственности за преступления, административные правонарушения и гражданско-правовые деликты. Так, незаконная охота может образовывать состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 8.37 КоАП РФ, а в случае, если в качестве места совершения данного общественно опасного деяния будет выступать особо охраняемая природная территория, зона экологического бедствия либо зона чрезвычайной экологической ситуации, подобное деяние охватывается п. «г» ч. 1 ст. 258 УК РФ.

4. Являются «демаркационной линией», проходящей между преступным и непроступным поведением, как это происходит, например, в ст. 133 УК РФ, в которой понуждение лица к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или совершению иных действий сексуального характера признается преступным только в случае применения виновным определенного способа

---

¹ См.: Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. С. 190.

совершения преступления – шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо с использованием материальной или иной зависимости потерпевшего (потерпевшей).

5. Факультативные признаки могут выступать в качестве обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, в случае, если данные обстоятельства сами по себе не предусмотрены в конструкции состава преступления. Так, факультативные признаки субъекта преступления предусмотрены и в качестве обстоятельств, смягчающих (беременность виновной, предусмотренная п. «в» ч. 1 ст. 61 УК РФ) и отягчающих (совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел согласно п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ) наказание.

Деление признаков на обязательные и факультативные имеет серьезное значение с точки зрения юридической техники. Законодатель, конструируя состав определенного преступления, отбирает нужные ему элементы. При этом обязательные элементы всегда попадают в конструируемый состав, игнорирование данного обстоятельства может привести к дефектам уголовного закона¹. Однако не следует смешивать понимание признаков общего и конкретного составов преступления, поскольку признаки общего состава преступления – суть уголовно-правовая теория, признаки конкретного состава – описание элементов конкретных видов преступлений.

Как было сказано выше, преступление и состав преступления являются отнюдь не синонимичными понятиями, в связи с чем их требуется четко разграничивать, поскольку их смешение ведет к искажению в понимании закона и деформациям в его применении.

Категории преступления и состава преступления относятся к центральным понятиям уголовного права и, несмотря на имеющиеся между ними различия, они находятся в неразрывной связи и органическом единстве. Связь между ними точно описал А.Н. Трайнин в следующих строках: «Понятия

---

¹ Кругликов Л. Л. Техника конструирования состава преступления (методологические вопросы) // Проблемы теории уголовного права: Избранные статьи (2000 – 2009 гг.). Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2010. С. 140.

преступления и состава преступления по своему содержанию и своему правовому значению весьма близки друг другу. Поэтому их нельзя механически расчленять. Они, однако, не тождественны. Их поэтому нельзя и смешивать»¹.

При установлении соотношения преступления и состава преступления необходимо помнить о том, что оно существует на двух уровнях: а) общего понятия преступления и общего состава преступления как научной абстракции; б) конкретного преступления и конкретного состава преступления².

Прежде всего отметим, что «если общее понятие преступления зафиксировано в уголовном законе и дает возможность отграничивать преступное от непроступного, то общее понятие состава преступления разработано уголовно-правовой доктриной»³. Хотя сам термин «состав преступления» закреплен в ст. 8 УК РФ в качестве основания уголовной ответственности, суть этого понятия законом не раскрывается.

По мнению В.Н. Кудрявцева, отличие между понятиями преступления и состава преступления «состоит в различном выборе и различной группировке существенных признаков преступного деяния. Если определение понятия преступления характеризует его главным образом с точки зрения социальной сущности как общественно опасное явление, то понятие состава преступления характеризует его юридическую структуру, раскрывает все основные образующие его элементы»⁴. Данное суждение дополняет Я.М. Браинин, который пишет, что «понятие состава преступления также включает в себя и общественную опасность и противоправность как его неотъемлемые свойства. Однако понятие состава преступления не содержит прямого указания об общественной опасности и противоправности, поскольку оба эти свойства предполагаются в любом деянии, заключающем в себе состав преступления»⁵.

---

¹ Браинин А. Н. Избранные труды. С. 15.

² Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая ... С. 56.

³ Уголовное право России: учебник для вузов: в 2 т. Т. 1. Общая часть / отв. ред. А. Н. Игнатов, Ю. А. Красиков. М.: Норма, 2000. С. 56.

⁴ Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. С. 44 – 45.

⁵ Браинин Я. М. Указ. соч. С. 131.

С приведенной позицией не согласен А.В. Иванчин, считающий, что общественная опасность находится за рамками состава преступления, а последний есть воплощение «формального» признака преступления (т.е. признака запрещенности или уголовной противоправности). Состав преступления, по мнению автора, олицетворяет набор признаков, характеризующих деяние как запрещенное, предусмотренное законом в качестве определенного преступления. В действительности признаки конкретного преступления лишь соответствуют признакам состава преступления, поэтому точнее говорить о соответствии признака конкретного преступления (содеянного) признаку состава или составу преступления¹. Руководствуясь утверждением указанного автора о том, что для корректности процесса соотношения искомых понятий должны сопоставляться одноуровневые понятия², подробнее остановимся на сравнении конкретного преступления и конкретного состава преступления.

Нами было установлено, что если преступление – это явление действительности, конкретный акт противоправного человеческого поведения, то состав преступления – это описание признаков преступления в законе, которое является некой идеальной моделью преступления, созданной законодателем.

В составе преступления, как в модели преступления, не могут быть отражены все черты преступления как деяния, совершенного в объективной действительности. Элементы преступления являются более емкими по сравнению с признаками состава преступления, так как в них входят как признаки состава преступления, так и прочие обстоятельства, являющиеся неотъемлемой частью реального преступления. Иными словами, «реальное преступление содержит множество признаков, безразличных для уголовного права»³. Я.М. Брайнин, рассматривая соотношение конкретного состава

---

¹ Иванчин А. В. О формальной сущности состава преступления // Вестник ЯрГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2011. № 3. С. 75 – 77.

² Там же. С. 75.

³ Энциклопедия уголовного права. Т. 4. С. 8.

преступления с конкретным явлением преступления, писал: «конкретный факт преступления характеризуется, кроме признаков, указанных в законе, также и большим числом различных привходящих обстоятельств, характеризующих объект, субъект и другие элементы состава преступления. При исследовании конкретного факта преступления задача заключается в том, чтобы, исследуя все фактические обстоятельства, относящиеся к совершенному преступлению и служащие доказательством его совершения, а также имеющие значение для выяснения степени общественной опасности совершенного преступления и личности обвиняемого, выделить из всей этой массы именно те, которые необходимы для установления наличия состава преступления в строгом соответствии именно с тем законом, который должен быть применен в данном случае»¹.

Действительно, если рассматривать объективную сторону конкретного преступления и состава преступления, то мы обнаружим, что речь идет о явлениях различного порядка. Так, объективная сторона состава преступления, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ, включает в себя общественно опасное деяние – умышленное причинение смерти другому человеку, общественно опасные последствия в виде наступления смерти человека, причинно-следственную связь между деянием и последствиями, способ совершения – с особой жестокостью (конкретный способ – сожжение, отравление мучительно действующим ядом и т.д. – с точки зрения квалификации значения не имеет, если он отвечает требованию особой жестокости). Другими словами, для квалификации деяния по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ достаточно наличия четырех перечисленных признаков, другие признаки объективной стороны состава преступления (в случае если не они образуют особую жестокость), такие, как обстановка совершения преступления, орудие преступления, время и место его совершения, значения не имеют. Иная ситуация складывается с объективной стороной конкретного убийства, совершенного с особой жестокостью, произошедшего в объективной

---

¹ Брайнин Я. М. Указ. соч. С. 125.

действительности. Данное преступление представляет собой протекающий в реальности акт поведения человека, направленный на лишение другого человека жизни при помощи определенного орудия, конкретным способом, особо мучительным для потерпевшего, происходящий в конкретных условиях времени, места при определенной обстановке, которые не отделимы от самого деяния и выступают обязательными элементами преступления, в отрыве от которых преступление как явление действительности невозможно¹. Если состав преступления может оперировать категорией «убийство вообще», то преступление как явление действительности может быть только конкретным убийством, произошедшим в определенном месте и времени, совершенном в отношении определенного лица и т.д. Состав преступления «является продуктом мыслительной деятельности законодателя, *логической структурой*, передающей основное содержание понятия (кражи, грабежа, убийства и т.д.)»². Разницу между категориями объективной стороны преступления и объективной стороны состава преступления Г.В. Тимейко описывал так: «Объективная

---

¹ Таким же образом убийство особо жестоким способом описывается и в конкретных судебных решениях. Так, приговором Нижегородского областного суда П. был осужден по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ за то, что он в ответ на отказ потерпевшего Р. отпустить его (П.) с работы домой, на почве возникших личных неприязненных отношений, желая совершить убийство Р. с особой жестокостью – сожжением его заживо, 08.06.2010 года находясь на своем рабочем месте приискал емкость для бензина, попросил налить туда бензин у водителя того же предприятия З., не знавшего о задуманном, после чего П. зашел в кабинет Р., осознавая, что своими действиями причинит потерпевшему особые мучения и страдания, облил Р. бензином и поджег потерпевшего, который от полученных ожогов скончался 21.06.2010 года (кассационное определение Верховного Суда от 05.04.2011 г. № 9-О11-12 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»). Архангельским областным судом действия Г. были квалифицированы по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку как следует из материалов дела, об особой жестокости, проявленной Г. свидетельствовали как обстановка совершения преступления, так и конкретные орудие и способ совершения преступления, избранные виновным, а также характер и локализация телесных повреждений, причиненных им потерпевшей. Было установлено, что Г. в период с 22 часов 05 ноября 2008 года до 05 часов 06 ноября 2008 года умышленно, с целью лишения жизни другого человека, нанес П. множество ударов кулаками, металлической трубой, гвоздодером, топором по голове, в область шеи, в грудную клетку, живот и по конечностям, причинив потерпевшей тупую сочетанную травму тела, которая осложнилась развитием травматического шока и привела к смерти пострадавшей на месте происшествия. Избранный подсудимым способ умышленного лишения жизни другого человека путем нанесения большого количества ударов (не менее 407) кулаками и различными усиливающими травмирующее воздействие предметами (металлической трубой, гвоздодером и топором) практически по всем участкам тела, на протяжении длительного времени, повлекших множество прижизненных телесных повреждений был заведомо для Г. связан с причинением потерпевшей особых физических страданий и мучений, то есть, такой способ убийства охватывался умыслом виновного (Уголовное дело №2-31/2009 // Архив Архангельского областного суда). Постановление приведенных приговоров судом стало возможным только благодаря установлению всего комплекса конкретных обстоятельств дела (необязательных с точки зрения состава преступления), протекающих в объективной действительности и взаимообуславливающих друг друга, без определения которых решение вопроса о виновности осужденных было бы невозможно.

² Кругликов Л. Л. Этапы становления учения о составе преступления ... С. 164.

сторона преступления – это внешний акт преступного поведения, существующий в объективной реальности; объективная сторона состава преступления – это юридическое суждение о внешних формах преступного поведения, выраженное в уголовном законе и отражающее волю законодателя»¹.

Учитывая вышеизложенное, верным представляется следующее видение соотношения преступления и состава преступления: «преступление и состав преступления находятся в разных плоскостях (уровнях) бытия общества: преступление – это явление реальной жизни, а состав преступления – юридическое представление законодателя о конкретном реально существующем явлении – преступлении»². Таким образом, если объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона как элементы преступления – это реально существующие явления, то объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона состава преступления – лишь описание необходимых обобщенных признаков явления преступления, которые, как шаблон, накладываются на реально совершенное общественно опасное деяние и отвечают на вопрос, имеется ли в нем состав преступления. Небезынтересной в связи с этим представляется метафора, предложенная А.И. Бойко: «Если представить реальное преступление в виде круга с разорванными краями (что символизирует утечку части информации), то состав преступления можно изобразить в форме каркаса, помещенного внутри окружности – это тот минимум стандартизированной информации, которую необходимо добыть по любому уголовному делу»³. Не можем пройти мимо еще одного образного выражения, принадлежащего перу того же автора, о том, что за понятием преступления «скрывается факт, боль, событие, жизнь. Состав же –

---

¹ Тимейко Г. В. Общее учение об объективной стороне преступления. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1977. С. 8.

² Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая ... С. 56.

³ Бойко А. И. Указ. соч. С. 21 – 22.

это абстракция, мысль, искусственная модель, шаблон, лекало, скелет, остов, тень преступления»¹.

Если преступление – это явление реальной действительности, то у состава преступления иное положение. Он является в определенном смысле выдумкой законодателя, своего рода юридической *фикцией* в значении приема законодательной техники, который призван «минимизировать издержки от пробельности права, избавляя от необходимости давать излишние объяснения по поводу тех или иных явлений (институтов), детализируя и описывая в праве те стороны общественных отношений, которые сделали бы вид этих отношений полностью заформализованными»². С помощью данного приема законодатель, по образному выражению А.Н. Трайнина, «возводит в ранг»³ признаков состава преступления обобщенные признаки элементов конкретных преступлений, которые после этого становятся неким прообразом данных видов преступления, выступают его (преступления) эталоном, закрепленным в законе, при этом утрачивая связь с действительностью.

Проблема уголовно-правовых фикций в российском законодательстве впервые получила комплексное освещение в работах К.К. Панько⁴, рассматривающего данное понятие как совокупность логических приемов и методических правил исследования, при которых действительность подводится под какую-либо условную формулу⁵. Определение правовой фикции К.К. Панько дает следующим образом: «прием законодательной техники, состоящий в признании существующего несуществующим и наоборот, а также свойство нормы права не соответствовать потребностям общества в процессе правотворческой или правоприменительной деятельности»⁶. Автор, рассматривая категорию состава преступления, уделил пристальное внимание только разграничению материальных и формальных составов преступления и

---

¹ Там же. С. 23.

² Панько К. К. Фикции в уголовном праве (в сфере законотворчества и правоприменении): дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 1998. С. 78.

³ Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. С. 53.

⁴ См. подр.: Панько К. К. Указ. соч.

⁵ Там же. С. 12.

⁶ Там же. С. 49.

выделению в них законодательного приема фикции, что, на наш взгляд, несколько не полно. Ниоим образом не умаляя заслуг К.К. Панько в деле разработки института правовой фикции, отметим, что исходя из выработанных им положений, следует признать законодательную категорию состава преступления правовой фикцией в целом¹. Так, состав преступления как юридическая фикция «с точки зрения формы...представляет собой прием, применяемый в праве и состоящий в закреплении такого положения, которое лишено истинности с момента его установления. Она закрепляет несуществующее, и этим определяется ее фиктивный характер»². Закрепляя, например, тот факт, что для наличия состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ, необходимо наличие лишь общественно опасного деяния, тайного способа его совершения и объекта в виде чужого имущества, законодатель сознательно проигнорировал все иные признаки, такие как конкретный предмет посягательства, время, место и обстановку совершения хищения, без которых совершение данного преступления в действительности невозможно, а, следовательно, невозможна и квалификация деяния согласно данного состава преступления.

В пользу того, что состав преступления имеет вид правовой фикции, свидетельствует и тот факт, что законодатель произвольно указывает признаки состава преступления, руководствуясь при их отборе собственными критериями, в связи с чем в отдельных составах преступления порой могут быть учтены излишние признаки либо не отражены необходимые. Примером отсутствия в составе преступления необходимого признака может служить ст. 110 УК РФ, в которой законодателем не была указана форма вины, в связи с чем теория и практика испытывают затруднения в применении и толковании данного состава преступления. Излишние признаки приводятся законодателем в составах преступления, в диспозиции которых сначала дается указание на

---

¹ Примечательно, что А. П. Козлов, например, также считал состав преступления фикцией, вкладывая, однако, в данный термин иное значение (См. подр.: Козлов А. П. Понятие преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 169 – 171).

² Панько К. К. Указ. соч. С. 60.

конкретные способы совершения преступления, после чего допускается возможность совершения деяния и «иным способом», в связи с чем закрепление в диспозиции определенных способов становится в некоторой мере бессмысленным (примером служат ст. 150, 215.2 УК РФ и др.).

В результате рассмотрения категории состава преступления мы приходим к следующим выводам:

1. Существенные признаки элементов преступления, входящие в состав всякого преступления определенного вида, необходимые и достаточные для признания конкретного деяния в качестве преступления, описываются в законе в рамках специальной законодательной конструкции – состава преступления.

2. В состав преступления как идеальную законодательную модель преступления входит описание только существенных признаков преступлений определенного вида; иные признаки, не имеющие юридического значения, в нем не фиксируются.

3. Поскольку состав преступления закрепляет преступление в законе посредством описания объекта, субъекта, объективной и субъективной сторон преступления, он, как и преступление, состоит из четырех одноименных групп признаков.

4. Теорией уголовного права выделяются два вида составов преступлений: 1) общий состав преступления, являющийся научной абстракцией, идеальной моделью всех возможных составов преступлений, отражающей в обобщенной форме их общие, типичные и специфические признаки; 2) состав конкретного преступления, закрепляющий в законе конкретные признаки, характеризующие преступления определенного вида.

5. Согласно общего состава преступления все признаки делятся на обязательные и факультативные (дополнительные, необязательные), в то время как для состава конкретного преступления существуют только обязательные признаки.

6. Если преступление – это явление реальной действительности, то у состава преступления иное положение. Он является в определенном смысле

выдумкой законодателя, своего рода юридической *фикцией*, *конструкцией* в значении приема законодательной техники, призванного формализовать общественные отношения в законе.

§ 3. Место способа совершения преступления в объективной стороне преступления и состава преступления

Как установлено нами выше, преступление и состав преступления – понятия не синонимичные, они соотносятся как явление и описание этого явления в законе.

Учитывая общую четырехэлементную структуру преступления и состава преступления, возникает вопрос о том, что представляет собой способ совершения преступления как элемент объективной стороны явления преступления и как признак объективной стороны состава преступления, какой вид при этом он будет иметь.

Перед сравнением способа совершения преступления как элемента, входящего в явление преступления и состава преступления, необходимо рассмотреть более крупную структурную единицу, в которую он входит, – соотношение объективной стороны преступления и объективной стороны состава преступления.

В.Н. Кудрявцев отмечает, что, «как и всякий акт внешнего человеческого поведения, преступление представляет собой определенное психофизическое единство. Оно не только имеет субъективное, психическое содержание, но и, вместе с тем, выражается во внешних, объективных формах поведения, в действии (бездействии) субъекта, вызывающем изменение окружающей действительности»¹. Подобное выражение во вне акта преступного поведения, при рассмотрении его проявлений в объективной реальности, в отрыве от личности, целей и мотивов преступника, в науке уголовного права принято именовать объективной стороной преступления, а описание существенных

---

¹ Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. С. 8.

признаков данной стороны в законе – объективной стороной состава преступления.

Фактически объективная сторона преступления есть отражение внешней стороны преступного посягательства в конкретных условиях времени, места и обстановки, воспринимаемая с помощью органов чувств. Объективная же сторона состава преступления есть описание в законе внешней стороны преступного посягательства, причиняющего вред объектам, охраняемым уголовным законом, либо создающим угрозу причинения подобного вреда. Г.В. Тимейко так описывал их соотношение: «объективная сторона преступления – это внешний акт преступного поведения, существующий в объективной реальности; объективная сторона состава преступления – это юридическое суждение о внешних формах преступного поведения, выраженное в уголовном законе и отражающее волю законодателя»¹. По мнению одного из исследователей теории квалификации преступлений, «квалифицировать преступление по объективной стороне означает установить тождество между внешней стороной общественно опасного деяния, т.е. актом поведения человека, совершенным в объективном мире, и объективной стороной соответствующего состава преступления»².

Про значение объективной стороны преступления точно высказался Г.В. Тимейко: «...для наличия преступления недостаточно субъекта, замышляющего преступление, объекта, на который направлено посягательство, жертвы этого посягательства и самого преступного намерения, каким бы оно твердым ни было, а необходимо, кроме того, чтобы преступные цели и намерения субъекта проявились во вне в его общественно опасных действиях или бездействии»³.

По поводу того, какие из признаков, составляющих объективную сторону состава преступления, являются обязательными, а какие факультативными, в

---

¹ Тимейко Г. В. Указ. соч. С. 8.

² Кадников Н. Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования. М.: Юриспруденция, 2009. С. 17.

³ Тимейко Г. В. Указ. соч. С. 15.

ученой среде нет единства мнений. Данный вопрос, являясь дискуссионным, представляется далеко не праздным, так как, в конечном счете, речь идет о том, что при отсутствии обязательного признака объективной стороны состава преступления последний не образуется, что в свою очередь означает отсутствие оснований для уголовной ответственности.

В объективной стороне преступления как конкретном явлении действительности, как нам представляется, нет факультативных признаков (элементов). Все элементы реально совершенного преступления являются обязательными, поскольку представляют собой неотъемлемую часть произошедшего общественно опасного деяния. Так, совершение преступления невозможно без конкретного деяния, осуществленного в пространственно-временных рамках, обстановки и способа его совершения, поскольку в реальности все эти элементы преступления слиты воедино и отсутствие любого из них невысказуемо. В то же время каждое преступление в соответствии со ст. 14 УК РФ характеризуется общественной опасностью, противоправностью, виновностью и наказуемостью – свойствами, которые также являются обязательными условиями признания общественно опасного деяния преступлением. Ни одно из этих свойств преступления не может быть факультативным (необязательным), поскольку в случае отсутствия любого из них деяние перестает быть преступным, хотя при этом его объект, субъект, объективная и субъективная стороны, проявившиеся в реальной действительности, никуда не исчезают.

Невозможность разделения объективной стороны конкретного преступления как явления действительности на факультативные и обязательные признаки (элементы) – позиция, которой автор будет придерживаться в дальнейшей работе.

Иная ситуация складывается с обязательными и факультативными признаками объективной стороны общего состава преступления при его воплощении законодателем в конкретных составах, поскольку в данном понятии закреплены не реальные элементы преступления (без которых его

совершение невозможно), а законодательная характеристика этих элементов (место, время, обстановка, способ совершения преступления и т.д.). Данная характеристика относительно объективной стороны реально совершаемой массы конкретных преступлений одного вида может быть дана законодателем в составе преступления этого вида, а может и не быть дана, в случае, если, с точки зрения законодателя, характеристики объективной стороны не имеют значения для квалификации деяния. Так, например, законодателю безразлично место совершения убийства (ч. 1 ст. 105 УК РФ), в то время как место совершения контрабанды наркотиков (ч. 1 ст. 229.1 УК РФ) является определяющей характеристикой данного деяния как преступления.

Нами разделяется позиция авторов, которые считают обязательным признаком объективной стороны состава преступления только преступное деяние (действие или бездействие)¹. К факультативным признакам объективной стороны состава преступления относятся общественно опасное последствие, причинная связь между деянием и наступившими последствиями, способ, время, место, орудия, средства, обстановка совершения преступления. Общественно опасные последствия (а следовательно и причинно-следственная связь между деянием и последствиями) являются факультативными признаками, поскольку присущи только преступлениям с материальным составом, в то время как преступное деяние свойственно преступлениям и с материальным, и с формальным, и с усеченным составами, и с составом создания опасности. Иные признаки (время, место, способ, обстановка), входящие в объективную сторону состава преступления, являются факультативными и включаются в него законодателем только тогда, когда они имеют существенное значение для характера и степени общественной опасности преступного деяния. Так, способ совершения преступления «либо

---

¹ См., напр.: Тимейко Г. В. Указ. соч. С. 10 ; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. С. 89 ; Уголовное право России: учебник / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. С. 145 ; Брайнин Я. М. Указ. соч. С. 178 ; Корнеева А. В. Теоретические основы квалификации преступлений: учеб. пособие. М.: ТК Велби; Проспект, 2006. С. 52 ; Арутюнов А. Объективная сторона преступления, совершенного в соучастии // Уголовное право. 2002. № 2. С. 4 ; Атальянц М. Значение факультативных признаков состава преступления // Российский следователь. 2009. № 18. С. 7.

указывается законодателем в числе необходимых признаков преступления, либо не упоминается в уголовно-правовой норме»¹.

Как точно подметил В.Н. Кудрявцев, законодатель, «руководствуясь объективными критериями, признает определенное общественно опасное деяние преступлением и описывает его признаки в диспозиции правовой нормы»². При этом к данным признакам в обязательном порядке относится только преступное деяние, способ совершения преступления включается в качестве обязательного признака объективной стороны состава преступления только в том случае, когда он имеет существенное значение для конкретного преступления, и совершение деяния определенным способом существенно влияет на его общественную опасность. В связи с этим необходимо четко разграничивать понятия деяния и способа совершения преступления, поскольку они, благодаря своему различному правовому положению обязательного и факультативного признаков состава преступления, имеют различия в своем содержании, которые будут подробно рассмотрены во второй главе настоящей работы.

Таким образом, мы установили:

1. Объективная сторона преступления и состава преступления соотносятся так же, как явление и описание этого явления в законе. В объективную сторону состава преступления законодателем неизменно включается лишь преступное деяние.

2. Способ совершения преступления, будучи неотъемлемой частью объективной стороны преступления как явления действительности, в конструкцию объективной стороны состава преступления включается законодателем факультативно, в случае, если обладает существенным уголовно-правовым значением.

3. В связи с различным положением обязательного и факультативного признаков состава преступления, преступное деяние и способ совершения

---

¹ Жордания И. Ш. Структура и правовое значение способа совершения преступления. Тбилиси: Изд-во Сабчота Сакартвело, 1977. С. 134.

² Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. С. 46 – 47.

преступления имеют существенные отличия в своем содержании, смешение которого недопустимо.

Глава 2. Объективные и субъективные признаки способа совершения преступления, история его использования в отечественном законодательстве

§ 1. Объективные признаки способа совершения преступления

На наш взгляд, большинство исследователей, занимавшихся изучением уголовно-правового значения способа совершения преступления, рассматривали его как часть объективной стороны преступления, не уделяя должного внимания способу совершения преступления как признаку объективной стороны состава преступления и допуская смешение данных понятий. Так, широкое распространение в учебной литературе по уголовному праву получили схожие определения способа совершения преступления как совокупности приемов и методов, которые использует преступник в процессе осуществления своего преступного намерения¹.

Н.Ф. Михайлов и А.А. Магомедов, а также ряд других авторов² понимают под способом совершения преступления «внешнюю форму преступного поведения, состоящую из совокупности приемов, определенного порядка, последовательности движений и действий, используемых лицом в процессе осуществления им общественно опасного посягательства на охраняемые уголовным законом общественные отношения»³. Данное положение будучи верным для способа совершения преступления как *элемента явления преступления* (в котором преступное деяние фактически сливается со способом своего совершения и разделение их возможно только условно), применительно к способу совершения преступления как *признаку состава преступления* представляется ошибочно. В последнем случае следует согласиться с И.А.

---

¹ См., напр.: Уголовное право России. Часть Общая / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 178 ; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Б. В. Здравомыслова. М., 2002. С. 150 ; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. А. И. Рарога, А. С. Самойлова. М., 2005. С. 150.

² См., напр.: Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник для высш. учеб. заведений / под общ. ред. Н. Г. Кадникова. М., 2007. С. 116 ; Уголовное право России: учебник / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. С. 179 ; Энциклопедия уголовного права. Т. 4. С. 434 ; Брайнин Я. М. Указ. соч. С. 181 ; Сухарев Е. А. Оптимальное отражение способа совершения преступления в конкретных составах // Некоторые вопросы эффективности уголовного законодательства. Свердловск: Изд-во Свердлов. юрид. ин-та, 1974. С. 60.

³ Михайлов Н. Ф., Магомедов А. А. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение. Астрахань: Изд-во АсФ КРУ МВД России, 2008. С. 45.

Мухамедзяновым в том, что нельзя определять способ совершения преступления через форму деяния, так как, если понимать форму как внешний вид явления, происходит отождествление способа с самим деянием, форма в значении внутренней структуры явления также не исчерпывает сущности преступного деяния, так как способ является лишь элементом преступления¹.

В.Н. Кудрявцев определяет способ совершения преступления как «определенный порядок, метод, последовательность движений и приемов, применяемых лицом»². Он же со ссылкой на Б.С. Никифорова говорит о том, что способ совершения преступления – это совокупность отдельных черт самого действия (бездействия), посредством которого достигается преступный результат³.

Схожее определение дает Н.П. Пономарева, понимающая под способом совершения преступления определенный образ поведения преступника, в котором выражаются предусмотренные в статьях Особенной части уголовного закона действия (бездействия), заключающиеся в использовании различных методов, приемов, материальных средств, условий или их комбинаций. Способ совершения преступления отвечает на вопрос, как, каким образом, с помощью каких средств выполнено предусмотренное уголовным законом преступное деяние⁴.

Г.Г. Зуйков под способом совершения преступления понимает качественную сторону преступления, представляющую собой конкретную форму его существования в действительности. По мнению автора, в Особенной части Уголовного кодекса законодатель описывает не действие (бездействие) и способ совершения преступления, а более или менее подробно раскрывает содержание способов посягательства путем указания той или иной

---

¹ Мухамедзянов И. А. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение // Актуальные вопросы советского права (теория и практика). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1985. С. 97.

² Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. С. 71.

³ Кудрявцев В. Н. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение // Советское государство и право. 1957. № 8. С. 60 – 69.

⁴ Пономарева Н. П. Уголовноправовое значение способа совершения преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1970. С. 8 – 9.

совокупности их признаков, имеющих уголовно-правовое значение¹. Критикуя данный подход, Е.А. Сухарев отмечал, что низведение общественно опасного действия (бездействия), описанного или названного в диспозиции соответствующей статьи Особенной части уголовного закона до роли способа посягательства, не может быть оправдано ни с философских, ни с уголовно-правовых позиций². Дефиниция способа совершения преступления дается Г.Г. Зуйковым как «система объективно и субъективно детерминированных, причинно и функционально связанных действий преступника по подготовке, совершению и сокрытию преступления, сопряженных с использованием условий места и времени, орудий и средств, соответствующих объему преступного замысла и достижению цели»³.

По мнению И.Ш. Жордании, способ совершения преступления – это «система взаимосвязанных, целенаправленных актов поведения: действий, операций, приемов по подготовке, совершению и сокрытию преступления, выбор которых обусловлен особенностями социальной и природной среды, личности индивида, характером объекта и предмета преступного посягательства, технической оснащенностью, наличием сообщников и соучастников, предыдущими отношениями между виновным и предметом преступного посягательства, особенностями места, времени и обстановки совершения преступления»⁴.

В.П. Коняхин считает, что способ совершения преступления – это объективная форма выражения вовне преступного действия (бездействия), состоящая в применении совокупности телодвижений, приемов операций (или в воздержании от них), использовании орудий, средств, либо внешних вредоносных сил во время совершения преступления⁵.

---

¹ Зуйков Г. Г. К вопросу об уголовно-правовом понятии и значении способа совершения преступления // Труды Высшей школы. 1969. № 24. С. 45 ; Его же. Криминалистическое учение о способе совершения преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1970. С. 15 – 16.

² Сухарев Е. А. Указ. соч. С. 59.

³ Зуйков Г. Г. О способе совершения и способе сокрытия преступления // Оптимизация расследования преступлений. Иркутск, 1982. С. 56 – 64.

⁴ Жордания И. Ш. Структура и правовое значение способа совершения преступления. С. 90.

⁵ Коняхин В. П. Уголовно-правовое значение способа совершения преступления // Уголовное право в борьбе с преступностью. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1981. С. 115–116.

Н.И. Панов пишет, что способ совершения преступления имеет «две образующие его стороны: внешнюю (физическую, исполнительную) и внутреннюю (психическую, волевою)...и характеризуется как внешними (объективными), так и внутренними (субъективными) признаками»¹. Это верно применительно к способу совершения преступления как явлению действительности, части реально произошедшего акта противоправного поведения человека, в котором объективные и субъективные признаки слиты воедино. Однако если говорить о способе совершения преступления как элементе объективной стороны преступления и тем более как признаке объективной стороны состава преступления, то, на наш взгляд, некорректно говорить о наличии в нем субъективных признаков, относящихся исключительно к субъективной стороне. Способ совершения преступления, по мнению Н.И. Панова, «представляет собой определенный порядок, метод, последовательность движений и приемов, применяемых лицом при совершении умышленных или неосторожных преступлений, сопряженных с избирательным использованием средств совершения преступления»².

М.В. Шкеле пришла к выводу, что «способ совершения преступления – это признак объективной стороны каждого преступления, представляющий собой форму проявления во вне общественно опасного деяния (действия или бездействия) и раскрывающийся через систему актов осознанного и волевого поведения, которые могут быть представлены как положительными признаками (совершение определенных активных действий – приемов), так и отрицательными признаками (несовершение определенных активных действий, которые лицо должно было и могло совершить с учетом конкретных обстоятельств происшедшего)»³.

О.Р. Якубович считает, что «способ совершения преступления представляет собой взаимообусловленную систему приемов телодвижений,

---

¹ Панов Н. И. Уголовно-правовое значение способа совершения преступления: учеб. пособие. Харьков: Изд-во Харьк. юрид. ин-та, 1984. С. 7.

² Там же. С. 24.

³ Шкеле М. В. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. С. 221.

произведенных конкретным образом в определенном порядке во время совершения преступления»¹.

М.А. Атальянц определил, что «под способом совершения преступления следует понимать прием или совокупность приемов, которые применяются для осуществления преступного деяния и которые могут выражаться как в действии, так и в бездействии, либо представлять систему действий (бездействий)»².

Как видно, все приведенные определения описывают уголовно-правовое значение способа совершения преступления как определенную качественную сторону преступного деяния при его выражении вовне³. Если исходить из данных определений, логичным представляется положение о том, что преступное деяние не существует в отрыве от способа совершения преступления, отдельно от него⁴, что соответствует пониманию способа совершения преступления как элемента объективной стороны преступления, но не соответствует законодательной конструкции способа совершения преступления как факультативного признака объективной стороны состава преступления.

Примечательно, что абсолютное большинство авторов, занимавшихся изучением уголовно-правового значения способа совершения преступления, не считают нужным разграничивать понятия способа совершения преступления как признака состава преступления и способа совершения преступления как элемента преступления. Даже признав явные различия в уголовно-правовой природе данных явлений («хотя и нет преступлений без способа их совершения, но имеются в законе составы, для которых способ не является обязательным признаком»⁵, «однако это справедливо лишь применительно к

---

¹ Якубович О. Р. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 11.

² Атальянц М. А. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 116.

³ См. также: Романов В. А. Еще раз об обмане как способе совершения преступления // Юрист. 1999. № 11. С. 25.

⁴ См. напр.: Сухарев Е. А. Указ. соч. С. 60; Пономарева Н. П. Указ. соч. С. 7.

⁵ Михайлов Н. Ф., Магомедов А. А. Указ. соч. С. 85.

способу как признаку *преступления*, когда же речь идет о признаке *состава преступления...*»¹), авторы не уделили должного внимания исследованию этих различий. Напротив, вместо разграничения понятий способа совершения преступления как элемента преступления и как признака состава преступления ими давалась единая дефиниция, которая, по мысли авторов, видимо должна была удовлетворить обе категории права.

При ближайшем рассмотрении определений способа совершения преступления, даваемых различными авторами, остается неясным, чем способ совершения преступления отличается от деяния, почему он выделяется в качестве самостоятельного элемента состава преступления, почему считается не обязательным, а факультативным признаком. На данные вопросы авторы, изучавшие уголовно-правовой способ совершения преступления, отвечать, к сожалению, не берутся.

На наш взгляд, разграничение понятий способа совершения преступления как признака состава преступления и способа совершения преступления как элемента преступления является принципиальной задачей, поскольку данные явления занимают различное положение как в теории, так и в правоприменительной практике, поэтому игнорирование данных различий, а тем более произвольное смешение этих категорий недопустимо.

Понимание способа совершения преступления как совокупности приемов и методов, применяемых при совершении общественно опасного деяния, справедливо, когда речь идет о категории преступления как явления действительности². На самом деле, в преступлении как акте человеческого поведения способ совершения преступления сливается с преступным деянием и выступает единым актом поведения. Однако когда речь заходит о категории состава преступления, способ совершения преступления получает более узкое

---

¹ Романков А. Н., Букаев Н. М. Насилие как способ совершения преступления против собственности. Сургут: Изд-во Сургут. ун-та, 2001. С. 42.

² В данном случае, по нашему мнению, уместно вести речь о способе совершения преступления как «междисциплинарном» («межотраслевом») понятии, в значении, которое данному понятию придает Н. И. Панов (См.: Панов Н. И. Об изучении способа совершения преступления // Проблемы социалистической законности. Харьков: Вища школа, 1982. № 9. С. 112).

звучание, поскольку он искусственно отделяется законодателем от иных приемов и методов, которыми осуществляется деяние (действие, бездействие), и получает самостоятельный статус в качестве факультативного признака объективной стороны состава преступления¹. Подобным «препарированием» единого акта преступного поведения законодатель искусственно разделяет его на составные части для решения на их основе уголовно-правовых вопросов касающихся критериев криминализации деяния, квалификации преступлений, дифференциации ответственности и т.д. «Реальный способ – это живое и сложное явление действительности, а способ, предусмотренный законом, – это абстрактная формула»². Факультативность способа совершения преступления, как было сказано ранее, состоит в вариативности его включения или не включения в состав преступления, которая определяется законодателем и закрепляется в норме Особенной части Уголовного кодекса РФ. Способ совершения преступления включается в уголовно-правовую норму только тогда, когда «заряд» общественной опасности, который он привносит в деяние, существенно влияет на деяние, а следом и на общественную опасность всего преступления. Иными словами, законодатель особо выделяет определенный способ совершения преступления (либо группу способов) в связи с тем, что совершение определенного деяния, которое запрещает конкретная уголовно-правовая норма, иными способами не может определить или существенно повысить степень общественной опасности преступления в целом. Так, конкретный способ совершения убийства, будь то удушение, отравление, сбрасывание с высоты, причинение смертельного телесного повреждения ножом не важен для квалификации данного деяния по ч. 1 ст. 105 УК РФ (в случае отсутствия иных квалифицирующих обстоятельств). Однако если убийство совершено общеопасным способом, который существенно повышает степень общественной опасности содеянного за счет того, что ставит под

---

¹ В данном случае способ совершения преступления выступает уже в более узком – уголовно-правовом значении.

² Жордания И. Ш. Психолого-правовая структура способа совершения преступления // Вопросы борьбы с преступностью. 1976. № 24. С. 62.

угрозу жизнь других людей, влечет квалификацию того же по своей сути деяния – убийства – по ч. 2 ст. 105 УК РФ, за которое предусматривается гораздо более суровое наказание, чем за «простое» убийство.

В *составе преступления* способ, отделенный от деяния, – это особый прием законодательной техники, искусственное расчленение внешне единого деяния на две составляющие, которые находятся в определенной взаимосвязи. Ее суть, на наш взгляд, удачно раскрывает подход, согласно которому способ совершения преступления как ***признак состава преступления*** имеет вид преступного деяния и «в законе мыслим только в пределах этого общественно опасного поведения (за исключением случаев, когда он имеет вид внешней формы – «тайно, открыто») и только *наряду* с другим явлением, составляющим обязательный элемент объективной стороны всякого состава преступления и именуемым в теории преступным действием (бездействием), которое для недопущения смешения его со способом целесообразно именовать *основным деянием*»¹. При этом автор отмечает, что «способ посягательства не объемлет преступного деяния в целом...то, что скрывается за выражением «способ совершения преступления», может быть охарактеризовано как деяние вспомогательного, служебного характера по отношению к основному деянию»², «более или менее существенно влияющее на общественную опасность данного вида поведения виновного»³. Согласно данной концепции, названные деяния состоят между собой в связи, выражаемой формулой: одно деяние (способ) – для, ради другого (основного деяния). При отсутствии такого рода связи наличествуют самостоятельные явления⁴, то есть следует помнить, что данные деяния (основное преступное деяние и способ совершения преступления) не

---

¹ Кругликов Л. Л. Способ совершения преступления в уголовном праве: вопросы понятия, законодательной техники ... С. 223.

² Его же. Способ совершения преступления (вопросы теории) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971. С. 6.

³ Там же. С. 11.

⁴ Кругликов Л. Л. Использование философских категорий «содержание» и «форма» в процессе анализа понятия «способ совершения преступления» // Сборник аспирантских работ Свердловского юридического института. Свердловск, 1970. № 12. С. 189 – 190.

стоят отдельно друг от друга, а тесно связаны между собой и своим сочетанием образуют единый акт преступного поведения.

Другими словами, законодатель при описании способа совершения преступления в отдельной уголовно-правовой норме, в которой тот закреплен как обязательный признак объективной стороны состава преступления, описывает его как вид деяния, наделяя способ совершения преступления свойствами дополнительного действия (бездействия), применяемого преступником для достижения (либо облегчения достижения) преступного результата, на который направлено его основное деяние. При этом примененный способ существенно повышает общественную опасность содеянного в связи с тем, что виновный использовал дополнительные факторы, способствующие наступлению общественно опасных последствий и делающие это наступление более вероятным.

В связи с этим необходимо отметить, что приведенная выше формула, когда одно деяние (способ совершения преступления) служит «для», «ради» другого (основного деяния), характеризует прежде всего объективную связь двух относительно автономных деяний. Данную связь нельзя путать с субъективной связью преступного деяния и цели преступления, которая в тексте закона имеет схожую формулировку, согласно которой преступное деяние совершается «для», «ради» достижения цели преступления. Если первое из приведенных явлений содержит лишь признаки объективной стороны (преступное деяние и способ его совершения), то второе включает в себя как признаки объективной стороны (преступное деяние), так и признаки субъективной стороны (цель).

«Ни при каких условиях способ совершения не охватывает и не может включать в себя преступное действие, наоборот, он у последнего сам находится в определенном подчинении, зависимости: возникает для действия и

способствует ему»¹. Исходя из этого положения, нельзя согласиться с позицией Г.Г. Зуйкова, который считает, что в тексте диспозиции статьи Особенной части законодатель описывает не действия (бездействия) и способ совершения преступления, а содержание способа посягательства путем указания той или иной совокупности его признаков, имеющих уголовно-правовое значение². Данный автор считает, что выделять в тексте диспозиции статьи Особенной части действие (бездействие) и так называемый способ совершения преступления нет необходимости³.

Способ совершения преступления в качестве признака состава преступления, как и сам состав преступления в целом, является фикцией, то есть «выдумкой» законодателя, поскольку он искусственно отчленен от деяния, выделен в качестве отдельного признака состава преступления, хотя в преступлении, происходящем в объективной действительности, он слит с деянием, выступает в формах конкретных действий, тех приемов и методов, которыми преступник воздействует на предмет посягательства. «Преступное деяние совершается в определенном месте, обстановке и времени, иногда с применением определенных средств и орудий.., «оторвать» их от деяния можно только в ходе мысленного анализа. Точно так же действие совершается определенным способом. И точно так же оторвать способ от действия в физическом смысле невозможно.., в объективной реальности они неотделимы»⁴.

Таким образом, искусственно выделяя способ совершения преступления из деяния, законодатель наделяет его свойствами, несуществующими в действительности, например, факультативностью (необязательностью) его наличия в отдельных составах преступлений, хотя несомненным является положение о том, что любое реально совершенное преступление обладает

---

¹ Кругликов Л. Л. Соотношение уголовно-правового, уголовно-процессуального и криминалистического значения способа совершения преступления // Сборник аспирантских работ. Свердловск. 1971. № 13. С. 254 – 255.

² Зуйков Г. Г. К вопросу об уголовно-правовом понятии ... С. 24 – 45.

³ Там же. С. 43.

⁴ Малинин В. Б., Парфенов А. Ф. Объективная сторона преступления. СПб.: Изд-во юрид. ин-та, 2004. С. 210.

своим способом совершения. Здесь мы сталкиваемся с двумя понятиями термина способа совершения преступления – широким (общеупотребительным, межотраслевым), определяющим его в качестве элемента преступления, и узким (уголовно-правовым), обозначающим способ совершения преступления как признак состава преступления.

«В уголовном праве под способом совершения преступления следует понимать предусмотренное законом и существенно повышающее характер общественной опасности основного деяния умышленное использование виновным дополнительных сил, факторов, облегчающих совершение преступного деяния»¹.

Несмотря на то, что Л.Л. Кругликов верно вскрыл взаимосвязь и взаимообусловленность способа совершения преступления и преступного деяния, все же необходимо отметить, что, на наш взгляд, автор рассматривал способ совершения преступления как единую категорию уголовного права, не разграничивая его понятия как элемента преступления и как признака состава преступления, что представляется нам неточным.

Взаимосвязь и взаимообусловленность способа совершения преступления и основного преступного деяния, рассматриваемая с указанной позиции, можно продемонстрировать на примере ст. 131 и 132 УК РФ, в которых половое сношение (иные действия сексуального характера) признаются преступлением только в том случае, если при их совершении было произведено дополнительное действие в виде применения насилия или угрозы его применения, либо использования беспомощного состояния потерпевшей (потерпевшего). В п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» отмечен тот факт, что «действия лица, добившегося согласия женщины на вступление в половое сношение или совершение действий сексуального характера путем обмана или злоупотребления доверием

---

¹ Кругликов Л. Л. Способ совершения преступления (вопросы теории). С. 9.

(например, заведомо ложного обещания вступить с ней в брак), не могут рассматриваться как преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности»¹. Таким образом, совершение деяния способом, закрепленным в диспозиции уголовно-правовой нормы влечет квалификацию по данной статье Уголовного кодекса РФ, а совершение того же деяния иным способом может либо исключить его преступность и наказуемость, либо повлечь его квалификацию по другим статьям УК РФ. В рассматриваемом случае для квалификации деяния как изнасилования или насильственных действий сексуального характера необходимо применение виновным насилия или угрозы его применения как действия, обеспечивающего совершение им основного деяния – противоправного полового сношения, или совершения иных действий сексуального характера. Данный способ был особо выделен законодателем на основании того, что он (способ) представляет собой наибольшую общественную опасность в сравнении с иными способами, обеспечивающими достижение желаемого результата, так как в этом случае происходит не только нарушение половой свободы и половой неприкосновенности личности, но и нарушение (угроза нарушения) ее физической и психической неприкосновенности применяемым к ней насилием (угрозы применения), которое вызывает дополнительные страдания жертвы и подавляет тем самым ее волю к сопротивлению. Помимо применения насилия законодатель предусмотрел и такой способ совершения рассматриваемых преступлений, как использование беспомощного состояния потерпевшей (потерпевшего). В этом случае, в отличие от применения насилия или угрозы его применения, дополнительное деяние выражается не в форме действия, а в форме бездействия, поскольку виновный, осознавая, что потерпевший (потерпевшая) лишен возможности осознать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать ему сопротивление², сознательно

---

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² Там же.

игнорирует этот факт, а также запрет на совершение подобных действий, предпринимает основное преступное деяние – противоправное сексуальное поведение. Данный способ совершения преступления при проявлении в действительности фактически лишен физического признака, и говорить о том, что данное деяние является дополнительным по отношению к противоправному сексуальному поведению можно лишь условно, в рамках *состава преступления*, в котором единый акт преступного поведения искусственно разделен законодателем. В случае применения, скажем, шантажа (выступающего дополнительным деянием) в качестве способа совершения противоправного полового сношения либо иных действий сексуального характера речь может идти лишь о понуждении к указанным действиям, т.е. о квалификации деяния, совершенного подобным способом, по ст. 133 УК РФ. Квалификация по ст. 131 и 132 Уголовного кодекса РФ в данном случае исключается. В случае, если виновным был избран способ совершения полового сношения либо действий сексуального характера, не получивший уголовно-правовой оценки в гл. 18 УК РФ, состав какого-либо преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности в данном случае будет отсутствовать, что, однако, не исключает возможности квалификации самого способа, которым виновный добился своей цели, по одной из статей Особенной части Уголовного кодекса РФ. Например, виновный, заперев женщину в квартире, не выпускал ее до тех пор, пока она не согласилась добровольно совершить с ним половой акт. В данном случае основным деянием, на которое был направлен умысел виновного, было совершение полового акта с женщиной. Способом, обеспечивающим достижение основного деяния, выступало незаконное лишение свободы этой женщины, но так как подобный способ вступления в половую связь не криминализован законодателем (в случае, если насилие виновным не применялось, и у потерпевшей был выбор вариантов поведения), то деяние в целом лежит за пределами уголовно-правовой сферы, однако, в указанном способе совершения преступления будут налицо признаки состава

преступления, предусмотренного ст. 127 УК РФ. Таким образом, способ будет рассматриваться уже в качестве основного деяния, нарушившего свободу личности.

Иными словами, в некоторых составах преступления дополнительное деяние, которое служит для достижения цели основного преступного деяния, играет для основного деяния роль криминализирующего фактора, без которого данное деяние будет лежать за пределами уголовно-правовой плоскости. Складывается следующая ситуация: существуют определенные общественные отношения, ради защиты которых созданы уголовно-правовые нормы ст. 131 и 132 УК РФ (это половая неприкосновенность и половая свобода личности); однако законодатель защищает эти общественные отношения не от всех посягательств, а только от тех, которые совершены определенным, закрепленным в законе способом. Иными словами, УК РФ охраняет в данном случае половую неприкосновенность и половую свободу личности не как таковую, а как объект возможных посягательств, выполненных строго определенными способами, которые выделил сам законодатель. В связи с этим верным представляется положение, высказанное В.Н. Кудрявцевым: «закон охраняет...общественные отношения не вообще, а от конкретных преступных посягательств, которые совершаются определенными способами. Поэтому при разработке законодательства ... необходимо решить вопрос о том, какие именно способы посягательства следует отразить в законе, с тем чтобы не допустить излишнего расширения пределов уголовной ответственности за счет включения действий, не представляющих реальной общественной опасности, а также неоправданного сужения этих пределов»¹.

Рассмотрение способа совершения преступления как признака состава преступления в качестве деяния, дополнительного, служебного характера по отношению к основному преступному деянию, может показаться слишком умозрительным, отвлеченным от реальности, однако это не так. Прежде всего, необходимо четко понимать, что хотя речь и идет об искусственно разделенном

---

¹ Кудрявцев В. Н. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение. С. 63.

поведении человека на составляющие, они, тем не менее, продолжают оставаться в рамках *единого* целого. Данное обстоятельство можно проиллюстрировать на примере ст. 105 УК РФ.

«Простое» убийство, которое предусмотрено ч. 1 ст. 105 УК РФ, может отличаться от убийства с особой жестокостью, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ способом избранным виновным для его совершения. Этот способ выступает деянием дополнительного характера по отношению к совершению действий (бездействия), непосредственно направленных на лишение человека жизни. У преступника есть возможность избрать иной, менее мучительный способ причинения смерти потерпевшему, но он, тем не менее, прибегает к способу, вызывающему явно излишние страдания жертвы, которые не служат безальтернативным условием наступления смерти потерпевшего и не вызваны объективной необходимостью. Таким образом, в случае совершения преступления с особой жестокостью происходит «приращение» признаков явно излишних, с позиции достижения основной цели преступления. При этом следует иметь ввиду, что в настоящей работе, говоря об особо жестоком способе совершения преступления, мы не включаем в него все случаи проявления особой жестокости, которая может обуславливаться, например обстановкой совершения преступления, что, в свою очередь, подтверждается позицией Пленума Верховного Суда РФ, согласно которой «при квалификации убийства по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ надлежит исходить из того, что понятие особой жестокости связывается как со способом убийства, так и с другими обстоятельствами, свидетельствующими о проявлении виновным особой жестокости»¹. Об особо жестоком способе совершения преступления можно вести речь только тогда, когда: а) в преступном поведении есть основное деяние и б) в нем же наличествует деяние дополнительного характера,

---

¹ О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

обеспечивающее «приращение» к основному деянию явно излишнего вреда с точки зрения достижения основной цели преступления¹.

Так, нельзя говорить о том, что убийство было совершено особо жестоким способом, когда причинение смерти потерпевшему хотя и было сопряжено с мучениями для жертвы, но преступник не мог добиться достижения преступного результата иным, менее мучительным способом².

Президиум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 25.03.2009 г. признал необоснованным вывод Челябинского областного суда о том, что в действиях осужденного П., направленных на лишение жизни потерпевшей, имеется признак особой жестокости, так как, «признавая П. виновным в убийстве, совершенном с особой жестокостью, суд не мотивировал в приговоре свой вывод о том, в силу каких причин он считает убийство совершенным таким способом.

Данных о том, что его умыслом охватывалось совершение убийства с особой жестокостью, в приговоре не приведено.

Как установлено судом, в процессе разбойного нападения П. стал закрывать рот П.О., так как она кричала, но она укусила его за палец, тогда П. стал наносить ей удары по голове и телу. Затем потерпевшей стал наносить удары и Д., подавляя ее сопротивление, а П. нашел в квартире ленту и связал ноги П.О. Всего, как указано в приговоре, потерпевшей было нанесено не менее 12 ударов, в результате чего ей причинены телесные повреждения, повлекшие смерть. Исходя из фактических обстоятельств дела, установленных судом, нельзя признать, что способ убийства в данном случае был связан с причинением потерпевшей особых страданий и мучений³. Как видно из данного примера, умыслом преступника не охватывалось причинение смерти

---

¹ Поэтому, например, в случае убийства потерпевшего в присутствии близких ему лиц, речь, по нашему мнению, может идти скорее о характеристике обстановки совершения преступления, образующей особую жестокость, чем о способе совершения преступления.

² См.: Борисенкова Н. В. Уголовно-правовая оценка жестокости : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 131 ; Бородин С. В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. М.: Юрист, 1994. С. 96.

³ См.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 25.03.2009 г. № 43-П09 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

потерпевшей с особой жестокостью, дополнительных действий, которые должны были бы причинить жертве излишние¹, не вызванные обстановкой, мучения, кроме действий, непосредственно направленных на лишение жизни потерпевшей, он не совершал.

Из позиции Верховного Суда РФ, закрепленной в Постановлении Пленума от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», следует, что по признаку особой жестокости квалифицируется убийство в случаях, когда перед лишением жизни или в процессе совершения убийства к потерпевшему применялись пытки, истязание или совершалось глумление над жертвой, либо когда убийство совершено способом, который заведомо для виновного связан с причинением потерпевшему особых страданий². В последнем случае дополнительное действие преступника выражается в избрании такого способа совершения преступления, который заведомо для него причиняет жертве особые, явно излишние страдания, хотя убийство само по себе могло быть осуществлено и иными, менее мучительными и более эффективными способами. Для признания убийства совершенным с особой жестокостью необходимо установить, что именно такой вид причинения смерти другому человеку охватывался умыслом виновного³. Так, приговор Челябинского областного суда в отношении Ж. и С., осужденных по ч. 2 п. «д, ж» ст. 105 УК РФ, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила без изменения, а кассационные жалобы – без удовлетворения, указав: «Об умысле каждого осужденного на убийство потерпевшего с особой жестокостью свидетельствует способ убийства и характер их действий. Они не просто нанесли потерпевшему не менее двадцати ударов в область головы, переломав ему кости черепа и лица, а били его обутыми ногами, деревянным брусом. Каждый разбил о голову потерпевшего

---

¹ См.: Дружков С. Н. Уголовно-правовые функции особой жестокости в составе убийства: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 67.

² О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См. также: Бородин С. В. Квалификация убийства по действующему законодательству. М.: Юридическая литература, 1966. С. 85 – 86 ; Антонян Ю. Понятие особой жестокости и преступления с особой жестокостью // Социалистическая законность. 1990. № 6. С. 53.

стеклянную бутылку, а затем наносил удары осколком бутылки. Сабигияров осколком бутылки наносил потерпевшему удары по лицу, а Жуков осколком бутылки разрезал потерпевшему грудную клетку и вырвал у него сердце и легкие, которые еще бились»¹.

Для установления признака особой жестокости кроме умысла виновного лица необходимо определение также тех дополнительных (по отношению к самому причинению смерти другому человеку, то есть основному деянию) действий, которые были произведены им для причинения потерпевшему особых страданий и которые не были прямо продиктованы достижением преступного результата², т.е. необходимо выявление способа совершения преступления в рассматриваемом уголовно-правовом смысле.

В производстве автора настоящей работы, как следователя, находилось уголовное дело по обвинению М. в убийстве Т.³ Как было установлено в ходе следствия, М., находясь в квартире Т., в ходе ссоры из личных неприязненных отношений нанес Т. ножом не менее 40 проникающих колото-резаных ранений, повлекших смерть Т. При этом было установлено, что множественность ранений обуславливалась не тем, что М. старался причинить Т. особенные, не вызванные обстановкой, страдания, а тем, что Т. длительное время проявлял признаки жизни, и М. долгое время не мог поразить жизненно важные органы Т. Дополнительных действий для причинения особых страданий Т. М. не предпринимал, он старался максимально эффективно использовать поражающую силу предмета, используемого им в качестве оружия (кухонного ножа), для достижения своего основного преступного деяния – причинения

---

¹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 29.07.2010 г. № 48-О10-76 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Примером подобного могут служить действия Ш., С. и З., осужденных 23.06.2011 г. приговором Архангельского областного суда по п. «д, ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Как установлено, виновные, действуя совместно и имея умысел на убийство И., осознавая, что причиняют последнему особые физические страдания, действуя с особой жестокостью в течение двух часов нанесли И. не менее 16 ударов в область головы, не менее 12 ударов в область груди и туловища, не менее 12 ударов по конечностям, не менее 12 режущих воздействий ножом в область головы и не менее 14 режущих воздействий ножом в область груди и туловища. При этом виновные намеренно наносили множественные телесные повреждения, не вызванные целью «простого» убийства И., поскольку большая часть из причиненных ими телесных повреждений не состоит в причинно-следственной связи с наступлением смерти И., повлечь ее не могли (порезы лица, спины и т.д.) и причинялись они с целью увеличения предсмертных страданий потерпевшего (См.: Архив Арх. обл. суда. Уголовное дело № 2-20/2011).

³ См.: Архив Октябрьского районного суда г. Архангельска за 2012 г. Уголов. дело № 1-130/2012.

смерти Т. Таким образом, признак особой жестокости в действиях М. отсутствует. Приговором суда за убийство Т. М. был осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

При рассмотрении отдельно взятого преступного деяния, не состоящего в подчинительной связи «для», «ради» с другим преступным деянием, следует сделать вывод о том, что способом совершения преступления ни одно из таких деяний не является, а «налицо два самостоятельных правовых явления, каждое из которых общественно опасно либо же лишено такого свойства»¹. Игнорирование данной связи основного преступного деяния и способа совершения преступления ведет к ошибкам в квалификации. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ изменила приговор Октябрьского районного суда г. Белгорода от 16 августа 2007 г. в части квалификации действий осужденного Б. Как следует из приговора, Б. «осужден в том числе за то, что после совершения с А. изнасилования З., а также насильственных действия сексуального характера в отношении нее, действуя из корыстных побуждений и осознавая, что воля потерпевшей к сопротивлению подавлена путем применения к ней физического насилия, открыто завладел ее мобильным телефоном и распорядился им по своему усмотрению. Указанные действия осужденного квалифицированы судом как грабеж, совершенный с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья. Между тем, установленные судом фактические обстоятельства дела, подтвержденные и показаниями самой потерпевшей З., указывают на то, что насилие в отношении ее со стороны осужденных применялось при совершении изнасилования и насильственных действий сексуального характера и преследовало своей целью подавление воли З. к сопротивлению при удовлетворении ими своих сексуальных потребностей. По смыслу действующего уголовного закона квалификации по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ подлежит такое открытое хищение чужого имущества, в ходе которого насилие, не опасное для жизни и здоровья, применяется с целью завладения имуществом потерпевшего или для удержания

---

¹ Кругликов Л. Л. Использование философских категорий «содержание» и «форма» ... С. 189 – 190.

похищенного. При таких обстоятельствах насилие, примененное к потерпевшей в связи с ее изнасилованием и совершением насильственных действий сексуального характера, не может расцениваться как направленное на похищение ее имущества. Действия Б. переqualифицированы с п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ на ч. 1 ст. 161 УК РФ»¹.

Игнорирование связи способа совершения преступления и основного преступного деяния послужило основанием для изменения решения суда Ханты-Мансийского автономного округа, поскольку при квалификации действий виновных по п. «а, б, в» ч. 2 ст. 158 УК РФ и ч.1 ст. 167 УК РФ суд не учел, что осужденные проникли в гараж и вскрыли автомашину потерпевшего Б. с целью хищения находящегося в ней имущества, а повреждение ими автомашины Б. в данном случае явилось способом хищения, в связи с чем надзорным определением Верховного Суда РФ излишняя квалификация по ч. 1 ст. 167 УК РФ была исключена². Отмену приговора Няндомского районного суда Архангельской области повлекла схожая ошибка в квалификации действий М., Мо, Н., связанных с избиением потерпевшего Ш. и помещением в багажник его же автомобиля после совершенного угона данного транспортного средства группой лиц по предварительному сговору с применением насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего, по п. «а, в» ч. 2 ст. 127, ч. 4 ст. 166 УК РФ. Как установлено судом кассационной инстанции, квалификация по п. «а, в» ч. 2 ст. 127 УК РФ является излишней, поскольку избиение и помещение в багажник автомобиля потерпевшего Ш. являлось насилием, направленным на преодоление препятствий к завладению машиной, и охватывалось способом совершения данного преступления³.

В литературе отмечаются существенные различия между основным преступным деянием и способом его совершения: в то время как основное

---

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16.09.2009 г. № 57-Д09-17 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 4. С. 36 – 37.

² См.: Надзорное определение Верховного Суда РФ от 12.12.2006 г. № 69-Д06-15 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Кассационное определение Архангельского областного суда от 21.09.2004 г. № 22-3078 // Архангельский областной суд: сайт. URL: <http://www.arhcourt.ru/?Documents/Crm/Cas/1/1/2/200409210910> (дата обращения: 24.03.2014).

деяние является обязательным элементом объективной стороны, без которого немислим ни один состав преступления, способ совершения преступления характерен лишь для их части, хотя и довольно значительной (при обязательном наличии основного деяния). В случае, когда оба эти вида деятельности «соседствуют» в преступлении, их положение неравноценно: основное деяние отражает в законе непосредственную направленность посягательства против определенной группы общественных отношений, ради охраны которых издана данная норма. Оно поэтому занимает доминирующее положение по отношению к способу, а последний выполняет специфическую служебную функцию по отношению к основному деянию: он призван способствовать осуществлению основного деяния, облегчать достижение преступного результата¹.

Так, при квалификации деяния как грабежа необходимо достоверно установить, что насилие, примененное к потерпевшему, было деянием, предпринятым для облегчения хищения его имущества. В случае, если будет установлено, что первоначальный умысел был направлен только на применение насилия к потерпевшему (например, при наличии личных неприязненных отношений), а умысел на хищение принадлежащих ему вещей возник после того, как потерпевший в результате примененного к нему насилия потерял сознание, а само хищение происходило тайно, квалификация по ст. 161 УК РФ исключается². Равно как и высказывание угроз потерпевшей со стороны виновного после совершения с ней противоправного полового акта не может рассматриваться как способ совершения изнасилования, поскольку служит не для облегчения совершения преступления, а для его сокрытия.

В случае, если сотрудник правоохранительного органа применяет насилие к подозреваемому или обвиняемому (дополнительное деяние), то для квалификации его действий по ч. 2 ст. 302 УК РФ необходимо установить, что

---

¹ Кругликов Л. Л. Способ совершения преступления (вопросы теории). С. 7.

² Так, действия М. были перевалифицированы с ч. 1 ст. 161 УК РФ на ч. 1 ст. 158 УК РФ, поскольку при хищении имущества потерпевшей последняя находилась без сознания в результате примененного к ней насилия со стороны М., не связанного с целью хищения ее имущества (Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 28.10.2008 г. № 298П08 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 4. С. 26 – 27).

насилие было применено данным лицом именно для принуждения к даче показаний (основное деяние) подозреваемого или обвиняемого, а, например, не как реакция на высказанное им оскорбление (в таком случае возможна квалификация по ст. 286 УК РФ).

При мошенничестве в качестве основного деяния выступает хищение чужого имущества, дополнительного – обман или злоупотребление доверием. Иные способы совершения хищения образуют соответственно составы кражи, грабежа, разбоя, а также присвоения или растраты, но основным деянием по-прежнему остается хищение чужого имущества.

Интересен тот факт, что указанные особенности законодательной техники, касающиеся выделения способа совершения преступления в уголовно-правовых нормах, отмеченные более 40 лет назад в УК РСФСР 1960 г., не изменились и с принятием нового УК РФ 1996 г., что свидетельствует о наличии в этой части определенной внутренней логики развития законодательства и ее исторического правопреемства, которая будет более подробно рассмотрена в третьем параграфе настоящей главы.

В рамках категории состава преступления количество способов совершения преступления строго ограничено законодателем путем прямого указания на них в статьях Особенной части Уголовного кодекса РФ (см. табл. 2 в Приложении), в то время как в преступлении как явлении реальной действительности количество способов его совершения стремится к бесконечности. Анализ УК РФ показывает, что, называя способы совершения преступления в конкретных составах преступления, законодатель пользуется специальными приемами законодательной техники, указывая на способы с помощью определенных фраз: «с применением», «путем», «с использованием» и другими (см. табл. 1 в приложении), перечень которых является на сегодняшний день исчерпывающим.

Способы совершения преступления в рассматриваемом нами аспекте могут представлять собой единое либо составное деяние, которое состоит из ряда дополнительных деяний, объединенных подчинительной связью с основным

преступным деянием. «Поскольку способ совершения преступления является не только структурной частью преступного поведения, его элементом, но и самостоятельным правовым явлением, он также имеет определенную структуру, включающую основное деяние второго порядка и способ осуществления этого деяния (например, насилие с применением оружия при разбое)»¹. Из сказанного видно, что в подобном составном деянии не исключена соподчиненность слагающих его деяний. Так, преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 170.1 УК РФ, включает в себя основное преступное деяние – внесение в реестр владельцев ценных бумаг, в систему депозитарного учета заведомо недостоверных сведений, совершаемое определенным способом, а именно путем неправомерного доступа к реестру владельцев ценных бумаг, к системе депозитарного учета, который в свою очередь может быть сопряжен с дополнительным деянием второго порядка – насилием или угрозой его применения.

Говоря о сущности преступного деяния, В.Н. Кудрявцев указывает, что его важнейшими социальными свойствами являются «общественная опасность и вытекающая из нее противоправность»². Именно с данными свойствами основного деяния, на наш взгляд, теснее всего и связан способ совершения преступления как действие (бездействие), существенно повышающее общественную опасность основного деяния. Именно повышение степени общественной опасности основного деяния при использовании определенного способа совершения преступления, на наш взгляд, и служит основанием для законодателя выделять такой способ из числа других способов совершения конкретного противоправного посягательства и закреплять его в уголовно-правовой норме. При этом сам по себе способ совершения преступления может и не нести в себе какой-либо противоправности, но будучи соединенным с основным деянием подчинительной связью «для», «ради» он увеличивает «заряд» противоправности и общественной опасности такого деяния.

---

¹ Кругликов Л. Л. Способ совершения преступления (вопросы теории). С. 8.

² Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. С. 69.

Относительно наличия способа совершения в преступлениях, осуществляемых путем бездействия, мнения юристов можно разделить на две взаимоисключающие друг друга позиции: 1) способ совершения преступления присущ преступлениям, совершаемым путем бездействия; 2) использование понятия способа совершения преступления применительно к бездействию недопустимо.

К представителям первой позиции в числе других авторов относятся И.Ш. Жордания, Г.Г. Зуйков, А.П. Козлов, Л.Л. Кругликов, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, А. Мамедов, Н.И. Панов, Г.В. Тимейко, М.В. Шкеле, О.Р. Якубович; вторую позицию отстаивают А.А. Магомедов, В.Б. Малинин, Н.Ф. Михайлов, А.Ф. Парфенов.

В.Н. Кудрявцев определяет преступное бездействие как «общественно опасный в данных условиях места, времени и обстановки акт поведения, состоящий в несовершении лицом того действия, которое оно должно было и могло выполнить»¹. И.Ш. Жордания считает, что «способ совершения преступления при бездействии нельзя понимать как простое ничегонеделание. Это, во-первых, невыполнение каких-либо обязательных действий и выполнение взамен их иных действий, не приводящих к должным результатам, которые требовалось достигнуть предписанными действиями»².

М.В. Шкеле, соглашаясь с приведенной позицией, дополняет ее тем, что «бездействие не рассматривается как невыполнение никаких действий вообще. Субъект может выполнять иные нейтральные действия, воздерживаясь от необходимых (например, при оставлении в опасности). Или проявлять активность при уклонении от требуемого от него законом (например, часто менять место работы и жительства при злостном уклонении от уплаты алиментов). Деятельность субъекта может быть даже направлена на выполнение требований закона, но быть ненадлежащей, недостаточной, а

---

¹ Там же. С. 85.

² Жордания И. Ш. Психолого-правовая структура способа совершения преступления ... С. 68.

потому не предотвратившей общественно опасных последствий (например, при халатности или несоблюдении правил техники безопасности)»¹.

А.И. Бойко определяет, что «способ – операционный фрагмент деяния, его вспомогательная характеристика. Теоретически он присущ обеим формам преступного поведения, но фактически более применим к действию»². Относительно наличия способа совершения преступления при бездействии Н.И. Панов писал следующее: «сущность способа состоит в том, что он образует операционный аспект действия..., бездействие же как таковое лишено операционной, исполнительской, относящейся к способу сферы. Поэтому о способе при бездействии можно говорить условно, он может характеризовать лишь источник опасности, угрожающий объекту, которую субъект должен был и мог предотвратить, либо те явления и процессы, развитие которых он использовал для причинения вреда объекту или не препятствовал их развитию, хотя обязан был и мог это сделать»³. О.Р. Якубович в целом разделяет это мнение и в свою очередь полагает, что «о способе совершения преступления можно говорить при бездействии, так как он является структурной частью преступного деяния, а, следовательно, как действия, так и бездействия. Конечно, при бездействии он имеет специфическое содержание»⁴. Таким образом, большинство авторов формально признают возможность наличия способа совершения преступления в бездействии, но фактически говорят о том, что он является условностью.

Мы солидарны с позицией, согласно которой «нет серьезных оснований исключать способ совершения преступления из сферы преступного бездействия»⁵, поскольку бездействие наравне с действием входит в состав деяния и представляет собой пассивную форму *поведения* лица, на которое в силу определенных обстоятельств возложена обязанность действовать. Хотя

¹ Шкеле М. В. Указ. соч. С. 55 – 56.

² Бойко А. И. Указ. соч. С. 56.

³ Панов Н. И. Основные проблемы способа совершения преступления в советском уголовном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1987. С. 6 – 7.

⁴ Якубович О. Р. Указ. соч. С. 30.

⁵ Кругликов Л. Л. Использование философских категорий «содержание» и «форма» ... С. 192.

бездействие и представляет собой пассивное поведение, оно тем не менее не лишено определенной цели, которую виновный рассчитывает достигнуть, избрав данную форму поведения. Понятие пассивного поведения содержит исключительно юридическую оценку действий виновного, поскольку он ведет себя пассивно по отношению к исполнению своих обязанностей, при этом в действительности это может проявляться в весьма активных действиях, направленных на неисполнение должного. Так, уклонение от призыва на военную службу «выражается в бездействии лица – уклонении от призыва на военную службу при отсутствии законных оснований для освобождения от нее. Уклонением от призыва считается неявка гражданина без уважительных причин по повестке военного комиссариата на мероприятия, связанные с призывом на военную службу»¹. На практике же уклонение от призыва может выражаться в весьма активных действиях, таких, как отказ от получения повесток военкомата, смена места жительства, выдача себя за иное лицо, побег из сборного пункта, симуляция болезни и т.д. Указанные действия направлены на осуществление возможности лица бездействовать в отношении исполнения своей обязанности – прохождения воинской службы.

В упомянутом составе преступления, предусмотренного ст. 328 УК РФ, конкретный способ совершения деяния в форме бездействия законодателем специально не выделен, поскольку совершение данного преступления каким-либо определенным способом не может существенно повысить общественную опасность преступления в целом. Однако в Особенной части УК РФ имеется ряд статей, в которых законодатель прямо указывает на способ совершения преступления в форме бездействия. Так, в ст. 198 и 199 УК РФ содержится прямое указание на возможный способ совершения данных преступлений – путем непредставления налоговой декларации или иных документов, представление которых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах является обязательным. Данный способ

---

¹ Комментарий к Уголовному кодексу РФ [Электронный ресурс] / под ред. А. И. Рарога. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

совершения преступления выступает дополнительным деянием (в форме бездействия), криминализирующим основное деяние (уклонение от уплаты налогов и (или) сборов) и способствующим его совершению.

Н.Ф. Кузнецова также отмечает указание законодателя на способ совершения преступления при бездействии в преступлении, предусматривающем ответственность за уклонение от исполнения обязанностей военной службы (ст. 339 УК РФ): «объективная сторона этого преступления выражается в бездействии; способом же совершения этого преступления законодатель называет симуляцию болезни, членовредительство, подлог документов и иной обман»¹.

Противники наличия способа совершения преступления при бездействии считают, что «о способе можно говорить применительно к таким преступлениям, которые могут совершаться только путем активных действий. Бездействие в уголовно-правовом смысле выражается в невыполнении лицом возложенных на него обязанностей и поэтому оно не может иметь специфических форм своего внешнего проявления»². По их мнению, «нет и не может быть никакого способа при бездействии. Способ – это признак или форма действия и как таковой должен рассматриваться в теории уголовного права»³. Однако данное видение вопроса противоречит позиции законодателя, который называет способом совершения преступления дополнительные деяния, выраженные и в форме бездействия, которые рассматривались выше.

Итак, при совершении преступления путем бездействия (так же как и действия) способ совершения преступления как признак состава преступления наличествует при прямом указании об этом в законе. В данном случае нет никакой разницы между тем, совершено ли основное преступное деяние в форме действия либо бездействия; если законодателем способ совершения преступления включен в диспозицию уголовно-правовой нормы, значит он

---

¹ Курс уголовного права: в 5 т. Т.1: Общая часть: учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2002. С. 249.

² Уголовное право России. Общая и Особенная части / под общ. ред. Н. Г. Кадникова. С. 116.

³ Энциклопедия уголовного права. Т. 4. С. 447 ; Михайлов Н. Ф., Магомедов А. А. Указ. соч. С. 40.

имеется в данном составе преступления (при этом сам способ совершения преступления также будучи *деянием*, может выражаться как в форме действия, так и бездействия)¹. На наш взгляд, рассматривать наличие способа совершения преступления как компонента состава преступления иначе означает подвергать сомнению авторитет законодателя в деле конструирования конкретных составов преступления.

Таким образом, рассмотрев объективные признаки способа совершения преступления, мы можем заключить следующее:

1. Большинство авторов, занимавшихся проблемой способа совершения преступления, рассматривали его как часть объективной стороны преступления, не уделяя должного внимания способу совершения преступления как признаку объективной стороны состава преступления и допуская смешение данных понятий.

2. Способ совершения преступления большинством исследователей описывается как определенная качественная сторона преступного деяния при его выражении в *овне*. Исходя из данного положения, преступное деяние не существует в отрыве от способа совершения преступления, отдельно от него, что не соответствует законодательной конструкции способа совершения преступления как факультативного признака объективной стороны состава преступления.

3. Факультативность способа совершения преступления состоит в вариативности его включения или невключения в состав преступления. Его включение происходит только тогда, когда «заряд» общественной опасности, который определенный способ совершения преступления привносит в деяние,

---

¹ Верно и обратное утверждение о том, что в случае, если в определенном составе преступления законодателем не криминализован способ совершения преступления, выраженный в бездействии, то недопустимо осуществлять квалификацию согласно данному составу, если лицо совершило основное преступное деяние путем бездействия. Так, по делу № 22-3306 был оставлен в силе приговор Мирнинского городского суда от 22.08.2005 г., согласно которому Б. был оправдан по ч. 1 ст. 150 УК РФ, поскольку обвинялся в том, что вовлек несовершеннолетнего В. в кражу автомобильных колес тем, что не отговорил, а поддержал предложение В. совершить данную кражу (См.: Кассационное определение Архангельского областного суда от 04.10.2005 г. № 22-3306 // Архангельский областной суд: сайт. URL: <http://www.arhcourt.ru/?Documents/Crm/Cas/1/1/2/200409210910> (дата обращения: 24.03.2014)).

определяет уровень общественной опасности поведения, чего не происходит при совершении данного деяния иными способами.

4. Способ совершения преступления как признак состава преступления имеет вид деяния вспомогательного, служебного характера по отношению к основному преступному деянию и совершается «для», «ради» него.

5. Будучи закрепленным в уголовно-правовой норме способ совершения преступления обладает свойствами дополнительного действия (бездействия), которое применяет преступник для достижения (либо облегчения достижения) преступного результата, на который направлено его основное деяние. При этом примененный способ существенно повышает общественную опасность содеянного в связи с тем, что виновный использовал дополнительные факторы, способствующие наступлению общественно опасных последствий и делающие это наступление более вероятным.

6. Способ совершения преступления в качестве признака состава преступления (как и сам состав преступления в целом) является юридической фикцией, т.е. определенной «выдумкой» законодателя, поскольку он искусственно отчленен от деяния, хотя в реальности, при совершении конкретного преступления, они слиты воедино. Способ совершения преступления выступает при этом в форме конкретных действий, тех приемов и методов, которыми преступник воздействует на предмет преступного посягательства.

7. В рамках категории состава преступления количество способов совершения преступления строго ограничено законодателем путем прямого указания на них в законе, в то время как в преступлении как явлении реальной действительности количество способов совершения преступления стремится к бесконечности.

8. При совершении основного преступного деяния в форме бездействия (так же как и действия) способ совершения преступления как признак состава преступления существует лишь при прямом указании об этом в законе. При

этом способ совершения преступления будучи деянием также может выражаться в форме действия или бездействия.

§ 2. Субъективные признаки способа совершения преступления

Как отмечается в науке, способ совершения преступления, обладая внешними, объективными признаками, наполнен внутренним, волевым содержанием. Избранию того или иного образа действия предшествует определенная интеллектуальная, эмоциональная, волевая и оценочная психическая деятельность человека. Появление побуждений к действию и принятие решения невозможно без того, чтобы не были определены пути и способы их реализации¹. Избрание способа совершения преступления в конкретном преступном деянии продиктовано целью и мотивом преступления, задающими основное направление преступного умысла, которое конкретизируется посредством избрания способа совершения преступления. Конкретные способы совершения преступления «непосредственно зависят от объективно-предметных условий достижения конкретной цели. Такими условиями выступают: предмет посягательства, место, время, обстановка и средства совершения преступления»². Как отмечают исследователи, осознание виновным того, что избранный им способ совершения преступления повышает общественную опасность преступления в целом, – неперенное условие вменения данного способа совершения преступления виновному³.

В связи с этим возникает вопрос о наличии способа совершения преступления в неосторожных преступлениях, при этом «в теории права существует две концепции по данному вопросу: одни ученые (А.Н. Васильев, Э.Д. Куранова, Г.Н. Мудьюгин и другие) полагают, что способ совершения преступления является специфическим понятием, характерным лишь для умышленных преступлений; ряд других ученых (Б.С. Волков, Н.Д. Дурманов, В.Н. Кудрявцев и другие) считает способ посягательства характеристикой всех

---

¹ Панов Н. И. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. Харьков: Вища школа, 1977. С. 44.

² Новик В. В. Способ совершения преступления. Уголовно-правовой и криминалистический аспект. СПб., 2002. С. 54.

³ Михайлов Н. Ф., Магомедов А. А. Указ. соч. С. 109.

без исключения преступлений, независимо от формы вины»¹. По прошествии более 40 лет после написания данных строк ситуация с видением способа совершения преступления в преступлениях с различной формой вины в целом не изменилась. Авторских работ, отстаивающих данные позиции, стало больше, но позиций по-прежнему всего две.

Так, по мнению Н.И. Панова, нельзя исключать способ совершения преступления из сферы неосторожных преступлений, поскольку «объективную сторону неосторожных преступлений также составляет действие (бездействие), которое с внешней стороны, как и в умышленном преступлении, характеризуется местом, временем, обстановкой, средствами и способом совершения преступления»².

В.Н. Кудрявцев также считал, что применение понятия способа совершения преступления исключительно к умышленным преступлениям неверно, поскольку «способ – объективная характеристика действия, не зависящая от того, с какой формой вины оно совершается. Поэтому тот или иной способ совершения преступления присущ всем преступлениям, как умышленным, так и неосторожным»³.

Более решительно излагает данную позицию О.Р. Якубович: «Способ совершения преступления – это признак объективной стороны состава преступления, т.е. относящийся к внешней стороне преступления, следовательно, свойственен любому деянию, независимо от форм вины, при этом неосторожность как форма вины характеризует внутреннюю сторону деяния и относится к субъективной стороне преступления. Они коррелируют между собой, но не исключают друг друга»⁴. Однако с данным умозаключением мы согласиться не можем. Подчеркивая, что способ совершения преступления является признаком *состава* преступления, автор необоснованно, на наш взгляд, утверждает, что он свойственен любому *деянию*,

---

¹ Кругликов Л. Л. Способ совершения преступления (вопросы теории). С. 9.

² Панов Н. И. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба ... С. 44 – 45.

³ Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. С. 71 – 72.

⁴ Якубович О. Р. Указ. соч. С. 36 – 37.

что не соответствует законодательной конструкции данного признака объективной стороны, поскольку как элемент *состава* преступления способ совершения преступления выделяется законодателем только в случае, если он существенно повышает общественную опасность преступления, поэтому любому деянию в качестве признака *состава* преступления способ совершения преступления свойственен быть не может.

Представители другой позиции, которая нам представляется верной, полагают, что «способ, т.е. избранный метод или прием, характерен для умышленных преступлений. При неосторожном преступлении способ сам «приходит в руки» виновному, поскольку он его не выбирает, не ищет и не оценивает. Поэтому можно сказать, что в неосторожных деяниях способ как юридический феномен отсутствует»¹.

Н.Ф. Михайлов и А.А. Магомедов утверждают, что в данном вопросе определяющим является психологический момент умысла и неосторожности; так, при умышленных деяниях субъект «осознает, что способ, посредством которого им совершается действие (бездействие), является способом причинения общественно опасных последствий, а значит, это и есть способ совершения преступления»². По мысли данных авторов, при неосторожности субъект не осознает, что совершаемые им действия направлены на причинение преступного результата, в связи с чем способ совершения преступления наличествует только в умышленных преступлениях³.

Отстаивал наличие способа совершения преступления только в умышленных преступлениях и Л.Л. Кругликов, который, полемизируя с Н.Д. Дурмановым, сопоставлял редакции ст. 99 и 150 УК РСФСР со статьями 98 и 149, обращая внимание на то, что «законодатель даже в терминологии проводит различие между способом, средствами совершения преступления и обстоятельствами, ставшими причиной неожиданного результата... Так, в ч. 2

---

¹ Уголовное право. Общая часть: учебник / отв. ред. И. Я. Козаченко. С. 246.

² Михайлов Н. Ф., Магомедов А. А. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение. С. 35 – 36.

³ Там же. С. 36.

ст.ст. 98 и 149 УК РСФСР говорится об умышленном уничтожении, повреждении имущества, совершенного «путем поджога или иным общеопасным способом». Иначе сконструированы диспозиции ст. 99 и 150 УК РСФСР: «...в результате небрежного обращения с огнем...»¹.

Примечательно, что законодательная техника конструирования составов преступлений, предусматривающих ответственность за умышленное и неосторожное уничтожение или повреждение чужого имущества лесных и иных насаждений, была полностью воспринята действующим Уголовным кодексом РФ. Так, ч. 2 ст. 167 и ч. 3 ст. 261 УК РФ предусматривают ответственность за умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, лесных и иных насаждений, совершенное «...путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом...»². В ст. 168 и ч. 1 ст. 261 УК РФ предусмотрена ответственность за совершение тех же деяний по неосторожности, «совершенные путем неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности», при этом в ч. 1 ст. 261 УК РФ вместо слова «путем» законодатель использует формулировку «в результате», что представляется более правильным по причинам, о которых речь пойдет ниже.

М.В. Шкеле, не соглашаясь с приведенным мнением относительно сопоставления редакций указанных выше статей, писала, что «обстоятельства, ставшие причиной результата, как раз и складываются из способа поведения лица и других признаков объективной стороны преступления (время, место, обстановка, средства и орудия совершения преступления)»³. Надо полагать, что

---

¹ Кругликов Л. Л. О понятии способа и средств совершения преступления в свете марксистско-ленинских положений о категориях «средство», «цель» и «результат» // Сборник аспирантских работ. 1970. № 12. С. 198.

² В части 3 ст. 261 УК РФ законодателем способ совершения преступления в виде взрыва специально в диспозиции статьи выделен не был ввиду того, что взрыв в обычных условиях лесных и иных насаждений не может значительно повысить степень общественной опасности данного деяния, поскольку наряду с иными способами совершения не наносит заметно больший вред, но в зависимости от конкретных условий времени, места и обстановки совершения может подпадать под категорию иного общеопасного способа (например, взрыв в лесополосе в пожароопасный период).

³ Шкеле М. В. Указ. соч. С. 71.

данная критика¹ не вполне справедлива, поскольку приведенным выше автором сравнивается законодательная техника конструирования *составов преступлений*, предусматривающих ответственность за умышленное и неосторожное уничтожение или повреждение лесных массивов или личного имущества, а М.В. Шкеле по-видимому ведет речь об объективной стороне *преступления*, в связи с чем авторы рассуждают о явлениях разного порядка. Далее М.В. Шкеле пишет: «Терминология, используемая законодателем, зависит от особенностей национального языка, традиций, развития законодательной техники»² и со ссылкой на И.Ш. Жордания приводит пример указания на общеопасный способ в неосторожном преступлении, закрепленном в УК Грузинской ССР³. Мы согласны с М.В. Шкеле в том, что национальные черты оказывают существенное влияние на законодательную технику, однако приведение примера из Уголовного кодекса Грузинской ССР в виде критики позиции Л.Л. Кругликова на наш взгляд некорректно, поскольку последний рассматривал УК РСФСР, кроме того данный довод перечеркивает первоначальный тезис автора о зависимости терминологии закона от национальных особенностей отдельных государств. В дальнейших рассуждениях М.В. Шкеле также не объясняет, почему в умышленном преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 167 УК РФ, законодатель использует прямое указание на общеопасный способ, а в аналогичном преступлении, предусмотренном ст. 168 УК РФ, совершенном с неосторожной формой вины, данное указание отсутствует, и термин «способ» в диспозиции статьи законодателем вообще не использовано. Утверждение о том, что «отрицание способа совершения преступления при неосторожном преступлении может привести к уголовному преследованию за само наличие вреда, вне связи с поведением лица, что является нарушением закона, предусматривающего

---

¹ Необходимо обратить внимание, что идентичная критика содержится также в работе О. Р. Якубович. См.: Якубович О. Р. Указ. соч. С. 35 – 36.

² Шкеле М. В. Указ. соч. С. 71.

³ Там же. С. 71 – 72.

совершение деяния в основании уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ)»¹, верно оценено А.Ф. Парфеновым как необоснованное, поскольку «для вменения последствий требуется совершение деяния и наличие причинной связи между ними и наступившим вредом, а вовсе не способа этого деяния (естественно, и наличие вины – умышленной или неосторожной)»².

Рассматривая вопрос о существовании способа совершения преступления в неосторожных преступлениях, мы не можем пройти мимо работы М.А. Атальянца, который указывает на то, что «сам уголовный закон стоит на позиции признания способа совершения преступления в неосторожных преступлениях»³. В качестве аргумента своей точки зрения названный автор приводит в пример ст. 168 УК РФ, в диспозиции которой, по его мнению, законодатель указал именно способ совершения преступления «путем неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности». Эта позиция представляется спорной.

Во-первых, возникает вопрос: если законодатель действительно указывает в ст. 168 УК РФ на способ совершения преступления, то почему он прямо не прописывает данного обстоятельства в тексте диспозиции статьи, как сделал это во второй части ст. 167 УК РФ, предусматривающей ответственность за умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества путем поджога, взрыва или иным *общеопасным способом*. Обращает на себя внимание тот факт, что деяния, предусмотренные ч. 2 ст. 167 и ст. 168 УК РФ, являются родственными преступлениями, отличающимися друг от друга только формой вины (умысел в ч. 2 ст. 167 УК РФ и неосторожность в ст. 168 УК РФ), в связи с чем неясно, зачем законодателю, если конечно он указывает способ совершения преступления в диспозициях обеих статей, менять форму данного указания. Достаточно было бы изложить ст. 168 УК РФ в следующей редакции: «Уничтожение или повреждение чужого

---

¹ Там же. С. 73.

² Парфенов А. Ф. Возможно ли совершение неосторожных преступлений определенным способом? // Судебная реформа и эффективность деятельности органов суда, прокуратуры и следствия: 7-я науч.-практ. конф. молодых ученых. СПб., 2004. С. 68.

³ Атальянц М. А. Указ. соч. С. 114.

имущества в крупном размере по неосторожности путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом». Добавим, что диспозиции ст. 215.2, 215.3 УК РФ в части указания на способ их совершения имеют идентичные словарные конструкции: «Разрушение, повреждение или приведение иным способом в негодное для эксплуатации состояние», при этом законодатель не меняет форму указания на способ совершения в их диспозициях ввиду того, что речь идет о сходных объектах уголовно-правовой охраны, а, следовательно, и сходных способах посягательства на них. В свете этого становится еще менее объяснимым, для чего законодателю понадобилось менять словарную форму указания на способ совершения аналогичных преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 167 и ст. 168 УК РФ.

Во-вторых, Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 5 июня 2002 г. № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» не содержит какого-либо указания на способ совершения в преступлении, предусмотренном ст. 168 УК РФ; в частности, он устанавливает, что «неосторожное обращение с огнем или иными источниками повышенной опасности в смысле ст. 168 и ч. 1 ст. 261 УК РФ может, в частности, заключаться в ненадлежащем обращении с источниками воспламенения вблизи горючих материалов, в эксплуатации технических устройств с неустранимыми дефектами (например, использование в лесу трактора без искрогасителя, оставление без присмотра непогашенных печей, костров либо невыключенных электроприборов, газовых горелок и т.п.)»¹, что в свете определения того же М.А. Атальянца, приведенного выше, не может быть рассмотрено в качестве способа совершения преступления, поскольку не является приемом и совокупностью приемов, которые применяются для осуществления преступного деяния. В ст. 168 УК РФ

---

¹ О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.06.2002 г. № 14. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

неосторожное обращение с огнем или иными источниками повышенной опасности выступает автономным деянием, не состоящим в подчинительной связи с основным преступным деянием (уничтожение или повреждение чужого имущества в крупном размере), что исключает возможность его рассмотрения в качестве способа совершения преступления. В данном случае можно говорить только о том, что эти явления состоят в определенной причинно-следственной связи, поскольку одно деяние обуславливает наступление другого.

В-третьих, обращает на себя внимание сходство диспозиций ст. 168 и ч. 1 ст. 261 УК РФ, в которых речь идет о неосторожном уничтожении или повреждении объектов материального мира (имущества в ст. 168 УК РФ и лесных и иных насаждений в ч. 1 ст. 261 УК РФ). Повреждение является итогом неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности, однако указание на этот итог в диспозициях статей имеет различную словарную форму: «путем» в ст. 168 УК РФ и «в результате» в ч. 1 ст. 261 УК РФ. Представляется, что данные указания о путях причинения ущерба не синонимичны.

Если обратиться к семантическому толкованию слова «путем», мы увидим, что толковые словари русского языка определяют его как «с помощью, посредством чего-либо»¹, «посредством, с помощью»², «посредством, при помощи чего-нибудь»³. Данный термин обладает значением достижения чего-либо при помощи или посредством чего-нибудь, однако в ст. 168 УК РФ в действиях виновного отсутствует цель достижения преступного результата в виде уничтожения либо повреждения чужого имущества, иначе квалификация данного деяния происходила бы по ст. 167 УК РФ. Поэтому, с точки зрения русского языка, употребление слова «путем» в конструкциях составов неосторожных преступлений недопустимо.

---

¹ Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2004. С. 1049.

² Большой толковый словарь русского языка: ок. 60 000 слов / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2004. С. 868; Словарь русского языка: в 4 т. Т. III / гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1983. С. 564.

³ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 терминов и фразеологических выражений / под ред. Л. И. Скворцовой. М.: Оникс, 2009. С. 512 ; Лопатин В. В. Толковый словарь современного русского языка. М.: Эскмо, 2011. С. 618.

Формулировка «в результате» толкуется следующим образом: «вследствие чего-либо благодаря чему-либо»¹ «в конце концов; вследствие»², «1) в итоге 2) вследствие чего-либо»³, «последствие, следствие»⁴, «вследствие чего либо, из-за чего-либо. *Пострадать в результате неосторожности*»⁵. Наиболее приемлемое толкование выражения «в результате», на наш взгляд, – какие-либо последствия вследствие чего-либо; в случае ч. 1 ст. 261 УК РФ это последствия в виде уничтожения или повреждения лесных и иных насаждений вследствие неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности.

Неосторожное обращение с огнем и иными источниками повышенной опасности подразумевает, что употребление, использование данных источников лицом осуществлялось небрежно или легкомысленно (определения данных категорий дано в ст. 26 УК РФ), что в свою очередь означает отсутствие у лица умысла в намеренном использовании разрушительных сил, которыми обладают источники повышенной опасности. Обращение лиц с данными источниками предполагает их употребление, эксплуатацию, хозяйственное использование тех полезных свойств, которые им присущи (тепло, которое дает огонь, работа электрических приборов и т.д.). В результате небрежного или легкомысленного использования разрушительные силы, заложенные в источнике повышенной опасности, «вырываются на свободу», причиняя значительный ущерб.

В свете вышеизложенного мы видим, что конструкция «путем неосторожного обращения» включает в себе внутренние противоречия, тогда как конструкция «в результате неосторожного обращения» данных противоречий лишена.

¹ Словарь русского языка: в 4 т. Т. III. С. 700.

² Толковый словарь современного русского языка. С. 660.

³ Словарь русского языка: в 4 т. Т. III / под ред. С. Г. Бархударова [и др.]. М., 1959. С. 928.

⁴ Большой универсальный словарь русского языка / сост. И. С. Иванов. М.: Центрполиграф, 2010. С. 529.

⁵ Большой толковый словарь русского языка. С. 1113.

В связи с этим нам представляется, что для диспозиции ст. 168 УК РФ словарная конструкция в «результате неосторожного обращения с огнем» является более удачной и точнее описывающей внутреннюю сущность явления.

Кроме того, сквозной анализ норм Особенной части УК РФ показал (см. табл. 1 в Приложении), что ни в одном другом преступлении, совершенном с неосторожной формой вины, законодатель не использует термин «путем», в связи с чем мы полагаем, что в ч. 2 ст. 167 УК РФ имеется сбой законодательной техники, заключающийся в неверно используемом термине, который с целью единообразного толкования норм права необходимо заменить на выражение «в результате».

Таким образом, нами предлагается внести изменения в диспозицию ст. 168 УК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Уничтожение или повреждение чужого имущества в крупном размере, совершенное в результате неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности».

М.А. Атальянц, аргументируя свою позицию о наличии способа совершения преступления в неосторожных преступлениях, помимо ст. 168 УК РФ указывает на наличие способа совершения преступления в ч. 2 ст. 109 УК РФ¹, однако оно, по нашему мнению, лишено оснований, поскольку п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 1991 г. № 1 (ред. от 06.02.2007 г.) «О судебной практике по делам о нарушениях правил охраны труда и безопасности горных, строительных и иных работ» прямо указывает, что «в случае, когда умысел виновного был направлен на достижение преступного результата, а *способом реализации* (курсив наш. – С.Ш.) такого умысла явилось нарушение правил охраны труда и безопасности работ, содеянное надлежит квалифицировать по соответствующей статье УК РСФСР, предусматривающей ответственность за совершение умышленного

---

¹ Атальянц М. А. Указ. соч. С. 114 – 115.

преступления»¹. Так, кассационным определением Верховного Суда Республики Калмыкия от 14.06.2012 г. была признана верной квалификация действий Н.С. по ч. 2 ст. 109 УК РФ, поскольку последний грубо нарушив правила работы на тракторе с сенокосилкой, причинил по неосторожности смерть потерпевшему З.Н.² В данном случае смерть потерпевшего стала следствием ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей при выполнении работ. Если бы в рассматриваемом случае смерть потерпевшего охватывалась умыслом виновного, то квалификация (в зависимости от обстоятельств дела) осуществлялась бы по ч. 1 или 2 ст. 105 УК РФ.

Анализируя текст уголовного закона, мы приходим к выводу о том, что из смысла применяемых законодателем терминов, из используемых им словарных связей преступного деяния с иными признаками состава преступления, форма вины в способе совершения преступления формулируется подобно делам о предварительной преступной деятельности и соучастии, которые предполагают наличие только умышленного поведения. Так, законодатель при приготовлении к преступлению признает ряд умышленных действий: приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления сговор на совершение преступления либо иное создание условий для совершения преступления. Покушение включает в себя умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, не доведенные до конца по независящим от этого лица обстоятельствам. Соучастием в преступлении законодатель признает умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления, которое существенно повышает вероятность достижения цели преступного посягательства³. Другими словами,

---

¹ О судебной практике по делам о нарушениях правил охраны труда и безопасности горных, строительных и иных работ [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 1991 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² См.: Кассационное определение Верховного Суда Республики Адыгея от 14.06.2012 г. № 220252/2012 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

³ См. подр. об этом: Алексеев С. В. Проблемы уголовной ответственности за преступления, совершаемые в группе: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2006. С. 47 – 48 ; Иванов Н. Г. Понятие и формы

все указанные действия, подобно способу совершения преступления, целенаправленно совершаются для создания условий, способствующих совершению преступного деяния, в связи с чем могут носить только умышленный характер¹.

Таким образом, мы приходим к единственному выводу о том, что способ совершения преступления наличествует только в умышленных преступных деяниях².

§ 3. Исторический генезис законодательного использования способа совершения преступления в российском уголовном праве

Уголовное право нуждается не только в изучении современных реалий, но и истории своего становления, поскольку без этого невозможно понять, каким образом сложились его институты, какой исторический путь они прошли, какую роль заняли в системе права и каковы тенденции их развития.

История развития учения о способе совершения преступления в отечественной уголовно-правовой теории получила достаточно полное освещение в работах авторов последнего времени³, в связи с чем подробно останавливаться на данном аспекте мы не будем. В настоящем параграфе будет

соучастия в советском праве. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991. С. 49 – 53 ; Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М.: БЕК, 1999. С. 304 ; Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М.: Юридическая литература, 1974. С. 18 – 20 ; Черепанова Е. В. Становление и развитие института уголовной ответственности за преступления, совершаемые в составе организованных групп: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 26 – 27.

¹ Относительно группового соучастия Быкова Е. Г. отмечает, что оно является приемом совершения деяния, в котором объединяются усилия нескольких лиц, осознающих, что действуют они с привлечением усилий друг друга (Быкова Е. Г. Уголовно-правовые проблемы группового способа совершения преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 64), что подтверждается и позицией Пленума Верховного Суда, согласно которой при групповом способе незаконной охоты исполнителями преступления признаются лица, осуществляющие поиск, выслеживание, преследование и добычу охотничьих ресурсов, производившие их первичную переработку и (или) транспортировку (См. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»), т.е. лица, умышленно обеспечивающие совершение основного преступного деяния.

² Данный вывод подтверждается и материалами правоприменительной практики. Так, кассационным определением Архангельского областного суда оставлен в силе приговор Новодвинского городского суда от 30.11.2007 г., согласно которому С. осужден по ч. 1 ст. 161 УК РФ, поскольку падение потерпевшей, последовавшее после того, как С. вырвал у нее из рук сумку, не может расцениваться как применение насилия при завладении имуществом потерпевшей, так как не охватывалось умыслом виновного (Кассационное определение Архангельского областного суда от 18.01.2008 г. № 22-101 // Архангельский областной суд: сайт. URL: <http://www.arhcourt.ru/?http://www.arhcourt.ru/?Documents/Crm/Cas/1/1/3/200801181015> (дата обращения: 24.03.2014).

³ См. напр.: Михайлов Н. Ф., Магомедов А. А. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение. С. 6 – 16 ; Шкеле М. В. Способ совершения преступления ... С. 13 – 19.

рассмотрена история использования способа совершения преступления в отечественном уголовном законодательстве; именно тот эволюционный путь, который он прошел в законе, представляет для нас интерес, поскольку во многом он может объяснить современное положение и значение способа совершения преступления в отечественном законодательстве.

Как осуществлялась регуляция уголовных правоотношений на Руси до принятия первых из дошедших до нас письменных источников права (датированных X–XI вв. н.э.) и влияли ли на нее способы совершения преступлений, нам, к сожалению, доподлинно неизвестно. Как считает большинство исследователей, занимающихся изучением данного вопроса, основным источником права того времени был обычай, при этом период до XI века на Руси назван М.Ф. Владимирским-Будановым временем господства мести¹, и это представляется нам верным. В то время у населявших Русь союзов славянских племен не было абстрактного понятия «преступление» в том смысле, который в него вкладываем сегодня мы, не существовало формальных правил поведения, которые можно было бы «преступить», а, следовательно, и конкретных способов такого «преступления». Вместо этого были деяния, причинявшие конкретный, действительный вред – «обиду» и требовавшие в свою очередь от «обиженного» такого же ответа, мести за причиненную обиду согласно обычая. Преступление в рассматриваемый период представляло собой скорее моральную, нежели юридическую категорию².

Как отмечают исследователи, «для своего времени обычаи были вполне эффективным и достаточным средством нормативной регламентации общественной жизни. Однако вряд ли можно говорить о том, что обычные нормы (их группы) способны были быть дифференцированными на какие-либо отдельные нормативные институты. Обычай в большей степени носил

---

¹ См. подр.: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д: Феникс, 1995. С. 307.

² Логецкий А. А. Преступление и проступок в уголовном праве XIX – начала XX веков: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 23.

универсальный, обобщенный и комплексный характер»¹, отдельные способы совершения преступления не выделялись из самого явления преступления, так как правовое сознание того времени не требовало разделения события преступления (обиды) на какие-то отдельные части для его правильной квалификации согласно народному пониманию конкретного вида преступления. Преступление представлялось единым и неделимым актом вредного поведения человека, причинившим обиду другому человеку и тем породившим у него ответное право мести.

Небезынтересной в связи с этим представляется позиция А.П. Чебышева-Дмитриева, полагавшего, что до призвания варягов на Руси существовал порядок, по которому право мести возникало у членов союза племен, к которым принадлежал человек, получивший оскорбление, при этом союз племен оскорбителя не видел в этом преступлении и не признавал за обиженным и его союзом право мести, поскольку члены чужого союза считались бесправными. Реализованное право мести в отношении члена другого союза племен порождало ответное право мести со стороны данного союза, что могло длиться бесконечно, сея нескончаемую вражду между союзами. Ввиду подобного порядка вещей у союзов племен появилась необходимость в призвании власти со стороны, которая была бы независимым арбитром между ними. С момента установления общей для всех власти оскорбление члена какого бы ни было союза стало преступлением. Прежняя междусоюзная месть прекращается, заменяясь вирой, которая идет князю, общей власти, общему мстителю. Остается только месть ближайших родственников убитого, которая имела место внутри союзов². По мысли А.П. Чебышева-Дмитриева, основная задача призванных варяжских князей состояла в установлении общих для всех законов и пресечении межсоюзной мести, существовавшей у славянских племен до их прихода. При этом понятия о конкретных преступлениях в то время еще не существовало, все они

---

¹ Жук М. С. Институты российского уголовного права: история развития и современное понимание: монография. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2010. С. 8.

² Там же. С. 6 – 13.

охватывались родовыми понятиями, такими как «татьяба», «душегубство», «разбой» и т.д., которые впоследствии вошли в письменные памятники права. Данные понятия не были навязаны народу «сверху», они сами сложились в обществе в процессе его жизнедеятельности и вошли в народное сознание, остававшееся неизменным на протяжении многих веков. Понимание и разделение данных категорий преступлений не требовало ни их четкой словесной формулировки, ни письменного закрепления, поскольку право того времени, по верному замечанию А.П. Чебышева-Дмитрия есть нечто неотъемлемое от духа народа, нечто готовое, связанное с его понятиями, нечто данное народу, как язык¹.

М.С. Жук считает, что «для того, чтобы обычные нормы могли составить тот или иной правовой институт, они должны были, во-первых, приобрести характер именно правового обычая, а во-вторых, стать институциализированными. Соответствующая эволюция происходит несколько позднее и сопровождается переводом обычаев в ранг писанных норм права»², что мы и наблюдаем в дальнейшем, когда для преодоления различий правовых обычаев славянских союзов, собранных под властью варяжских князей, последним пришлось ввести закон, уравнивший все обычаи подвластных союзов.

Первые описания конкретных составов преступлений и способов их совершения мы встречаем в самых древних из дошедших до нас письменных памятников русского права – в договорах Руси с Византией³. В них способ совершения преступления хотя и упомянут, но он неотделим от самого преступного деяния, поскольку законодательная техника того времени не

¹ Чебышев-Дмитриев А. П. Указ. соч. С. 34.

² Жук М. С. Указ. соч. С. 8 – 9.

³ Так, в ст. 5 договора 911 года сказано: «Если (кто) ударит мечом или побьет (кого) каким-либо орудием, то за тот удар или избиение пусть даст 5 литров серебра по обычаю русскому» (Памятники русского права. Памятники права Киевского государства X – XII / под ред. С. В. Юшкова. М.: Госюриздат, 1952. С. 11) ; ст. 7 того же договора гласит: «Если кто-либо – русский у христианина или христианин у русского – причиняя страдания и явно творя насилие, возьмет что-нибудь принадлежащее другому, пусть возместит убытки в тройном размере» (Там же. С. 12) ; Договор 944 года имеет статью 14, в которой записано следующее: «Если же ударит мечом или копьем или каким-либо орудием русин грека или грек русина, то пусть за такое беззаконие заплатит по обычаю русскому 5 литров серебра» (Там же. С. 39).

позволяет разграничить данные явления, в связи с чем определенные деяния, которые заслуживали оценку преступных, получали свое описание в законе в виде конкретных казусов, не содержащих общетеоретических норм¹, и охватывали лишь узкий круг деяний, подпадавших под описанную ситуацию. Однако приведенные договоры носили характер международно-правовой и распространяли свое действие только на взаимоотношения Руси с Византией.

Первым памятником внутрироссийского права, известным нам, является Русская Правда, которая дошла до нас во многих списках (более 110). Все списки Правды делятся на три редакции: Краткую Правду (относится к XI в.), Пространную Правду (начало XII в.) и Сокращенную Правду. Для нас наибольший интерес представляют Краткая и Пространная Правда. Сокращенная редакция возникла, по-видимому, позднее, уже в Московском государстве в XV веке².

В статьях Русской Правды (по наблюдению М.Ф. Владимирского-Буданова³) описаны преступления против жизни и здоровья (убийство, причинение увечий), чести, свободы, имущественных прав. При этом Русская Правда применяет казуальный или формальный способ обработки материала: из реальной жизни или правового источника (обычая, византийского права, судебной практики) брался конкретный казус, решение которого Русская Правда определяла сама⁴. В Русской Правде действие считалось преступным в силу заключающегося в нем материального (действительного) непосредственного зла. Отвлеченного понятия о преступности действия ради одного только зла формального (нарушения закона) в период Русской Правды не было. Поэтому в понятии преступного действия не было ничего формального, условного⁵.

---

¹ Епифанова Е. В. Преступление в уголовном праве России и зарубежных стран: история и современность: учеб. пособие / под ред. Н. А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 5.

² История отечественного государства и права: учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. юриспруденция / под ред. Р. С. Мулукаева. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. С. 48.

³ См. подр.: Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. С. 318 – 323.

⁴ История государства и права России: учебник / под ред. И. А. Исаева. М.: Юристъ, 2005. С. 40.

⁵ Чебышев-Дмитриев А. Указ. соч. С. 92.

Формулируя отдельные преступления, законодатель того времени конечно не мог исходить из учения о составе преступления, он не делил признаки описываемого им преступления на обязательные и факультативные, но, тем не менее, при разработке в законе конструкций преступлений законодатель, быть может сам того не понимая, руководствовался еще неосознанными им правилами описания в законе преступных деяний, которые А.П. Чебышев-Дмитриев сравнивает с законами языка, применяемыми тысячами людей, не подозревающими об их существовании¹. Следуя данным правилам, законодатель при описании преступления использовал указание на способ его совершения, тем самым разграничивая различные преступные деяния, при этом в основу закладывая чисто внешние, формальные в общеупотребительном смысле этого слова признаки преступного деяния². Так происходило зарождение института способа совершения преступления.

Способ совершения преступления впервые использован в качестве дифференцирующего средства уголовно-правовых норм законодателем в краткой (самой древней из дошедших до нас) редакции Русской Правды. В тексте данного памятника русского правотворчества (условно разделенном исследователями на статьи) имеется статья 2, которая закрепляет ответственность за причинение некавалифицированных телесных повреждений потерпевшему, последующие статьи дифференцируют ответственность за нанесение побоев квалифицированными способами, связанными с использованием различных предметов, и устанавливают в таком случае гораздо большую сумму штрафа. Так статья 3 устанавливает: *«Аще ли кто кого ударит батогом, либо жердью, либо пястью, или чашею, или рогом, или тылеснию, то 12 гривне; аще сего не постигнуть, то платити ему, то ту конець»*³, статья 4: *«Аще утнет мечем, а не вынем его, либо рукоятью, то 12*

---

¹ Там же. С. 39.

² История отечественного государства и права: учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по спец. Юриспруденция / под ред. Н. В. Михайловой, Г. Ю. Курсковой. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. С. 72 – 73.

³ Российское законодательство X – XX веков: в 9 т. Т. 1 / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1984. С. 47.

*гривне за обиду»*¹. Исследователи Русской Правды отмечают, что данные статьи «имеют в виду оскорбление действием, нанесение увечий и побоев (простой удар расценивался по ст. 2)...Установление более высокого штрафа за нанесение оскорбления указанными предметами объясняется тем, что в феодальном обществе причинение подобного оскорбления считалось наиболее позорным»². При оскорблении действием умысел виновного направлен на нанесение обиды, унижение потерпевшего, и именно так это действие воспринимается последним³.

В пространной редакции Русской Правды дифференцирование уголовной ответственности по способу совершения преступления получило дальнейшее развитие. Так, нормы пространной редакции Русской Правды дифференцируют убийство, совершенное «*Но оже будеть убил или в сваде, или на пиру явлено*»⁴ (статья 6), т.е. «открыто во время ссоры или на пиру»⁵, и убийство, совершенное «*Оже станеть без вины на разбой. Будеть ли стал на разбой без всякая свады*»⁶ (статья 7), т.е. «совершит умышленное убийство (к тому же) не во время какой либо ссоры»⁷, «убийство «в разбое»⁸, за которое предусматривалось гораздо более суровое наказание⁹. Пространная редакция сохранила описанные выше статьи краткой редакции Русской Правды, различающие «простое» причинение телесных повреждений и нанесение оскорбления по способу их совершения¹⁰. При этом данное положение было развито еще больше, поскольку в пространной редакции Русской Правды в сравнении с ее краткой редакцией текст статьи 31 (в краткой редакции данная

¹ Там же.

² Памятники русского права. Памятники права Киевского государства X – XII / под ред. С. В. Юшкова. М.: Госюриздат, 1952. С. 88.

³ Гаухман Л. Д. Насилие как средство совершения преступления. М.: Юридическая литература, 1974. С. 13.

⁴ Российское законодательство X – XX веков: в 9 т. Т. 1 / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1984. С. 64.

⁵ Памятники русского права. Памятники права Киевского государства X – XII. С. 121.

⁶ Российское законодательство X – XX веков: в 9 т. Т. 1. С. 64.

⁷ Памятники русского права. Памятники права Киевского государства X – XII. С. 121.

⁸ Там же. С. 141.

⁹ См.: Капинус О. С. Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности: сборник статей. М.: Буквевед, 2008. С. 57.

¹⁰ О соотношении статей краткой и пространной редакций Русской Правды см.: Памятники русского права. Памятники права Киевского государства X – XII. С. 224 – 225.

статья имела условный номер 10) был изменен, в него были включены слова «...любо по лицу ударить, ли жердью ударить»¹, одновременно с этим из статьи 25 (аналогичной статье 3 краткой редакции) исчезло указание на два предмета, удар которыми расценивался как оскорбление: «жердь» (т.е. сравнительно тонкий и длинный шест², длинный тонкий ствол срубленного дерева, очищенный от веток³) и «пясть» (т.е. кисть руки, ладонь⁴), из чего мы делаем вывод, что произошла первая в известной нам истории уголовного права декриминализация способа совершения преступления (нанесения оскорбления действием). Таковым перестали считать нанесение удара «жердью» и «пястью», которые стали оцениваться наравне с «простым» нанесением телесных повреждений и были перенесены в другую статью. Этот вывод подтверждается и мнением исследователей, считающих, что краткая редакция Русской Правды первоначально имела в виду не удар палкой и кулаком вообще, а оскорбление, нанесенное дружинником⁵. Конечно, факт исключения из ст. 25 пространной редакции Русской Правды «жерди» и «пясти» может быть объяснен разницей дошедших до нас списков Русской Правды, неточностью их копирования и иными обстоятельствами, поэтому, на наш взгляд, данный вопрос заслуживает более детального и глубокого анализа, который выходит за рамки настоящей работы.

Русской Правдой оканчивается первый исторический период жизни России. Непосредственная всенародная воля сменяется волей законодателя. Принудительная сила обычая, нравов, освященных религией и давностью своего существования, заменяется принудительной силой закона⁶.

Нельзя обойти вниманием еще одну важнейшую черту времен Русской Правды – усиление роли церкви в правовых вопросах. Заметную роль в этом сыграли уставы князей Владимира и Ярослава, определившие подсудность

¹ Российское законодательство X – XX веков: в 9 т. Т. 1. С. 66.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Рус. яз., 1978. С. 534.

³ Словарь русского языка: в 4 т. Т. I. С. 478.

⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. М.: Рус. яз., 1980. С. 552.

⁵ Памятники русского права. Памятники права Киевского государства X – XII. С. 149.

⁶ Чебышев-Дмитриев А. Указ. соч. С. 69.

церковного суда, под которую попали половые, брачно-семейные преступления и иные деяния, контролируемые и регулируемые церковью. Уставы князей Владимира и Ярослава объединяет то, что, перечисляя преступления, они не раскрывают их сути и не указывают каких-либо конкретных способов их совершения, а это объясняется, на наш взгляд, прежде всего тем, что религиозные нормы, к которым восходят данные преступления, содержатся в иных источниках церковного права (таких, как русские Кормчие Книги, Эклога, Прохирон, Пятикнижие Моисея и др.¹). Преступления, относящиеся в то время к церковной юрисдикции, на наш взгляд, слишком тесно вплетаются в ткань религиозного учения, исходят из догматов церкви, поэтому конкретные способы их совершения лежат вне рамок учения о способе совершения преступления как правовой категории, и отдельно рассматриваться нами не будут.

Дальнейшее развитие права Руси удачно описано высказыванием А.П. Чебышева-Дмитриева о том, что время от Русской Правды до эпохи Судебников представляет нам борьбу отживающих исконных национальных начал с новыми, крепнущими год от года государственными началами, которые достигли полного развития в период Уложения 1649 г. и доведены до крайних пределов законодательством Петра I. Вместе с изменениями, происходящими в политическом и юридическом быте России, меняются воззрения и на существо преступного действия. Главнейшим моментом преступности становится не материальное зло, а нарушение закона, общественное значение преступления уступает место государственному значению, общественный интерес уголовного наказания сменяется государственным интересом абстрактной справедливости².

В период феодальной раздробленности Руси нормы уголовного права получали свое дальнейшее развитие в различных землях, однако их основу продолжали составлять нормы Русской Правды, действовавшей в разных редакциях, в связи с чем способ совершения преступления не получил сколь-

---

¹ См. подр.: Российское законодательство X – XX веков в 9 т. Т. 1. С. 153.

² Чебышев-Дмитриев А. П. Указ. соч. С. 94.

нибудь значительного развития в этот период. Из преступлений в Псковской и Новгородской судной грамоте, иных древнейших уставных грамотах называются: измена, душегубство, нанесение ран, оскорбление чести (уже сословной), побои, татьба, порча межевых знаков, поджог, разбой и грабеж¹, однако суть данных преступлений, равно как и способы их совершения, законодателем умалчиваются.

Не изменилась ситуация и с принятием Судебника 1497 г., поскольку, закрепляя многие нормы уголовно-процессуального права, данный судебник непосредственно о преступлениях упоминает лишь вскользь, обозначая наиболее тяжкие из них, при этом описание сути преступлений и какие-либо способы их совершения не приводятся. Более того, нет в нем и исчерпывающего перечня преступлений, что, по мысли некоторых авторов, сделано специально, с целью предоставления неограниченных возможностей расправы со всеми непокорными и неповинуящимися лицами при помощи проведения беспощадной политики классового террора, не связанного с ограничениями закона². Надо полагать, что применение Судебника 1497 г. на практике основывалось не только на его тексте, но и на нормах обычного права, дававших общее представление о сути преступных деяний, которое складывалось годами и твердо вошло в сознание народа, а также тексте Русской Правды, долгое применение которой в судебных делах «объясняет нам появление таких видов пространной редакции Русской Правды, которые подвергались переделкам и дополнениям еще в XIV–XVI веках»³.

Дальнейшее развитие отечественного уголовного права выразилось в принятии Судебника 1550 г., статья 58 которого впервые проводит дифференциацию татьбы и мошенничества, говоря про татьбу «у кого крал или татбу плачивал», а мошенника называя «оманщиком». Н.Д. Сергеевский писал по этому поводу: «Так, уже царский Судебник, а за ним Уложение царя Алексея Михайловича, наряду с казуистичными постановлениями об обманых

---

¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. С. 330.

² Там же. С. 380.

³ Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1953. С. 7.

имущественных посягательствах разного рода, дают общее определение о мошенничестве – определение, в котором имеется только термин (в то время, очевидно, всем понятный), но вовсе нет описания; определение, которое, с одной стороны, образует собой противоположение мошенничества татьбе (по составу), а с другой, уравнивает их по наказаниям»¹. С данной точкой зрения не вполне согласен И.Я. Фойницкий, который в своем исследовании, посвященном мошенничеству, приходит к выводу о том, что «состав мошенничества по Судебнику восстановить очень трудно, так как законодатель того времени еще не давал своих определений преступления, полагаясь на юридическое чувство народа»². Он же далее упоминает, что по Судебнику способом совершения мошенничества являлся обман, в то время как татьбе были свойственны иные способы совершения³. Вместе с тем, разграничение данных категорий преступлений осталось фактически единственным нововведением Судебника 1550 г., относящимся к описанию преступлений, в остальном «перечисление разрядов наиболее тяжких преступлений ничем не отличается от подобного перечисления в прежнем Судебнике»⁴. Сказанное в равной мере относится и к Сводному Судебнику, который был составлен около 1606–1607 г. на основе Судебника 1550 г. с дополнительным включением изданных после его принятия законов и являлся, по сути, попыткой кодификации действующих нормативных правовых актов, полностью восприняв принцип перечисления наиболее тяжких преступлений без раскрытия их сути и способов совершения. Данное обстоятельство, на наш взгляд, во многом может быть объяснено наличием в то время института «ведомо лихих людей», который позволял оценивать совершаемые преступления не с формально-юридической точки зрения, а исходя из субъективной оценки общества, степени вредности личности конкретного преступника.

---

¹ Сергиевский Н. Д. Избранные труды / отв. ред. А. И. Чучаев. М.: Буквоед, 2008. С. 508.

² Фойницкий И. Я. Мошенничество по русскому праву. Сравнительное исследование: в 2 ч. М.: Изд-во СГУ, 2006. С. 36.

³ Там же. С. 36 – 38.

⁴ Памятники русского права. Памятники права периода укрепления русского централизованного государства / под ред. Л. В. Черепнина. М.: Госюриздат, 1956. С. 301.

Во времена судебныхников суд общины, превратившийся в повальный обыск (опрос местного населения о личности лица подозреваемого в совершении преступления), был настолько силен, что даже при развитии государственной власти народное мнение о свойствах обвиняемого являлось важнейшим условием преступного действия. Если из обыска открывалось, что обвиняемый – человек добрый, то внешнее действие было вторым необходимым условием для обвинения подсудимого. Если же в обыске оговаривали обвиняемого в известном преступлении, как ведомого лихого человека, то внешнее действие считалось нужным для того только, чтобы определить степень наказания, которому подвергался «облихованный» или оговоренный в обыске¹. М.Ф. Владимирский-Буданов отмечает: «Почти вся уголовная сфера была предоставлена народной совести: преступниками собственно признаются *ведомые лихие люди*, а такими людьми признаются, по договору общества, люди, даже не уличенные ни в каком отдельном преступном деянии... Таким образом, уголовное право судебныхников (особенно 1-го) оставляет почти неприкосновенной роль *общин* в оценке преступных действий. Преступление, *лихое дело*, совершаемое людьми, не опороченными обществом, подлежит наказанию, но гораздо меньшему»².

Таким образом, в оценке деяния как преступного или не преступного последнее слово оставалось за мнением народа, поскольку в это время еще сильна была власть общины. Оценка способа совершения преступления также оставалась в сфере субъективно-нравственной оценки общины, поскольку объективно-формальной его оценки законодатель того времени практически не дает.

Однако ситуация в стране с течением времени постепенно меняется, происходит укрепление государственной власти, интересы которой стали расходиться с интересами народа, что требует законодательного закрепления. При этом на протяжении сотен лет благодаря усилиям государства постепенно

---

¹ Чебышев-Дмитриев А. Указ. соч. С. 49 – 50.

² Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. С. 334.

меняется взгляд на само существо преступного действия, а следом за ним и на способ его совершения. Если изначально преступление носило исключительно материальный характер и представляло собой непосредственное нарушение конкретного частного интереса, то постепенно представление о преступлении смещается в сторону его формального понимания как нарушения общего, абстрактного государственного интереса. В период Русской Правды и в эпоху судебников главенствовал субъективно-нравственный взгляд, при котором в первую очередь оценивалась личность преступника, ее роль в жизни общины и оценка обществом своего члена как доброго или недоброго, а в наказании преследовался жизненно-практический интерес¹, что объясняется тем, что государство еще не полностью подчинило себе общество и вынуждено было считаться с его интересами. В итоге субъективно-нравственный взгляд общества на преступление и общественный интерес в наказании преступника должны были уступить объективно-юридическому воззрению и государственному интересу абстрактной справедливости².

Это происходит с принятием Соборного Уложения 1649 г., в котором прослеживается укрепляющийся формально-юридический взгляд законодателя на преступление, выражающийся в том, что законодатель в некоторых случаях отказывается от института «ведомо лихих людей», а также не просто называет в тексте закона отдельные виды преступлений, полагаясь на правильное народное толкование этих деяний, а старается дать их описание и разграничить преступления между собой, в том числе и при помощи указания на способ их совершения. Так, статьи, устанавливающие ответственность за хищение имущества, дифференцируются по способу совершения, в результате чего различается «простая» татьба (ст. 9), повторная татьба (ст. 10), мошенничество (ст. 11), татьба, совершенная три и более раз (ст. 12), татьба, сопряженная с убийством (ст. 13), церковная татьба (ст. 14). Несколько особняком стоят статьи, предусматривающие ответственность за разбой (ст. 16–18), при этом в

---

¹ Чебышев-Дмитриев А. Указ. соч. С. 240.

² Там же. С. 126.

Уложении в отличие от ранее действовавших источников уголовного права наказание за разбой дифференцируется в зависимости не от лица, совершившего преступление («ведомо лихой» человек или нет), а от общественной опасности самого деяния: неоднократности его совершения и сопряженности с убийством или поджогом (за оба этих деяния полагалась смертная казнь). Также необходимо отметить, что несмотря на обозначение в Уложении и кражи, и грабежа единым термином «татьба» дифференциация между данными понятиями все же происходит, и различаются они именно по способу совершения. Если при татьбе-грабеже законодателем предполагается применение насилия виновным, хотя прямо на это и не указывается, то при описании татьбы-кражи законодатель акцентирует внимание именно на тайном способе ее совершения¹. При этом наказание за татьбу-кражу существенно меньше, чем за татьбу-грабеж, в связи с чем можно сделать вывод о том, что в данном случае татьба-кража – менее тяжкое преступление, она дифференцирована от татьбы-грабежа именно по способу своего совершения, который является менее общественно опасным. Как отмечает И.Я. Фойницкий, «до Соборного Уложения «татьба» была единственным термином для обозначения, с одной стороны, тайного похищения движимости, с другой – насильственного отнятия ее, не переходящего в разбой... Кража в форме глагола «крадет, украдет» употребляется ... Соборным Уложением для описания в некоторых случаях способа действия татьбы. Слово это происходит от слова «украдом, украдкой», т.е. тайно, скрытно»².

Значение Соборного Уложения 1649 г. трудно переоценить, поскольку в нем нашли свое яркое выражение тенденции развития уголовного права того времени, которые требовали изъятия правосудия из народной среды и передачи его в исключительную компетенцию государства. Для этого законодатель в том

---

¹ Так в ст. 89 главы XXI Уложения закреплено: «А будет кто у кого покрадет на поле хлеб жатой, или сено, или украдом учнет хлеб жати, и с поля тот хлеб к себе повезет, и на дороге его с тем краденым хлебом, или сеном изымав, приведут его в приказ, и сыщется про то допряма, что хлеб, или сено крал...» (Памятники русского права. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / под ред. К. А. Софроненко. М.: Госюриздат, 1957. С. 403); в ст. 90 той же главы говорится: «А будет кто у кого татиным обычаем выловит из пруда, или из саду рыбу...» (Там же. С. 404).

² Фойницкий И. Я. Указ. соч. С. 35.

числе стал прибегать к использованию в описании преступления способа его совершения, что стало шагом на пути формализации¹ преступных деяний и переносу их описания в закон. Благодаря этому в Уложении нашли отражение составы преступлений, которые ранее лишь обозначались законодателем, но никак им при этом не раскрывались и не конкретизировались, оставаясь в области субъективного народного правосознания. Однако, несмотря на прогрессивные тенденции, нашедшие выражение в Уложении, его юридическая техника в части указаний на способ совершения преступлений была еще очень далека от совершенства, данный институт уголовного права еще не был осмыслен законодателем и по-прежнему применялся им лишь по наитию, продолжая оставаться неотъемлемой частью преступного деяния.

Дальнейшее развитие способ совершения преступления получает в уголовном законодательстве эпохи царствования Петра I. В принятом им Артикуле воинском, изданном в 1715 г., мы встречаем уже более осмысленные указания на способы совершения отдельных преступлений, однако, как и прежде, законодатель не различает понимание явления преступления на практике и его описание в законе, в связи с чем не способен рассматривать способ совершения преступления в законе как нечто автономное, отделимое от самого преступного деяния, нечто факультативное для него.

В Артикуле при описании преступлений законодатель редко прибегает к описанию способа их совершения, вместо этого в артикулах прямо указываются запрещенные законом деяния. Такой подход придает универсальность данным правовым нормам, дает возможность охватить большой пласт сходных преступных деяний, но в то же время делает правовые нормы в некоторых случаях расплывчатыми и неопределенными, что в свою очередь порождает возможность их различного толкования. Так, в связи с отсутствием указания на конкретный способ совершения противоправного полового сношения остается неясным, в каких случаях подобное деяние

---

¹ То есть к абстрагированию от проявления единичных свойств конкретных преступлений и выявлению того общего, что объединяет все преступления как явления.

признавалось изнасилованием. Из толкования приведенного артикула становится ясно, что обстоятельствами, свидетельствующими о произошедшем изнасиловании, для правоприменителя должны являться прежде всего следы насилия на теле и одежде преступника и жертвы, но и в данном случае не ясно, выступает ли, например, угроза применения насилия способом совершения данного преступления.

Тем не менее, в Артикуле воинском приводится ряд способов совершения преступления, позволяющих проводить дифференциацию ответственности и послуживших основанием для дальнейшего развития данного правового института. Так, в артикуле 125, закрепляющем ответственность за измену, указывается, какими именно способами она совершается, в толковании артикула 154, устанавливающего ответственность за умышленное убийство, особо отмечена необходимость учета степени опасности способа совершения преступления при назначении наказания, толкование артикула 157 закрепляет, что от способа преступного посягательства на жизнь и здоровье зависят пределы допустимой обороны¹, артикул 166 особо оговаривает случай квалифицированного мужеложства, совершенного с применением насилия, устанавливая за это существенно усиленное наказание.

В Артикуле воинском в отличие от Соборного Уложения 1649 г. дается более четкая дифференциация преступлений против собственности в зависимости от способов их совершения. В нем закреплены квалифицированные виды кражи, а также описаны новые, ранее отечественному законодательству неизвестные, составы преступлений, такие, как утайка вещей, взятых на сохранение (арт. 193), присвоение находки (арт. 195), растрата казенных денег (арт. 191). Кроме того, законодателем был особо выделен и наделен самостоятельным значением термин «воровство», которым в

---

¹ «В умерении, что оборонении со обижением равно есть, а именно, чтобы таким же образом обороняться, каким образом от кого кто нападён будет. Ежели нападение учинится оружием, то мочно оружием обороняться; ежели же без оружия, то и противится без оружия надлежит. Притом же надобно смотреть, когда кто кого ударит рукою, и того сильнее кто бьет, тогда обиженный может оружием обороняться» (Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 4 / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1986. С. 356).

Соборном Уложении 1649 г. обозначалось всякое преступление, а «вором» назывался всякий преступник¹. Были дифференцированы составы грабежа (арт. 182, 183) и грабежа с применением оружия (арт. 185), который влек более суровое наказание.

Таким образом, законодатель того времени осознает, что совершение преступления определенным способом, с использованием дополнительных сил и факторов, способствующих наступлению преступного результата, требует более жесткого реагирования со стороны государства, и закрепляет соответствующие положения в законе. Однако в своем стремлении он не до конца последователен в связи с отсутствием четкого понимания различия сути основного преступного деяния и способа его совершения, что в свою очередь затрудняет дифференциацию уголовной ответственности.

После законотворческой деятельности Петра I отечественным законодателем был предпринят целый ряд попыток принятия единого кодифицированного уголовно-правового акта, которые несмотря на все усилия оканчивались неудачей. По верному замечанию М.С. Жука, Уложение 1649 г. и Воинский артикул 1715 г. оставались основными источниками отрасли вплоть до начала XIX века².

Данный факт в числе прочих обстоятельств может быть объяснен и тем, что до начала XIX века в России было очень мало теоретиков-криминалистов, практически не проводилось исследований по уголовному праву. Вопросы уголовного права затрагивались профессорами философии и государствоведами при изложении проблем нравственности и естественного права³, а глубоких системных исследований не велось. В связи с этим еще более интересным представляется нам продолжение развития института способа совершения преступления в Российском законодательстве того периода, вне зависимости от научно-теоретических обоснований этого

---

¹ Там же. С. 385–387.

² Жук М. С. Указ. соч. С. 20.

³ Ошерович Б. С. Очерки по истории русской уголовно-правовой мысли (вторая половина XVIII века – первая четверть XIX века). М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946. С. 124.

правового института. Данный факт, по нашему мнению, обусловлен внутренней логикой развития уголовного права, согласно которой способ совершения преступления является одним из самых действенных инструментов законодателя для формализации преступлений при описании их признаков в законе и дифференциации ответственности.

В Уложении 1845 г. роль способа совершения преступления раскрывается как ни в одном предшествующем ему нормативном акте, способ совершения преступления использован в нем не только как средство дифференциации ответственности при описании преступных посягательств, но впервые закреплен в Общей части в качестве обстоятельства, «увеличивающего вину и наказание»¹. В Особенной части способ совершения преступления используется во многих статьях как обстоятельство либо криминализирующее деяние, либо его квалифицирующее. Самыми распространенными способами совершения преступления согласно Уложению являются применение виновным насилия, оружия либо угрозы их применения². Кроме того, часто встречаются такие способы совершения преступления, как обман, подлог документов, взлом, а также совершение преступления шайкой.

Интересен тот факт, что в ряде статей Уложения 1845 г. имеется указание не только на способ совершения преступления, но и на отсутствие определенного способа совершения преступления: *«Когда взлом произведен без всякого насилия против стражи для освобождения заключенных, то виновные*

---

¹ К данным обстоятельствам, в соответствии со ст. 135 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, закон относил: *«Чем более лиц он привлек к участию в сем преступлении», «Чем более он употребил усилий для устранения представлявшихся ему в том препятствий», «Чем более было жестокости, гнусности или безнравственности в действиях, коими сие преступление было предуготовляемо, приводимо в исполнение, или сопровождается»* (Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 6 / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1988. С. 200).

² Так, ч. 2 ст. 195 предусматривает в качестве квалифицирующего обстоятельства соращения из православного в иное христианское вероисповедание применение виновным принуждения и насилия, что, в свою очередь, влечет более суровое наказание. Ст. 241 устанавливает повышенную ответственность за святотатство, сопровождаемое оскорблением святыни, насильственными действиями либо взломом. Статьи 284–286 Уложения устанавливают ответственность за восстание против властей, при этом ответственность дифференцирована по способу совершения указанного преступления – с учетом использования в ходе восстания оружия и применения насилия. По способу совершения хищения чужого имущества Уложение дифференцирует ответственность за разбой, грабеж, воровство-кражу и воровство-мошенничество, при этом описание составов хищения чужого имущества в Уложении 1845 года близко современному законодательному описанию данных преступлений.

*приговариваются...»*¹. В статье 2099 Уложения установлена ответственность за самовольный, но не тайный и не в виде кражи сбор сельско-хозяйственных культур, находящихся на чужой земле², что позволяет рассматривать способ совершения преступления как декриминализующее обстоятельство.

Однако рассматриваемое Уложение 1845 г.³ не лишено было и целого ряда недостатков, относящихся к способу совершения преступления. Так, ряд закрепленных законодателем способов совершения преступления носит казуистичный характер⁴, некоторые способы имеют оценочный характер, в связи с чем их однообразное применение на практике было затруднено⁵. Следующим недостатком Уложения 1845 г. было то, что средства совершения преступления и способ его совершения не дифференцируются⁶, что вкупе со значением данных категорий права вызвало оживленную дискуссию среди представителей науки уголовного права того времени. Н.С. Таганцев в своих лекциях отмечал, что в российском уголовном праве изучению средств и способов совершения преступления уделяется гораздо больше внимания, чем на Западе. Западные исследователи права едва затрагивают эту проблему, в то время как отечественные исследователи А.П. Чебышев-Дмитриев и И.Я. Фойницкий выдвинули мнение о том, что «средства и способы при

¹ Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 6. С. 257.

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. С. 826.

³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Российское законодательство X–XX веков. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. М.: Юрид. лит., 1988. С. 174–309.

⁴ Например, в ст. 1957, предусматривающей ответственность за причинение вреда здоровью человека, в качестве способа совершения преступления выступает примешивание виновным ядовитых или других вредных веществ в съестные припасы или напитки, которые жертва употребляет в пищу, ст. 2117 предусматривает ответственность за умышленное истребление или повреждение какого-либо чужого имущества взрывом пороха, газа или иного «удобовоспламеняющегося вещества», ст. 1141 запрещает лов тюленей путем загона животных в сети посредством громкого крика и стрельбы.

⁵ Так, ст. 1999, предусматривающая ответственность за растление девушки, не достигшей 14 лет, в качестве способа указывает употребление во зло невинности и неведения потерпевшей, а в качестве квалифицирующего деяния обстоятельства – дополнительное употребление власти, предоставленной виновному его званием, особой доверенностью родителей девушки, ее опекунов или родственников. При этом не вполне ясно, каким образом нужно оценивать невинность девушки, а также наличие особой власти виновного над потерпевшей. Ст. 1281 устанавливает ответственность за непотребное поведение, когда оно совершается путем бесстыдного поведения в общественном месте, при этом категория «бесстыдного поведения» никак не раскрывается, и непонятно, что именно она должна в себя включать.

⁶ Так, например, в ст. 190 устанавливается ответственность за отвлечение через подговоры, обольщения или иными средствами кого-либо от христианской веры православного или другого исповедания в веру магометанскую, еврейскую или иную не христианскую.

определении сущности преступной деятельности имеют такое же значение, как и средства объекта или условия вменения»¹.

Действительно, впервые к проблеме способа совершения преступления в своем исследовании обращается А.П. Чебышев-Дмитриев, после чего поднятая им проблема воспринимается ученым сообществом и находит свое дальнейшее развитие. Однако, несмотря на проводимые исследования, «к началу XX века в российской уголовно-правовой науке еще не подлежала рассмотрению обстановка совершения преступления, а именно время, место, средство и способ совершения преступления как самостоятельные, взаимосвязанные и взаимодействующие факультативные признаки объективной стороны»². Хотя, как мы видим, способ совершения преступления в российском уголовном законодательстве, начиная уже с середины XIX века, обладал самостоятельным статусом средства дифференциации ответственности, при этом в законе была выработана определенная система его использования.

Несмотря на осознание законодателем роли способов совершения преступления для дифференциации уголовной ответственности современники отмечали общий неудовлетворительный уровень юридической техники Уложения 1845 г., которому на смену пришло Уложение 1903 г.

Особенная часть Уложения 1903 г. в целом восприняла положения Особенной части Уложения 1845 г., касающиеся роли способа совершения преступления в законе, однако, несмотря на общий относительно высокий уровень юридической техники в Уложении 1903 г., как в Общей, так и в Особенной частях, законодателем был изменен ряд положений предыдущего уголовного закона, касающихся способа совершения преступления, которые не во всех случаях можно признать удачными.

---

¹ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1994. С. 268 – 269.

² Михайлов Н. Ф., Магомедов А. А. Указ. соч. С. 13.

Так, из Общей части Уложения 1903 г.¹ исчезло указание на способ совершения преступления как на обстоятельство, усиливающее ответственность, что представляется не вполне обоснованным. Проиллюстрировать эту ситуацию возможно на примере ст. 514, предусматривающей ответственность за любовоострастное действие с достигшим шестнадцати лет лицом женского пола без согласия этого лица, в которой групповой способ, а также особо жестокий способ совершения преступления в обстоятельствах, квалифицирующих преступное деяние, не предусмотрен, однако совершение данного преступления указанными способами на практике вполне возможно и, надо полагать, это обстоятельство должно влечь наступление более строгой ответственности, чем при совершении того же преступления менее общественно опасными способами. Помимо обозначенного состава преступления аналогичные ситуации возникают и с целым рядом других преступлений, закрепленных в Уложении 1903 г., в которых особая жестокость и групповой способ совершения преступления не предусмотрены в качестве квалифицирующих вину обстоятельств, и, следовательно, правоприменитель был лишен в данных случаях возможности дополнительно оценивать приведенные способы совершения преступления и давать им адекватную оценку.

Составители Уложения 1903 г., как и редакторы Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, под похищением имущества понимали умышленный захват преступными способами чужого движимого имущества с целью обращения его в свою собственность². Однако шагом назад в данной области следует признать объединение в Уложении 1903 г. составов кражи и грабежа в единый состав, названный «воровством». Указанное объединение, на наш взгляд, является возвращением к ранее использовавшейся категории

---

¹ См.: Уголовное уложение. Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. // Российское законодательство X–XX веков. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М.: Юрид. лит., 1994. С. 271–320.

² Елисеев С. А. Преступления против собственности по Уголовному Уложению 1903 г. // Сибирский Юридический Вестник. 2001. № 4. С. 16.

татьбы, которая к XX веку себя уже изжила, поскольку необходимость разграничения преступлений кражи и грабежа стала очевидна.

Из положительных нововведений Уложения 1903 г., касающихся способа совершения преступления, можно отметить окончательное отделение мошенничества от иных видов хищения чужого имущества, введение состава вымогательства в качестве отдельного вида хищения чужого имущества, что также послужило делу дальнейшей дифференциации ответственности за хищение чужого имущества различными способами. Кроме того, был расширен перечень уголовно наказуемых способов совершения отдельных преступлений, при этом уменьшилась казуистичность самих способов¹. Кроме того, в законе было устранено тождественное использование категорий средств совершения преступления и способов его совершения.

Дальнейшее эволюционное развитие института способа совершения преступления в российском законодательстве было прервано февральской революцией 1917 г. и последовавшим за ней падением монархии в России.

Если Временное правительство, пришедшее к власти в стране в марте 1917 г., «всегда исходило из положения о строгой преемственности власти «новой» от власти «старой», сохранению и соблюдению незыблемости старых законов вплоть до осуществления отдаленнейшей перспективы — принятия новых законов Учредительным Собранием»², то пришедшая ей на смену в октябре 1917 г. советская власть старалась как можно скорее порвать все связи с прошлой монархической системой с одновременным отрицанием всех ее наработок в области уголовного права. Данный период характеризуется бессистемным появлением уголовно-правовых норм в различных нормативных

---

¹ Так, например, вместо использовавшейся в Уложении 1845 г. казуистичной и громоздкой формулировки убийства общеопасным способом, закрепленной в ч. 2 ст. 1924, предусматривающей ответственность за убийство, учиненное через поджог, или через произведенное взрывом пороха или газа или иным образом разрушение строения, прорыв плотины, или потопление иным способом, через порчу мостов, железных дорог, выстрелы в толпу людей, хотя и для лишения жизни только одного человека, и вообще через такие действия, которыми подвергались гибели или опасности несколько лиц, или целое селение или город, Уложение 1903 г. использовало более емкую формулировку: убийство способом, опасным для жизни многих лиц.

² История советского уголовного права / под ред. А. А. Герцензона [и др.]. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. С. 15.

актах (декретах, постановлениях и инструкциях), регулирующих разные области права. Данные акты, издаваемые хаотично, содержали указания на способ совершения преступления, однако данные указания использовались в них без всякой системы. Первым полноценным кодифицированным уголовно-правовым актом Советского государства, закрепившим способ совершения преступления в новом законодательстве, стал Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. Изданию данного уголовного закона предшествовало принятие Руководящих начал по уголовному праву РСФСР в 1919 г., которые «в большей части своих положений явились прообразом будущего уголовного кодекса»¹.

Несмотря на декларируемую принципиальную противоположность советского уголовного права всем иным системам буржуазного права и отказ от всех выработанных немарксистских научных концепций в области уголовного права советской власти конечно не удалось переломить общую логику развития уголовного права, базирующуюся на преемственности научных положений. В связи с этим мы не увидели принципиально иных положений в использовании категории способа совершения преступления в советский период. Как отмечают исследователи, несмотря на отрицательное отношение к опыту российского законодательства, прослеживается довольно значительное влияние последнего на советский уголовный закон. Например, ряд квалифицирующих признаков умышленного убийства по УК РСФСР 1922 г. (ст. 142) имеет аналоги в Уголовном Уложении. К ним относятся, в числе прочих, убийство способом, опасным для жизни многих людей; способом, особо мучительным для убитого².

В Общей части УК РСФСР 1922 г. согласно ст. 25 способ совершения преступления в числе прочих обстоятельств учитывался для определения меры наказания. В Особенной части УК РСФСР 1922 г. указание на способ совершения преступления имеется более чем в 25 из 170 статей (с учетом последующих изменений и дополнений). Немногочисленность статей,

---

¹ Там же. С. 160.

² Костарева Т. А. Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве (понятие, законодательная регламентация, влияние на дифференциацию ответственности). Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1993. С. 83.

имеющих прямое указание на способы совершения преступления, вкупе с существующей аналогией закона, приводили к размыванию границ преступных деяний, подпадающих под действие тех или иных статей УК, что в конечном итоге вело к необоснованному расширению спектра уголовно-наказуемых деяний. Отдельные статьи Особенной части УК РСФСР 1922 г., которые все же имеют указания на способ совершения преступления, также не лишены недостатков. Некоторые из этих статей содержат казуистичные указания на способы совершения преступления¹, часть норм Особенной части закрепляет оценочные способы совершения преступления без четкого указания их критериев², а некоторые способы и вовсе являются практически неопределенными³.

К несомненным преимуществам первого Уголовного кодекса советского государства в рассматриваемом нами аспекте способа совершения преступления необходимо отнести наиболее четкую за всю историю уголовного права дифференциацию ответственности по способу совершения хищения чужого имущества на кражу, грабеж, разбой, мошенничество и вымогательство.

Вслед за УК 1922 г. на базе Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. был принят Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 г., который, хотя и позиционировался как редакция предыдущего Уголовного кодекса, что следует даже из его названия, по сути являл собой новый кодифицированный уголовно-правовой акт.

---

¹ Так, ст. 137 предусматривает ответственность за искусственное повышение цен на товары путем сговора или стачки торговцев между собой или путем злостного невыпуска товара на рынок, хотя практика показала, что указанными способами искусственное повышение цен на товары не ограничивается.

² Например, в ст. 81 запрещается уклонение от воинской повинности посредством причинения себе повреждений в здоровье, учинения подлога в документах, подкупа должностных лиц, изменения своей фамилии или звания, а равно под предлогом религиозных убеждений или посредством всяких иных ухищрений. В данном случае понятие «ухищрения» носит оценочный характер в связи с тем, что неясно, как будет оценено уклонение от воинской повинности путем неявки на призывной пункт, либо ситуация, в которой лицо, подлежащее призыву, скрылось от работников военкомата, подпадают ли данные способы под категорию «ухищрения».

³ Так, ст. 170 запрещает принуждение из корыстных или иных личных видов к занятию проституцией, совершенное посредством физического или психического воздействия. При этом определенный круг способов совершения преступления законодателем не очерчен, в связи с чем о каком именно психическом воздействии идет речь в статье, неясно. По всей видимости, в качестве способов совершения данного преступления могут выступать такие различные по своей правовой природе действия, как угрозы, подкуп, уговоры, шантаж и другие, многообразие и неопределенность которых отнюдь не способствует строгой дифференциации уголовной ответственности.

Общая часть Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. в целом переняла от предыдущего кодекса указание на способ совершения преступления как на обстоятельство, увеличивающее степень общественной опасности преступления (ст. 47). Особенная часть УК 1926 г., как и предыдущая редакция, содержала лишь незначительное количество статей, имеющих прямое указание на способ совершения преступления (примерно 1/6 от общего количества статей Особенной части), что в сочетании с невысокой степенью определенности диспозиций норм Особенной части УК РСФСР 1926 г. и применению института аналогии продолжало создавать благоприятную почву для возможности легального подавления всех противоборствующих советской власти сил, а также устранения лиц, неугодных по тем или иным причинам. Так, суды, не связанные необходимостью установления совершения преступления виновным определенным способом, прямо запрещенным законом, могли квалифицировать как контрреволюционные всякие его действия, подпадающие под предельно широко сформулированную диспозицию ст. 58, предусматривающую высшую меру наказания – расстрел.

Общественно опасным УК РСФСР редакции 1926 г. признавал всякое действие или бездействие, направленное против советского строя или нарушающее правопорядок, установленный рабоче-крестьянской властью, которое в соответствии со ст. 16 того же Кодекса может и не подпадать под действие конкретных статей Особенной части, а меры социальной защиты в соответствии со ст. 7 УК применялись в отношении лиц, совершивших общественно-опасные действия или представляющих опасность по своей связи с преступной средой или прошлой деятельностью, что в совокупности создавало уникальный по своей уголовно-правовой природе механизм узаконенного государственно-правового террора. Данный механизм уникален беспрецедентностью созданных правовых условий для проведения масштабных репрессий, что не имело аналогов в отечественной истории ни до, ни после периода действия УК РСФСР редакции 1926 г. В нем нам видится возвращение перерожденного института «облихования» лица, который в свое время силой

государства был изъят из сферы общественной юрисдикции, но в первой половине XX века был возвращен в виде полномочий уже государства, а не общества, по объявлению лица преступником лишь на основании политической негодности, вредности этого лица для государства. При этом, как и при объявлении лица «ведомо лихим человеком», первоочередное значение имело не конкретно совершенное человеком преступление, а определенная социально-классовая принадлежность лица, «вредность» его личности для советского государства. Роль способа совершения преступления как дифференцирующего средства уголовного права была ограничена и осуществлялась для довольно узкого спектра преступных деяний.

Данная ситуация была изменена с принятием УК РСФСР 1960 г., в котором уже отсутствовала норма об аналогии закона, а понятие преступления связывалось исключительно с совершением общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом. В уголовно-правовой науке самостоятельное значение обстоятельств, характеризующих личность субъекта преступления, вне связи с совершенным преступлением также отрицалось¹.

УК РСФСР 1960 г. использует способ совершения преступления более чем в четверти статей своей Особенной части, что позволило четче дифференцировать уголовную ответственность, а также придало большую определенность уголовно-правовым нормам. Роль способа совершения преступления как уголовно-правового института в УК РСФСР 1960 г. максимально приближена к современному его пониманию, что обусловлено прежде всего накопленным правотворческим опытом, солидной научной базой, широким обсуждением всех его проектов². Следует отметить, что в отличие от всех предыдущих уголовных законов, в УК РСФСР 1960 г. произошло не только количественное, но и качественное изменение роли способа совершения преступления, который в законе стал выступать исключительно в роли деяния дополнительного, служебного характера к основному преступному деянию,

---

¹ См., напр.: Чечель Г. И. Смягчающие ответственность обстоятельства и их значение в индивидуализации наказания. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978. С. 25.

² Жук М. С. Указ. соч. С. 37.

увеличивающего степень общественной опасности деяния в целом. Это изменение роли способа совершения преступления не было каким-то резким законодательным скачком, поскольку в отдельных уголовно-правовых нормах, начиная уже с Уложения 1845 г., прослеживалась данная укрепляющаяся роль способа совершения преступления. Однако существенные пережитки феодально-монархического строя и сменившее их отрицание немарксистских законодательных наработок первых десятилетий советского строя вкупе с существовавшим институтом аналогии заметно замедлили окончательное законодательное закрепление способа совершения преступления.

Оценивая развитие понятия способа совершения преступления в законодательстве советского периода, следует отметить, что несмотря на изначальное отрицание всяких немарксистских научных разработок в области уголовного права советское государство тем не менее не смогло отвергнуть общую логику исторического развития категории способа совершения преступления и изменить ее роль в системе уголовного права. В.П. Коняхин в связи с этим писал, что разрыв легитимной связи нового и старого уголовного законодательства, последовавший после Октябрьской революции 1917 г., вовсе не означал устранения их фактической преемственности¹, что выразилось не только в восприятии общих идей учения о способе совершения преступления, но и в их дальнейшем развитии и приспособлении к меняющимся социальным и правовым условиям.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что развитие способа совершения преступления как категории уголовного права происходило прежде всего благодаря внутренней логике развития самого уголовного законодательства, а научные исследования лишь «догоняли» данное развитие, объясняя и обосновывая его, но отнюдь не предопределяя. Постепенное эволюционное развитие способа совершения преступления в уголовном законодательстве объясняется, на наш взгляд, той ролью правового

---

¹ Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. С. 57—58.

инструмента дифференциации ответственности в руках законодателя, которую ему отвела логика развития права. Год от года законодатель совершенствовал технику владения им, применяя способ совершения преступления для формализации уголовно-правовых отношений все чаще и чаще, постепенно меняя не только количественную, но и качественную его составляющую. Начав с описания при помощи его чисто внешней стороны преступления, он постепенно перешел к разграничению одного преступления от другого при помощи описания способов их совершения, начал криминализировать деяние исходя из особой опасности определенных способов его совершения, стал учитывать способ совершения преступления как обстоятельство, отягчающее наказание. Однако остановиться на этом законодателю не позволила внутренняя логика права, которая привела его к дальнейшему раскрытию сути способа совершения преступления как категории уголовного законодательства, заключающейся в том, что он (способ) выступает в законе как деяние дополнительного, служебного характера по отношению к основному преступному деянию, способствуя его совершению. Благодаря этому мы можем выделить следующие этапы в истории становления и развития способа совершения преступления в отечественном законодательстве:

1. Период принятия Русской Правды (XI в.): эпоха кровной мести и господства обычаев, при которой способ совершения преступления не выделяется из причиненной «обиды», поскольку правосознание того времени квалифицирует действия виновного согласно обычаю и реально причиненного вреда потерпевшему.

2. Период от Русской Правды до Соборного уложения 1649 г. (XI в. – 1649 г.): указание на способ совершения преступления бессистемно используется законодателем для описания казусов как внешней стороны преступного деяния. Немногочисленность указаний на способы совершения преступления объясняется тем, что при квалификации преступлений определяющим фактором выступает не текст закона, а народное его понимание. Период

характеризуется постепенной формализацией преступлений в законе и зарождением дифференцирующей роли способа их совершения.

3. Период от Соборного уложения до Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1649–1845 гг.): преступные деяния формализованы в законе, квалификация преступлений начинает происходить согласно законодательному их описанию, а не народным представлениям о преступном, создание конкретных составов преступления с дифференциацией части преступлений в зависимости от способа их совершения. При этом способ совершения преступления остается неотъемлемой частью преступного деяния, выступая как описание его внешней стороны.

4. Период от Уложения о наказаниях уголовных и исправительных до УК РСФСР 1960 г. (1845–1960 гг.): осознание законодателем значения способа совершения преступления, его широкое использование как квалифицирующего обстоятельства и средства дифференциации ответственности. Начало отделения способа совершения преступления от преступного деяния, использование его на системных началах.

5. Период от УК РСФСР 1960 г. до настоящего времени: окончательное оформление роли способа совершения преступления в законе как деяния дополнительного, служебного характера по отношению к основному деянию, которое криминализирует, квалифицирует либо отягчает ответственность за основное преступное деяние. Резкое увеличение количества составов преступления, имеющих указание на способ совершения преступления.

Глава 3. Понятие дифференциации уголовной ответственности и способ совершения преступления как средство дифференциации, компаративистский аспект способа совершения преступления

§ 1. Понятие дифференциации уголовной ответственности

Прежде чем переходить к рассмотрению способа совершения преступления как дифференцирующего средства уголовного права необходимо определиться с используемой нами терминологией.

Обратимся к явлению дифференциации. Толковые словари русского языка определяют данное понятие сходным образом: «разграничение»¹, «разделение, расчленение чего-либо целого на составные части, элементы и т.п.»², «разделение, расчленение, расслоение чего-либо на отдельные разнородные элементы»³. «Дифференцировать» согласно словарям русского языка означает «расчленить (-нять), различить (-чать) разнородные факты, явления при рассмотрении, изучении чего-нибудь»⁴, «разграничивать, выделять разнородные элементы при рассмотрении, изучении и т.п. чего-либо»⁵.

Разобравшись с тем, что являет собой понятие дифференциации, «важно выяснить, о дифференциации *чего* ведется речь: в нашем случае о дифференциации *ответственности*»⁶. Любая юридическая ответственность возникает вследствие нарушения закона, последствием которого является возникновение у правонарушителя юридической обязанности дать ответ управомоченным на то органам государства по поводу совершенного им нарушения закона и подвергнуться действию тех санкций, которые предусмотрены законом или иным нормативным актом за данное правонарушение. Обязанность понести ответственность за совершенное

---

¹ Большой универсальный словарь русского языка. С. 441 ; Словарь синонимов русского языка / под ред. Л. А. Чешко. М.: Советская Энциклопедия, 1968. С. 121.

² Большой толковый словарь русского языка. С. 262.

³ Словарь русского языка: в 4 т. Т. I / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981. С. 404.

⁴ Толковый словарь современного русского языка. С. 153–154.

⁵ Большой академический словарь русского языка. Т. 5 / под ред. К. С. Горбачевича. М.: Норма, 2006. С. 132.

⁶ Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. С. 48.

правонарушение имеет принудительный характер, и этим юридическая ответственность отличается от иной ответственности, например, моральной¹.

Уголовная ответственность может быть определена как претерпевание лицом, совершившим преступление, мер принуждения в виде лишений и правоограничений как последствия этого преступления со стороны государства в лице его правомочных органов в рамках штрафной санкции нормы уголовного закона².

Мы солидарны с авторами, исходящими из того, что *дифференциация* ответственности в широком ее понимании – это осуществляемое законодателем разделение ответственности, «дозировка» с учетом определенного рода обстоятельств, целью которой является создание для правоприменителя желаемого режима при определении меры (вида и размера) ответственности за совершенное правонарушение³. В свою очередь дифференциация юридической ответственности определяется как установление в праве различных ее видов за различные правонарушения⁴. Под дифференциацией же уголовной ответственности понимается «градация, разделение, расслоение ответственности в уголовном законе, в результате которой законодателем устанавливаются различные уголовно-правовые последствия в зависимости от типовой степени общественной опасности преступления и типовой степени общественной опасности личности виновного»⁵.

Ряд авторов по-своему определял *основания* дифференциации уголовной ответственности. Н.М. Кропачев полагал, что данным основанием выступает общественная опасность преступления⁶, Г.Л. Кригер считала основанием дифференциации уголовной ответственности характер и степень общественной

---

¹ См.: Брайнин Я. М. Указ. соч. С. 11–12 ; Уголовное право. История юридической науки / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1978. С. 61.

² Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. С. 34.

³ Там же. С. 62.

⁴ Мельникова Ю. Б. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. С. 17.

⁵ Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М.: НОРМА, 2000. С. 63.

⁶ Кропачев Н. М. Общие вопросы применения мер ответственности за преступления // Уголовное право право на современном этапе: проблемы преступления и наказания: сборник науч. ст. / под ред. Н. А. Беляева, В. К. Глистина, В. В. Орехова. СПб., 1992. С. 44–52.

опасности преступления¹, по мнению Т.А. Лесниевски-Костаревой, данными основаниями является типовая степень общественной опасности содеянного и типовая степень опасности лица, совершившего преступление². Более верной нам представляется позиция, полагающая основой дифференциации уголовной ответственности характер и типовую степень общественной опасности преступления³. Под характером при этом понимается качественная определенность преступного деяния⁴, а типовая степень общественной опасности преступления определяется содержанием признаков основного состава и совокупностью альтернативных признаков⁵.

На практике дифференциация уголовной ответственности реализуется при помощи определенных *средств*, под которыми, как отмечают исследователи, в широком (философском) смысле слова понимается все то, что способствует достижению цели, а применительно к дифференциации уголовной ответственности – все то, что служит разделению, расслоению, градации последней⁶. Под уголовно-правовыми средствами дифференциации ответственности понимают предусмотренное законом изменение размера, вида и характера мер уголовной ответственности в определенном направлении и объеме при наличии дифференцирующих обстоятельств, которые являются условием применения данного средства⁷. При этом одним из самых распространенных средств дифференциации в законе выступает способ совершения преступления.

Таким образом, мы установили, что дифференциация ответственности представляет собой законодательное разделение, расслоение ответственности в

---

¹ Кригер Г. Л. Дифференциация и индивидуализация наказания // Совершенствование мер борьбы с преступностью в условиях научно-технической революции. М.: Наука, 1980. С. 126.

² Лесниевски-Костарева Т. А. Указ. соч. С. 56.

³ Кругликов Л. Л. Основания дифференциации ответственности в уголовном праве // Проблемы теории уголовного права: Избранные статьи (2000 – 2009 гг.). Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2010. С. 45.

⁴ Там же. С. 46.

⁵ Там же. С. 50.

⁶ Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. С. 62.

⁷ Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 190 – 191. См. также: Соловьев О.Г., Ильин А.А. О средствах дифференциации уголовной ответственности в Общей и Особенной части УК РФ // Вестник Ярослав. гос. ун-та. 2011. № 3. С. 72 ; Чупрова О. Н. Средства дифференциации уголовной ответственности // Юристы-Правоведь. 2007. № 6. С. 32.

зависимости от определенных обстоятельств, при помощи учета которых содеянное получает адекватную оценку в законе. На практике дифференциация осуществляется различными средствами, корректирующими объем ответственности, определяющими рамки наказуемости¹.

§ 2. Способ совершения преступления как средство дифференциации ответственности

Как верно отмечается исследователями, дифференциация уголовной ответственности выступает элементом системы дифференциации ответственности, а дифференциация ответственности, в свою очередь, – элементом более крупной системы – дифференциации как таковой². В связи с этим представляется интересным осветить роль способа совершения преступления не только как средства дифференциации уголовной ответственности, но и как средства дифференциации ответственности вообще. По данному вопросу нами разделяется мнение исследователей о возможности выделения следующих видов дифференциации ответственности «по вертикали»: 1) юридической, 2) межотраслевой, 3) отраслевой, 4) уголовно-правового института, 5) в пределах группы норм, 6) в пределах отдельной нормы³.

1. Роль способа совершения преступления **при общеправовой (юридической) дифференциации** ответственности можно продемонстрировать на примере главы 18 УК, в которой законодателем криминализована часть отношений в половой сфере исходя из способа их совершения. Так, совершение полового сношения (либо мужеложства, лесбиянства или иных действий сексуального характера) *с применением насилия* или *с угрозой его применения* к потерпевшей (потерпевшему) или к другим лицам, либо *с использованием беспомощного состояния потерпевшей*

---

¹ Кругликов Л. Л., Савинов В. Н. Квалифицирующие обстоятельства: понятие, виды, влияние на квалификацию преступлений: учебное пособие. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1989. С. 5.

² Андреев А. В., Лобанова Л. В. Понятие дифференциации уголовной ответственности // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 5: Юриспруденция. 2006. Вып. 8. С. 118.

³ Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. С. 58.

(потерпевшего) влечет наступление уголовной ответственности по ст. 131 или 132 УК РФ соответственно. Понуждение лица к тем же действиям *путем* шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо *с использованием* материальной или иной зависимости потерпевшего (потерпевшей) влечет наступление уголовной ответственности, предусмотренной ст. 133 УК РФ. Примечательно, что совершение тех же деяний способами, прямо не запрещенными законом (например, ложным обещанием в будущем жениться), сколь бы аморальными или гнусными в морально-этическом плане они ни были, состава преступления не образует. Таким образом, способ совершения преступления имеет важную роль регулятора общественных отношений при общеправовой дифференциации ответственности и должен взвешенно и осторожно вводиться законодателем в закон только в необходимых случаях, когда общесоциальных средств воздействия на нарушителя явно недостаточно¹.

2. Определить, какое законодательство подлежит применению **при межотраслевой дифференциации**, в ряде случаев возможно только с учетом способа совершения данных деяний, поскольку противоправные посягательства на различные объекты правовой охраны порой лежат на стыке разных отраслей законодательства. Такое разграничение можно продемонстрировать на примере административного и уголовного законодательств, граница между которыми, как верно отмечала Н.Ф. Кузнецова, является наиболее протяженной² и охватывает более половины всех общественно опасных деяний, предусмотренных уголовным законодательством³. Так, например, нарушение правил охоты влечет привлечение к административной ответственности, предусмотренной ст. 8.37 КоАП, в то время как незаконная охота с применением механического транспортного средства или воздушного судна,

---

¹ При строгом соблюдении всех принципов криминализации. См. об этом: Основания уголовно-правового запрета / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. М.: Наука, 1982. С. 189–251.

² Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / под ред. В. Н. Кудрявцева. М.: Городец, 2007. С. 207.

³ Николаев А. М. Криминализация общественно опасных деяний, граничащих со сферой административных правонарушений (основания и направления совершенствования): дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. С. 14.

взрывчатых веществ, газов или иных способов массового уничтожения птиц и зверей влечет наступление уголовной ответственности по п. «б» ч. 1 ст. 258 УК. Хулиганство, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества, именуется законодателем «мелким» и предусматривает административную ответственность по ст. 20.1 КоАП РФ; то же деяние, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, влечет уже уголовную ответственность по ст. 213 УК РФ.

Отсутствие четкой линии дифференциации ответственности между различными отраслями права, а также неучет отдельных способов совершения преступления порождает ошибки в разграничении содеянного, что приводит либо к необоснованному смягчению ответственности, либо к неоправданно суровому наказанию¹. Так, по верному замечанию Н.Ф. Кузнецовой, КоАП РФ в отдельных случаях вводит в составы административных правонарушений фактически криминообразующие признаки, что, конечно, нарушает правила квалификации преступных и административных правонарушений. Так, в ст. 5.40 КоАП РФ предусмотрено административное наказание за принуждение к участию и отказу в забастовке путем насилия, угрозы применения насилия или с использованием зависимого положения принуждаемого. По степени антисоциальности такой проступок является преступлением, и потому место этой нормы в УК². Действительно, применение таких способов, как насилие, угроза его применения либо использование зависимого положения принуждаемого в данном случае существенно повышают степень общественной опасности правонарушения за счет поражения дополнительного объекта – физической (психической) неприкосновенности личности либо ущемления законных интересов принуждаемого. При этом, как показывает анализ норм КоАП РФ, в других его статьях отсутствует указание на данные

---

¹ Румянцев М. С., Кузнецов С. В. Дифференциация уголовной ответственности: юридическое содержание и проблемы межотраслевого характера // Юридическая наука. 2013. № 2. С. 66.

² Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». С. 207.

способы совершения правонарушения, в связи с чем мы полагаем, что в ст. 5.40 КоАП РФ имеет место сбой законодательной техники и неоправданное смягчение ответственности за правонарушение, обладающее существенной степенью общественной опасности за счет применения способа, свойственного преступлениям. Поэтому мы предлагаем исключить ст. 5.40 из КоАП РФ с одновременным дополнением УК РФ ст. 149.1 «Незаконное принуждение к участию или к отказу от участия в забастовке» со следующей диспозицией: «Незаконное принуждение к участию или к отказу от участия в забастовке путем насилия или угроз применения насилия, либо с использованием зависимого положения принуждаемого»¹.

Правопреемство смежных отраслей права является необходимым условием эффективной межотраслевой дифференциации ответственности, что в отечественном праве соблюдается не всегда. Так, под действие статьи 7.27 КоАП РФ подпадают хищения путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты, совершенные без квалифицированных способов их совершения. Другими словами, совершение хищения путем грабежа или разбоя в любом случае исключает возможность наступления административной ответственности, поскольку применение данных способов совершения

---

¹ В связи с этим отметим, что представляется неверной позиция Р. Д. Шарапова, полагающего, что физическое насилие или попытка его применения, независимо от прочих условий, в целом, по своему характеру представляет большую общественную опасность по сравнению с угрозой насилия, на основе чего ученый предлагает дифференцировать ответственность путем закрепления признаков насилия и угрозы насилием в разных частях статьи, одна из которых предусматривала бы более строгую санкцию за применение физического насилия (Шарапов Р. Д. Преступное насилие. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 138). Неоправданность подобной градации насилия можно проиллюстрировать следующим примером из следственной практики автора настоящей работы, у которого в производстве находилось уголовное дело по обвинению несовершеннолетнего Т. в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ в отношении несовершеннолетнего К. Суть совершенного преступления заключалась в том, что Т., будучи одноклассником К., в течение длительного времени (около 3 месяцев) путем высказывания угроз вымогал у последнего денежные средства. Поняв, что К. не собирается передавать ему требуемое, Т. применил к нему физическую силу, выразившуюся в нанесении нескольких ударов по лицу и телу К., после чего заставил того написать долговую расписку. В тот же день мать К. обнаружила у сына побои и обратилась в правоохранительные органы. В ходе следствия было установлено, что примененное Т. к К. физическое насилие не вызвало у последнего какого-либо расстройства здоровья, однако проведенной психиатрической экспертизой было установлено, что в результате длительно применявшегося Т. психического насилия в виде различных угроз у К. развилось психическое расстройство в виде «смешанной тревожной и депрессивной реакции, обусловленной расстройством адаптации», которое расценивается как вред здоровью средней тяжести (Архив Октябрьского районного суда г. Архангельск. Уголовное дело №1-227/2013). Таким образом, у нас нет оснований рассматривать психическое насилие как менее общественно опасное и требующее установления меньшего наказания, поскольку последствия его применения порой значительно опаснее, нежели аналогичные последствия физического насилия.

преступления влечет резкое повышение уровня общественной опасности деяния. Однако в данном случае законом не урегулирована возможность реагирования на хищение, совершенное в форме грабежа, но в силу своей малозначительности не признанное преступлением¹. В данном случае создается пробел права, при котором получается, что противоправное деяние не влечет для виновного никаких правовых последствий. В связи с этим мы предлагаем сделать дополнение к ст. 7.27 КоАП РФ следующего содержания: «...а также мелкое хищение чужого имущества путем грабежа при признании преступления, предусмотренного ч.1 ст. 161 УК РФ, малозначительным в соответствии с ч. 2 ст. 14 УК»². При этом мы полагаем, что глубокая разработка и осознание уголовно-правовой сущности способа совершения преступления позволит преодолеть целый ряд сложностей в межотраслевой дифференциации ответственности и позволит заполнить пробелы права в этой части.

3. При отраслевой дифференциации роль способа совершения преступления как дифференцирующего средства уголовного права определяется спецификой отраслевого предмета, а также метода регулирования общественных отношений путем уголовно-правового запрета. При помощи выделения способа совершения преступления законодатель устанавливает уголовно-правовую запрещенность деяния, а также дифференцирует ответственность за преступления, способы совершения которых имеют различную степень общественной опасности. При этом в системе уголовно-правовых норм способ совершения преступления выделяется исследователями в роли дифференцирующего средства как Общей, так и Особенной части. В

---

¹ Например, работник завода, достоверно зная, что металлолом, находящийся на территории предприятия, находится в собственности завода, действуя заведомо открыто для своих коллег, похищает деталь нефункционирующего станка из свалки металлолома стоимостью 300 рублей. Своими действиями работник причиняет заводу крайне незначительный ущерб, в связи с чем состав преступления в его действиях отсутствует ввиду малозначительности. Вместе с тем, деяние, будучи в целом противоправным, требует адекватного реагирования на него со стороны государства хотя бы в целях предупреждения совершения данным лицом новых правонарушений, что является задачей как административного, так и уголовного законодательства. Однако в данном случае подобная реакция невозможна в связи с избранным виновным способом совершения преступления, который, как было показано выше, не влечет административной ответственности по ст. 7.27 КоАП РФ.

² Необходимо отметить, что приведенный нами пример – это частный случай пробельности права, которых имеется немало количество, однако данный вопрос, к сожалению, выходит за рамки настоящей работы.

частности, А.В. Васильевский в качестве средств дифференциации Общей части назвал отягчающие обстоятельства, предусмотренные ст. 63 УК РФ¹, в которые входит и ряд способов совершения преступления. В Особенной части способ совершения преступления интегрирован в такие средства дифференциации уголовной ответственности, выделяемые исследователями², как общие и специальные, а также квалифицированные и привилегированные составы преступлений.

4. В рамках отдельных **уголовно-правовых институтов** способ совершения преступления как дифференцирующее средство нашел свое воплощение в следующих институтах: 1) институте обстоятельств, отягчающих и смягчающих наказание, 2) институте квалифицирующих и привилегирующих признаков. При этом стоит отметить, что в рамках первого института ряд отягчающих наказание обстоятельств требует законодательного уточнения. Так, существующее ныне отягчающее обстоятельство, предусмотренное п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ, предусматривает «совершение преступления с использованием оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ, взрывных или имитирующих их устройств, специально изготовленных технических средств, наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых и радиоактивных веществ, лекарственных и иных химико-фармакологических препаратов, а также с применением физического или психического принуждения». Данное обстоятельство по сути представляет собой одностороннее описание лишь той части общепасного способа совершения преступления, которая относится к общепасным средствам, без учета обстановки их применения. Представляется, что формулировка, использованная в УК РСФСР 1960 г. «совершение преступления общепасным способом», была удачнее, поскольку, с одной стороны, она являлась более универсальной и могла включать в себя больший объем примененных

---

¹ Васильевский А. В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. С. 19.

² См.: Соловьев О. Г., Дмитриев Е. С. Понятие, виды и классификация средств дифференциации уголовной ответственности в уголовном кодексе Российской Федерации // Юридическая наука. 2012. № 4. С. 58.

преступником орудий за счет указания на их определяющее свойство «общепасности». С другой стороны, эта формулировка ограничивала перечень использованных виновным средств, отнесенных к данному отягчающему обстоятельству, за счет требования их соответствия тому же свойству – «общепасности». В имеющемся на сегодняшний день перечне средств данное требование отсутствует. Напротив, в нем приведены конкретные орудия и средства, применение которых, по мысли законодателя, само по себе приводит к повышению уровня общественной опасности, однако нам представляется, что это не так. Например, в случае уничтожения деревянной церкви, являющейся памятником деревянного зодчества, путем активизации взрывного устройства при квалификации действий виновного по ст. 243 УК РФ (уничтожение или повреждение памятников истории и культуры) данный способ совершения преступления будет учтен в качестве отягчающего обстоятельства. Однако при уничтожении того же объекта путем поджога при скоплении в нем людей способ совершения преступления отягчающим наказанием обстоятельством являться не будет. Простое перечисление в законе примененных виновным орудий, на наш взгляд, с одной стороны, неоправданно ограничивает правоприменителя в учете общепасных средств, используемых виновным, а с другой, заставляет его учитывать перечисленные средства даже в том случае, когда их применение не повышает общественной опасности преступления.

В связи с изложенным нам представляется оправданным изложение п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ в следующей редакции: «совершение преступления общепасным способом, а также с применением физического или психического принуждения».

Пункт «и» ч. 1 ст. 63 УК РФ «совершение преступления с особой жестокостью, садизмом, издевательствами, а также мучениями для потерпевшего», на наш взгляд, также требует терминологического уточнения, поскольку садизм, издевательства и мучения для потерпевшего охватываются,

по нашему мнению, родовым понятием «особой жестокости»¹, в связи с чем выделение конкретных ее видов нецелесообразно и вносит путаницу в правоприменительную практику². Это справедливо и для квалифицированных составов Особенной части, которые в отличие от п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ, излишне выделяют виды особой жестокости (п. «б» ч. 2 ст. 111, п. «в» ч. 2 ст. 112 УК РФ)³. В связи с этим, для унификации понимания и квалификации преступлений, совершенных способом, связанным с проявлением виновным особой жестокости, нами предлагается изложить п. «и» ч. 1 ст. 63 УК РФ в следующей редакции: «совершение преступления с особой жестокостью»; п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ: «в отношении малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно с особой жестокостью»; п. «в» ч. 2 ст. 112 УК РФ: «в отношении малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно с особой жестокостью».

В институте квалифицирующих и привилегирующих признаков способ совершения преступления выступает дифференцирующим средством в основном в рамках квалифицирующих признаков, поскольку по своей правовой природе он, как *признак состава преступления*, в основном отягчает ответственность за счет применения виновным дополнительных сил и факторов, обеспечивающих совершение основного деяния и увеличивающих степень его общественной опасности. Обратная ситуация возможна только в случае наличия негативного указания на него в законе, то есть, если в законе предусматривается квалификация преступного деяния по определенной норме в

---

¹Схожие суждения высказывали целый ряд исследователей. См., напр.: Паньков А. Н. Проблемы привлечения к уголовной ответственности за истязания // Современные проблемы противодействия преступности в России: мат-лы науч.-практ. конф. Челябинск, 1995. С. 58–59; Раджабов Р. М. Ответственность за преступления против личности, совершенные с особой жестокостью: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 83 – 84; Татарников В. Г. Способ совершения преступления как квалифицирующий признак тяжких и особо тяжких преступлений против личности // Российский следователь. 2001. № 2. С. 23; Тришина Ж. В. Особая жестокость как способ совершения преступления против личности: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 56; Чечель Г. И. Жестокий способ совершения преступления против личности. Нальчик: Нарт, 1991. С. 18.

² Так, причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего в большинстве случаев связано с одновременным причинением последнему мучений, которые не всегда подразумевают особо жестокий способ совершения преступления.

³ См.: Борисенкова Н. В. Указ. соч. С. 160.

случае несовершеня данного деяния определенным способом (либо группой способов) совершения преступления. Однако, несмотря на относительную распространенность подобного негативного указания в прошлом законодательстве¹ в действующем УК РФ 1996 г. подобное указание, по нашим наблюдениям, можно встретить только в составе преступления, предусмотренном ст. 135 УК РФ. Необходимо также заметить, что при *индивидуализации* наказания за совершение *конкретного преступления* способ его совершения может быть учтен судом в качестве смягчающего обстоятельства в случае, если, например, он был особенно примитивен, благодаря чему помешал совершению преступления².

5. Дифференциация уголовной ответственности **в пределах группы норм** представляет известную сложность, поскольку необходимо очень четко представлять себе разграничительные линии между смежными преступлениями³, входящими в эту группу. Зачастую единственной разграничительной линией между составами преступлений одной группы служит способ их совершения. Классическим примером подобного разграничения служат нормы главы 21 Уголовного кодекса, статьи которой дифференцирует именно способ совершения основного деяния⁴. Данные способы совершения весьма специфичны, а в случае кражи и грабежа вовсе

---

¹ Так, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. состав преступления, предусмотренный ст. 286, являлся привилегированным относительно составов преступления, предусмотренных ст. 284–285, поскольку санкция ст. 286 предусматривала пониженную ответственность за восстание против властей без применения оружия и насилия со стороны восставших. Состав преступления, предусмотренный ч. 3 ст. 335 того же Уложения, являлся привилегированным относительно составов, предусмотренных ч. 1 и 2 данной статьи, поскольку, в отличие от них, санкция ч. 3 ст. 335 устанавливала ответственность за взлом тюрьмы для освобождения заключенных «без всякого насилия»; состав преступления ч. 2 ст. 86 УК РСФСР 1922 г., являлся привилегированным составом преступления относительно состава, закрепленного ч. 1 той же статьи, поскольку ч. 2 предусматривала меньшее наказание в случае сопротивления граждан властям «без учинения насилия»; ч. 1 ст. 151 УК РСФСР 1926 г. предусматривала ответственность за половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости, сопряженное с растлением или удовлетворением половой страсти в извращенных формах, вторая же часть данной статьи закрепляла привилегированный состав преступления, влекущий ответственность за половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости, совершенное без указанных в ч. 1 отягчающих признаков. Ч. 1 ст. 162 того же Кодекса предусматривала в качестве привилегированного состава кражи совершение оной без применения каких-либо технических средств, в первый раз и без сговора с другими лицами.

² Реннеберг И. Объективная сторона преступления: пер. с нем. / под ред. А. А. Пионтковского. М.: Гос. изд-во юрид. литературы, 1957. С. 77.

³ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. С. 126.

⁴ См. напр.: Савельева В. С. Основы квалификации преступлений: учеб. пособие. М.: Проспект, 2006. С. 68–79.

представляют собой *форму* хищения чужого имущества, по которой дифференцированы эти преступления.

В этой связи необходимо отметить не вполне удачную конструкцию нового для главы 21 УК РФ состава преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ, вводящего такой инновационный способ совершения преступления, как использование информационных технологий. Поскольку *хищение* чужого имущества или *приобретение права на чужое имущество*, совершенное особым способом – *путем обмана или злоупотребления доверием*, отделяет мошенничество (ст. 159 УК РФ) от прочих преступлений главы, надо полагать, что термин «мошенничество» должен единообразно употребляться законодателем в том же значении (то есть именно сочетании основного преступного деяния и способа совершения преступления) во всех включающих его составах преступлений. В таком случае не ясно, о каком обмане или злоупотреблении доверием может идти речь при совершении преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ: «*мошенничество в сфере компьютерной информации, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей*». В данном составе происходит двойное указание на основное преступное деяние (хищение чужого имущества или приобретения на него права) и на две обязательные группы способов совершения преступления различного порядка, которые включают в себя, во-первых, обман или злоупотребление доверием (в обязательном порядке входящих в *мошенничество*), и, только во-вторых, должны совершаться непосредственно информационными способами. На наш взгляд, подобная конструкция состава преступления неоправданно утяжеляет его структуру и затрудняет возможность квалификации действий виновного, поскольку не охватывает случаев хищения (приобретения права) чужого имущества, совершенных инновационными способами, не обладающими признаками

обмана или злоупотребления доверием. Думается, что в данном случае законодатель ограничился полумерой – введя новый способ совершения преступления, попытался адаптировать его под основное преступное деяние, которому тот свойственен не в полной мере. Полагаем, что в данном случае речь идет о принципиально новом основном преступном деянии, не характерном для прочих составов главы 21 УК РФ, поскольку протекает оно не в реальной действительности, а в виртуальной компьютерной среде, в связи с чем законодателю следовало ввести новый термин для его обозначения.

Мы полагаем, что сложно подобрать подходящий термин для вновь появившегося преступления, не имевшего ранее аналогов в УК, поскольку термины для прочих составов преступлений, предусмотренных главой 21 УК РФ, складывались и выверялись веками уголовно-правовой истории России. Памятуя, что многие из этих терминов ранее обозначались общим понятием «воровство», мы не можем предложить ничего лучше, чем до выработки подходящего термина называть новое для уголовного законодательства преступное деяние, предусмотренное ст. 159.6 УК РФ, «киберворовством». Ни в коем случае не претендуя на использование данного термина в законе, мы лишь обозначаем проблему недопустимости использования термина «мошенничество» в тексте ст. 159.6 УК РФ в связи с неизбежно возникающими при этом сложностями в квалификации.

Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что диспозиция статей 159.1-159.5 УК РФ также включает в себя термин «мошенничество», однако в качестве способа совершения преступления указывается только обман, хотя мошенничество само по себе предполагает также такой способ хищения чужого имущества, как злоупотребление доверием, в связи с чем непонятно, возможна ли квалификация преступлений, совершенных путем злоупотребления доверием, согласно указанных статей.

В целом позитивно оценивая тенденции дальнейшей дифференциации ответственности по способу совершения преступления, мы не можем не обратить внимание на то, что небрежное отношение законодателя к способу

совершения преступления во вновь введенных составах преступлений может привести к нарушению единообразия практики их применения и возникновению ошибок в квалификации преступлений.

6. Для иллюстрации значения способа совершения преступления как дифференцирующего средства **в пределах отдельной уголовно-правовой нормы** необходимо обратиться к частоте его упоминания в отдельных статьях УК РФ. По нашим подсчетам, более 160 статей Особенной части УК содержат указание на способ совершения преступления, при этом общее число составов преступлений, содержащих в своей конструкции указание на способ совершения преступления, составляет более 330, многие из которых имеют указания не на один, а на несколько альтернативных способов совершения преступления, в связи с чем общее число упоминаний данной категории в Особенной части УК превышает 440.

Подытоживая все вышеизложенное в настоящем параграфе, можно сделать вывод об условиях выделения законодателем способа совершения преступления в качестве дифференцирующего средства уголовного права. По нашему мнению, это происходит в случае, если он:

1) криминализирует деяние (например, насильственный способ при половом сношении или использование беспомощного состояния потерпевшей (ч.1 ст. 131 УК РФ));

2) повышает степень его общественной опасности за счет поражения дополнительного объекта, (объектов) (например, при общеопасном способе совершения убийства поражается не один, а целый ряд объектов уголовно-правовой охраны (п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ))¹;

---

¹ При этом обращает на себя внимание историческая изменчивость перечня этих объектов, поскольку с принятием УК РФ 1996 г. концепция общеопасного способа совершения преступления была серьезно пересмотрена. Квалифицированное убийство стало звучать не как «способом опасным для жизни многих людей», а как «общеопасным способом». Помимо убийства тем же способом стало возможно причинение тяжкого вреда здоровью (п. «в» ч. 2 ст. 111 УК РФ), умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества (ч. 2 ст. 167 УК РФ), уничтожение или повреждение лесных и иных насаждений (ч. 3 ст. 261 УК РФ). С расширением спектра статей, предусматривающих общеопасный способ совершения преступления, был расширен и круг объектов уголовно-правовой охраны, причинение (или угроза причинения) вреда которым образует данный способ. Если ранее в законе речь шла о постановке в опасность жизни не только потерпевшего, но хотя бы еще одного лица, то сейчас речь идет уже не только о жизни, но и о здоровье, а также о наступлении иных вредных последствий: «разрушения домов, транспортных средств, средств связи и т.п.»

3) повышает степень общественной опасности деяния за счет возможности причинения большего вреда (например, публичные призывы к развязыванию агрессивной войны, совершенные с использованием средств массовой информации (ч. 2 ст. 354 УК РФ));

4) увеличивает степень вероятности наступления общественно опасных последствий за счет использования дополнительных средств и поражающих факторов (например, при использовании специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации в ходе незаконного

(Бородин С. В. Преступления против жизни. СПб.: Юристъ, 2003. С. 148). Некоторые исследователи отказываются признавать, что с изменением формулировки изменилось и содержание общеопасного способа, поэтому они ставят знак равенства между «способом, опасным для жизни многих людей» и «общеопасным способом» (См: Попов А. Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 492–493), однако это, на наш взгляд, не соответствует современной интерпретации данного способа законодателем. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ прямо сказано, что если в результате примененного виновным общеопасного способа убийства другим лицам был причинен вред здоровью, содеянное надлежит квалифицировать по п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ и по статьям УК, предусматривающим ответственность за умышленное причинение вреда здоровью. В случаях, когда убийство общеопасным способом сопряжено с уничтожением или повреждением чужого имущества или повреждением лесов, а равно насаждений, не входящих в лесной фонд, содеянное, наряду с п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ, следует квалифицировать также по ч. 2 ст. 167 или ч. 2 ст. 261 УК РФ (Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) от 27.01.1999 г. Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс». Таким образом, например, подрыв мощного фугаса в лесу, убивший, как и планировалось, одного потерпевшего при отсутствии рядом других лиц и имущества, тем не менее, должен быть квалифицирован как убийство общеопасным способом, поскольку данным взрывом были повреждены лесные насаждения, а также дополнительно по ст. 261 УК РФ. Однако, данное положение постановления Пленума Верховного суда РФ вызывает некоторые вопросы. Прежде всего, если в описанном выше случае подрыва фугаса в лесу необходима дополнительная квалификация по ч. 3–4 ст. 261 УК РФ, становится непонятно, чем вызвана тогда квалификация убийства по п. «е» ч. 2 ст. 105. Ведь «общеопасность» примененного способа заключалась как раз в том, что, помимо убийства лица, под угрозу были поставлены лесные насаждения и ничего более, что собственно и образует в данном случае общеопасный способ совершения преступления. Дополнительное вменение ч. 3–4 ст. 261 становится тем более недопустимым, что данное преступление предполагает опять-таки общеопасный способ своего совершения, то есть такой, который, помимо основного объекта (уничтожение или повреждение лесных насаждений и иных насаждений) ставит под угрозу еще как минимум один объект уголовно-правовой охраны. Таким образом, ответственность за одно и то же деяние как бы «удваивается», поскольку одно и то же квалифицирующее обстоятельство (убийство одного лица и уничтожение лесных насаждений) одновременно учитывается как в первом, так и во втором составе преступления, что, надо полагать, недопустимо в силу ч. 2 ст. 6 УК РФ, согласно которой «Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление», а также с ч. 1 ст. 20 Римского Статута Международного Уголовного Суда 1998 г., в силу которой «... никакое лицо не может быть судимо Судом за деяние, составляющее основу состава преступления, в отношении которого данное лицо было признано виновным или оправдано Судом» (См.: Римский статут Международного уголовного суда [Электронный ресурс]: принят в г. Риме 17.07.1998. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».) Аналогичная ситуация с «удвоением» ответственности складывается с дополнительным вменением ч. 2 ст. 167 УК РФ к п. «е» ч. 2 ст. 105, когда, например, убийство связано с подрывом дорогостоящего автомобиля вместе с его хозяином в уединенном месте, где отсутствуют иные лица и лесные насаждения. В связи с изложенным Пленуму Верховного суда РФ представляется необходимым дать разъяснения, согласно которым дополнительное вменение к п. «е» ч. 2 ст. 105 ч. 2 ст. 167 и ч. 3 - 4 ст. 261 возможно только в случае, когда помимо объектов, охраняемых дополнительно вменяемой статьей (имущество, лесные и иные насаждения), общеопасный способ убийства должен поражать или подвергать риску поражения хотя бы еще один объект уголовно-правовой охраны.

получения сведений, составляющих государственную тайну (п. «г» ч.2 ст.283.1 УК РФ));

5) уменьшает степень общественной опасности деяния за счет неприменения виновным определенного способа, обладающего большей степенью общественной опасности (например, совершение развратных действий *без* применения насилия – ч. 1 ст. 135 УК РФ).

Относительно понимания способа совершения преступления как элемента преступления верной представляется позиция авторов, определяющих его как определенный порядок, метод, последовательность движений и приемов, применяемых лицом в процессе преступного посягательства¹. В то же время в нашем понимании способ совершения преступления как признак состава преступления – *это предусмотренное законом деяние дополнительного, служебного характера по отношению к основному преступному деянию, совершаемое для содействия последнему и существенно влияющее на его общественную опасность либо придающее ему данное свойство.*

§ 3. Сравнительно-правовой анализ способа совершения преступления в законодательстве некоторых зарубежных стран

Рассматривая вопрос правовой регламентации способа совершения преступления уголовным законодательством зарубежных стран, учитывая ограниченный объем настоящей работы, представляется целесообразным остановиться на законодательстве некоторых стран романо-германской правовой семьи, поскольку российское законодательство близко к нему по происхождению, источникам, основным понятиям, приемам юридической техники и способам толкования². Для нас представляют интерес вопросы о том, отождествляет ли иностранный законодатель преступное деяние и способ его совершения, то, каким образом этот способ закрепляет в законе способ совершения преступления, и какую роль при этом он играет. Особое внимание

---

¹ См. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. С. 71.

² Ежов А. Н. Уголовное законодательство стран Европейского союза: учеб. пособие. М.: Юпитер, 2005. С. 24.

мы обратим прежде всего на включение способа совершения преступления в Общие части уголовных кодексов разных стран, а также его указание (либо не указание) в таких составах преступления (используя терминологию отечественного законодателя), как убийство квалифицированным способом, изнасилование, понуждение к действиям сексуального характера, кража, грабеж, разбой и мошенничество. Выбор указанных составов преступлений обусловлен тем, что ответственность в них наиболее часто дифференцирована именно способом совершения преступления, в связи с чем в данных составах преступления он играет принципиальную роль.

УК Франции был принят 22 июля 1992 г. Национальным собранием и Сенатом Франции, после чего одобрен президентом¹. Общая часть УК Франции не содержит как определения преступного деяния, так и понятия способа совершения преступления². В отделе III главы II раздела III Книги I УК Франции даны определения некоторых обстоятельств, влекущих отягчение наказаний, в числе которых называются также и способы совершения преступления³. Интересен тот факт, что общая часть УК Франции не содержит «общеотягчающих» обстоятельств, а лишь определяет значение некоторых из них. Конкретные обстоятельства (в число которых входят и способы совершения преступления), отягчающие ответственность, определяются отдельно для каждого конкретного состава преступления в соответствующей статье Особенной части УК Франции. При этом большая часть данных способов унифицирована⁴. Следует отметить некоторую вариативность формулировок одних и тех же способов совершения преступления,

---

¹ Ключанова Т. М. Уголовное право зарубежных стран: Германия, Франция, Финляндия: Общая часть. СПб., 1996. С. 27.

² Ежов А. Н. Уголовное законодательство стран Европейского союза: учеб. пособие. М., 2005. С. 80.

³ К данным способам в числе прочих, в частности, относятся взлом и влезание, содержание которых раскрывается самим УК.

⁴ Преступление по УК Франции может быть совершено с применением или угрозой применения оружия; несколькими лицами, действующими в качестве исполнителей или соучастников; благодаря использованию телекоммуникационных сетей с целью распространения сообщений, адресованных неопределенному кругу лиц; совершено лицом, злоупотребляющим властью в связи с предоставленными ему полномочиями; совершено лицом, обладающим публичной властью, или иным лицом, выполняющим обязанности по государственной службе, при исполнении или в связи с исполнением своих функций или своих обязанностей; совершено с использованием принуждения, насильственных действий или обмана.

встречающихся в различных статьях УК Франции, что нельзя признать удачным, поскольку подобная изменчивость словарных форм способна породить вариативность толкования одинаковых по своей сути способов совершения преступления.

Не вполне оправданным нам представляется указание на такой способ совершения преступления (являющийся квалифицирующим обстоятельством), как совершение преступления лицом, имеющим при себе оружие, встречающийся в УК Франции в главах, посвященных имущественным преступлениям, а также ряде других статей¹. В случае, если виновный применяет оружие или угрожает имеющимся у него оружием, то его действия охватываются понятием «применение или угроза применения оружия». В случае, если у виновного при себе имелось оружие, но он не пользовался им для достижения преступной цели, то есть оружие не демонстрировал, о нем не сообщал, им не угрожал и не использовал его иным образом, а также в случае отсутствия у него умысла на подобные действия, вести речь о том, что данный способ совершения преступления квалифицирует основное деяние, на наш взгляд, неправомерно. В этом мнении нас поддерживают и отечественные исследователи вооруженного способа совершения преступления: «Общественная опасность вооруженного насилия определяется не столько фактом наличия у виновного оружия, а в первую очередь, той ролью, которую оно призвано играть при воплощении в жизнь его преступных устремлений. Иными словами, применение оружия должно сыграть существенную роль в реализации преступных целей и внести существенный вклад в достижение преступного результата,.. если, например, виновный при нападении на потерпевшего с целью похищения чужого имущества не вынимал пистолет из кармана, рассчитывая на его применение только в случае активного

---

¹ Так, статья 312-5 устанавливает: «Вымогательство наказывается.., если оно совершено либо с применением или угрозой применения оружия, либо лицом, имеющим при себе оружие, на которое требуется разрешение или ношение которого запрещено» (Уголовный кодекс Франции. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 290)*.

* Здесь и далее статьи приводятся с учетом последних редакций Уголовных кодексов зарубежных стран.

сопротивления, то такого рода действия нельзя расценивать как вооруженный разбой»¹. Кроме того данное положение подтверждается и российской правоприменительной практикой, когда неиспользование виновными в ходе противоправного посягательства имевшегося у них при себе оружия исключает квалифицирующий признак вооруженности².

В Уголовном кодексе Франции законодательно закреплено деление преступных деяний на три категории: преступления, проступки и нарушения, при этом критерием классификации выступает тяжесть деяния. Все преступления являются умышленными деяниями, в то время как для проступков возможна вина в форме неосторожности или небрежности, а для нарушений форма вины не имеет особого значения, поскольку ответственность за них исключается только в случае действия непреодолимой силы³. При этом, как показал анализ особенной части УК Франции, указания на способы совершения преступления содержатся только в умышленных преступных деяниях, в неумышленных же деяниях (проступках) таковые отсутствуют.

В составе умышленного убийства, закрепленного статьей 221-1 УК Франции, способ совершения преступления отсутствует в квалифицирующих обстоятельствах и содержится только в статье 221-5 УК Франции: «Посягательство на жизнь другого человека путем использования или назначения веществ, способных повлечь смерть, образует отравление (*empoisonnement*). Отравление наказывается тридцатью годами уголовного заключения»⁴. Обращает на себя внимание тот факт, что за одно только посягательство на жизнь другого лица указанным способом предусмотрено наказание, равное наказанию за оконченное убийство, что, на наш взгляд, обусловлено не столько повышенной общественной опасностью отравления, сколько историческими традициями Французского уголовного

---

¹ Кирюхина Л. Н. Вооруженное насилие как способ совершения преступления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 26.

² См. напр.: постановление Президиума Верховного Суда РФ от 03.04.2013 г. № 35-П13пр [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

³ Есаков Г. А., Крылова Н. Е., Серебrenникова А. В. Уголовное право зарубежных стран. М., 2009. С. 153–154.

⁴ Уголовный кодекс Франции. С. 174.

законодательства¹. Факт отсутствия иных квалифицированных способов совершения убийства в совокупности с тем, что в Общей части нет «общеотягчающих» обстоятельств, по нашему мнению, сильно ограничивает правоприменителя в возможности адекватной оценки действий виновного, совершившего убийство с применением способов, существенно повышающих общественную опасность деяния.

Статья 222-23 УК Франции устанавливает, что «любой акт сексуального проникновения какого-либо рода, совершенный в отношении другого лица путем насилия, принуждения, угрозы или обмана, является изнасилованием»². В приведенной статье обращает на себя внимание то, что законодательством Франции криминализирован обман как способ совершения изнасилования, чего не знает наше отечественное законодательство. Данное обстоятельство лишний раз подтверждает, что способ совершения преступления и преступное деяние четко дифференцированы в УК Франции, и совершение определенного деяния запрещенным в законе способом может возвести данное деяние «в ранг преступления», в то время как совершение того же деяния иным, не криминализированным законодателем способом, может оставить его вне уголовно-правовой сферы. Понуждение к действиям сексуального характера по УК Франции образуют состав преступления, предусмотренного статьей 222-33, способы совершения которого ограничены отдачей приказаний, высказыванием угроз, принуждением или тяжким давлением с целью получить преимущества сексуального характера³.

Кражей, согласно статье 311-1 УК Франции, «является обманное изъятие вещи другого лица»⁴. При этом термином «кража» в УК Франции охватывается

---

¹ В отечественной правоприменительной практике такой способ совершения убийства (или покушения на убийство), как отравление потерпевшего, при отсутствии квалифицирующих обстоятельств, сам по себе не может влечь усиления наказания (См. напр.: Определение Верховного Суда РФ от 07.02.2002 г. № 48-оО2-4 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»).

² Там же. С. 197.

³ Там же. С. 202.

⁴ Там же. С. 280.

в том числе грабеж¹ и несколько составов разбоя². При этом статья 311-11 УК Франции разъясняет: «кражу, за которой следуют насильственные действия, образует кража, после которой были совершены насильственные действия с целью облегчения бегства или обеспечения безнаказанности исполнителя или соучастника»³. Таким образом, по французскому законодательству, в случае перерастания кражи (в терминологии отечественного законодателя) в грабеж или разбой, насилие, применяемое при этом, должно обеспечивать выполнение основного преступного деяния (изъятие вещи другого лица) в виде возможности удержания виновным у себя изъятый преступным путем вещи. Надо полагать, что если насилие не выступает деянием дополнительного, служебного характера по отношению к основному деянию и не обеспечивает достижение основного преступного результата, а совершено, скажем, из хулиганских побуждений, то оно должно оцениваться по соответствующим статьям УК Франции и не образует способа совершения кражи.

В отличие от грабежа и разбоя мошенничество в уголовном законодательстве Франции имеет собственный термин. В составе мошенничества, закрепленного статьей 313-1 УК Франции, обращает на себя внимание казуистичность и громоздкость формулирования способов совершения преступления: «Мошенничеством является совершенное путем использования ложного имени или ложного статуса, либо путем злоупотребления действительным статусом, либо путем использования обманных приемов введение в заблуждение какого-либо физического или юридического лица и склонение его таким образом к тому, чтобы оно в ущерб себе или третьим лицам передало денежные средства, ценные бумаги, материальные ценности или какое бы то ни было иное имущество, предоставило услуги или совершило сделку, влекущую возникновение

---

¹ Согласно п. 4 ст. 311-4 «кража., если ей предшествуют, ее сопровождают или за ней следуют насильственные действия в отношении другого лица, не повлекшие полной утраты его трудоспособности» (Уголовный кодекс Франции. С. 281.)

² В случаях, если краже предшествуют, ее сопровождают или за ней следуют насильственные действия в отношении другого лица, повлекшие причинение вреда здоровью различной степени, либо в процессе преступного посягательства было применено оружие или была высказана угроза применения оружия.

³ Уголовный кодекс Франции. С. 285.

обязанности или освобождение от нее»¹, что, на наш взгляд, делает честь отечественному законодателю, который смог более кратко и емко сформулировать данный состав преступления. Анализ вышеизложенного позволяет нам сделать вывод о том, что во французском законодательстве выдержана логика указания в законе на способ совершения преступления как умышленное деяние дополнительного служебного характера по отношению к основному преступному деянию, при сохранении самостоятельного статуса как способа совершения преступления, так и основного преступного деяния.

Основным источником уголовного права ФРГ является Уголовный кодекс от 15 мая 1971 г. в редакции от 10 марта 1987 г.². Согласно части 2 статьи 46 УК ФРГ при определении наказания суд взвешивает обстоятельства, которые свидетельствуют в пользу и против лица, совершившего деяние. При этом особенно принимается во внимание, в числе прочего, «способ совершения и виновные последствия деяния»³, однако, конкретных способов совершения преступления законодатель не приводит, оставляя этот вопрос на усмотрение суда. Дефиницию способа совершения преступления УК ФРГ не дает, определяя преступления как «противоправные деяния, за совершение которых в качестве минимального наказания предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от одного года и более»⁴.

Характерной особенностью УК ФРГ является конструкция, при которой законодателем указывается на совершение ряда преступлений способом, обладающим особым свойством: ст. 126 «Кто любым нарушающим общественное спокойствие способом угрожает...»⁵, ст. 130 «(1) Кто способом, могущим нарушить общественное спокойствие...(3)...способом, могущим нарушить мирное состояние общества»⁶. Данную конструкцию способа совершения преступления можно признать удачной, поскольку она отходит от

---

¹ Там же. С. 295.

² Ежов А. Н. Указ. соч. С. 56.

³ Уголовный кодекс Федеративной республики Германии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 147.

⁴ Там же. С. 125.

⁵ Там же. С. 282.

⁶ Там же. С. 289–290.

перечисления конкретных способов совершения преступления и указывает лишь на их определенное свойство, однако, ее минусом является оценочность и размытость границ приведенных способов совершения преступления, что может способствовать необоснованному расширению случаев, подпадающих под действие сконструированных таким образом составов преступления.

В целом, германское уголовное законодательство характеризуется скудностью унифицированных способов совершения преступления¹ и склонностью к определению конкретных квалифицирующих способов совершения преступления отдельно для каждого состава преступления. Так, согласно ст. 211 УК ФРГ «злостным убийцей является тот, кто под влиянием страстей убивает человека для удовлетворения половой потребности, из корысти или прочих низменных побуждений, коварно или жестоко, или общеопасными средствами, для того чтобы сделать возможным или сокрыть другое преступление»², виновные в прочих видах убийств признаются убийцами, а не злостными убийцами. Таким образом, убийство, совершенное коварным, жестоким способом, а также убийство, совершенное с использованием общеопасных средств являются квалифицирующими обстоятельствами согласно УК ФРГ и влекут более суровое наказание. При этом иных квалифицирующих способов совершения убийства УК ФРГ не содержит.

Состав изнасилования и насильственных действий сексуального характера в УК ФРГ объединен, но в то же время разделен на две статьи – 177, предусматривающую ответственность за совершение изнасилования и насильственных действий сексуального характера с применением силы, угрозы жизни и здоровью либо использованием ситуации, когда жертва оказывается

---

¹ К ним относятся случаи, когда деяние совершают несколько лиц сообща; лицо применяет при совершении деяния оружие или другой опасный предмет; тяжело телесно истязает жертву; совершает преступное деяние посредством применения яда или других вредных для здоровья веществ; лицо имеет при себе какой-либо иной предмет или средство для того, чтобы воспрепятствовать или преодолеть сопротивление другого лица насилем или угрозой применения насилия; лицо имеет при себе оружие или другой опасный предмет.

²Уголовный кодекс Федеративной республики Германии. С. 367.

беззащитной перед действиями виновного¹, и ст. 179, которая устанавливает ответственность за то же деяние в случае, когда виновный использует неспособность жертвы оказать сопротивление вследствие умственной или душевной болезни, серьезных умственных или физических отклонений, глубокого расстройства либо физической неспособности оказать сопротивление и злоупотребляет ею². Подобное разделение, на наш взгляд, имеет право на существование, поскольку фактически речь здесь идет о двух различных по своей правовой природе преступных деяниях. Если в первом случае виновный подавляет волю к сопротивлению потерпевшего либо использует ситуацию, в которой данное лицо не может себя защитить, то во втором случае виновный совершает сексуальные действия с лицом, которое в принципе не способно оказать ему сопротивление. Однако, объединение данных случаев в рамках одной статьи, как это происходит в отечественном законодательстве, по нашему мнению, более предпочтительно, поскольку существенной разницы в уровнях общественной опасности данных деяний, на наш взгляд, нет.

Относительно понуждения к действиям сексуального характера УК ФРГ содержит широкий перечень ситуаций, в которых виновный злоупотребляет зависимым положением потерпевшего. При этом, в отличие от УК РФ, в уголовном законодательстве Германии отсутствуют такие способы понуждения к действиям сексуального характера, как шантаж и угроза уничтожением, повреждением или изъятием имущества, что, как нам думается, неверно, поскольку степень общественной опасности данных деяний вполне сопоставима с деяниями, запрещенными УК ФРГ.

Состав кражи сформулирован в статье 242 УК ФРГ следующим образом: «Кто изымает чужую движимую вещь другого лица, намереваясь противозаконно присвоить ее себе или третьему лицу, наказывается...»³. В Уголовном кодексе ФРГ отсутствует дифференциация кражи и грабежа, поскольку состав кражи охватывает случаи как открытого, так и тайного

---

¹ Там же. С. 332.

² Там же. С. 334.

³ Там же. С. 394.

изъятия имущества, которые для немецкого законодателя, по всей видимости, обладают равной степенью общественной опасности. К способам совершения преступления, являющимися особо тяжкими случаями кражи, согласно ст. 243 Уголовного кодекса Федеративной республики Германии, относятся случаи, когда виновный вторгается в здание или помещение, прячется там либо совершает кражу, используя беспомощное положение другого лица, несчастный случай или общую опасность¹. Еще более серьезное наказание предусматривается статьей 244 УК ФРГ для лица, совершившего кражу в качестве члена банды, которая организована для постоянного совершения разбоя и краж при участии другого члена банды.

Состав разбоя, закрепленный в статье 249, связывается с хищением чужого имущества, при котором применяется насилие или угрозы, создающие в момент применения опасность для здоровья или жизни человека². Исследователи УК ФРГ отмечают «не вполне удачную регламентацию отягчающих обстоятельств, характеризующих групповой способ совершения хищений: если речь идет о краже или разбое, то в отягчающих обстоятельствах закреплено, что банда организовывалась для совершения именно этих преступлений; а если речь идет о вымогательстве – что банда организовывалась для совершения именно вымогательства. Подобное положение вещей не позволяет в полной мере реализовать карательный потенциал соответствующих норм: например, не будет рассматриваться как совершенное при отягчающих обстоятельствах вымогательство, совершенное бандой, организованной для совершения краж и разбоев»³. Квалифицирующим обстоятельством состава мошенничества⁴, закрепленного в статье 263 УК ФРГ, выступает совершение преступного деяния виновным в качестве члена банды, организованной для

---

¹ Там же. С. 394–395.

² Там же. С. 400.

³ Галаганов А. А. Уголовно-правовая характеристика способов совершения хищений: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2011. С. 74.

⁴ Который немецкий законодатель определяет следующим образом: «Кто, намереваясь получить для себя или третьего лица противоправную имущественную выгоду, причиняет вред имуществу другого лица тем, что вводит в заблуждение или поддерживает это заблуждение, утверждая заведомо ложные факты или искажая, или скрывая подлинные факты, наказывается...» (Уголовный кодекс Федеративной республики Германии. С. 413.)

совершения подделки документов или обмана. Кроме того, квалифицирующим обстоятельством является совершение преступного деяния, при котором лицо «фальсифицирует застрахованный несчастный случай, после того как оно или другое лицо с этой целью поджигает вещь, имеющую значительную стоимость, или путем поджога полностью или частично ее разрушает, или топит корабль или сажает его на мель»¹. Казуистичность данного способа совершения преступления очевидна, поскольку за рамками данного квалифицирующего признака остается огромное количество однотипных деяний, выполненных иными способами, в связи с чем остается неясным, почему немецкий законодатель не выработал более универсальную модель указания на способы совершения мошенничества, связанные с обманом получением страховых выплат.

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что в УК ФРГ имеются указания на способ совершения преступления в преступлениях, совершенных по небрежности², однако, обращает на себя внимание то, что ни в одном из этих составов преступлений не содержится прямого указания на способ его совершения. Вместо этого следует отсылка к аналогичному умышленному составу преступления и устанавливается ответственность за то же деяние, совершенное по небрежности. Таким образом, нельзя утверждать, что немецкий законодатель конструирует составы неумышленных преступлений с указанием способов их совершения, он лишь оговаривается, что умышленные составы преступления могут быть совершены и неумышленно.

Анализируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что способ совершения преступления в Уголовном кодексе ФРГ не равнозначен деянию.

---

¹ Уголовный кодекс Федеративной республики Германии. С. 414.

² Так, в статье 308 УК ФРГ закреплено: «(1) Кто осуществляет взрыв не высвобождением ядерной энергии, а другим способом, а именно с помощью взрывчатого вещества, и тем самым подвергает опасности здоровье или жизнь другого человека или чужие вещи, имеющие значительную стоимость, наказывается...» (5) Кто в случаях, указанных в абз. 1, по небрежности создает опасность, наказывается...». Статья 317 УК ФРГ предусматривает схожее преступное деяние: «(1) Кто препятствует или угрожает работе телекоммуникационной установки, служащей общественным целям посредством того, что он разрушает, повреждает, устраняет, изменяет или делает непригодной вещь, предназначенную для деятельности установки, или лишает предназначенной для ее работы электрической энергии, наказывается...» (3) Кто совершает деяние по небрежности, наказывается...» (Уголовный кодекс Федеративной республики Германии. С. 480).

Законодатель выделяет основное преступное деяние, которое закрепляет в конкретной статье, призванной охранять определенную группу общественных отношений от преступных посягательств, при этом законодатель также может установить конкретные способы его совершения, которые связаны с основным преступным деянием, но имеют вид деяний служебного характера, обеспечивающих либо облегчающих достижение результата основного преступного деяния. Способ совершения преступления обладает самостоятельной функцией по криминализации деяния в целом либо выступает квалифицирующим данное деяние обстоятельством.

В Общей части УК Голландии, вступившего в силу в 1886 г.¹, в статье 44 содержится единственное упоминание способа совершения преступления, который выступает в качестве усиливающего уголовную ответственность обстоятельства в случае, если публичный служащий при совершении преступления нарушает свои обязанности или использует для этого предоставленные ему по службе полномочия возможности или средства².

При анализе Особенной части УК Голландии обращает на себя внимание немногочисленность способов совершения преступления и практически отсутствие унифицированных способов совершения преступления, квалифицирующих ответственность. Из самых распространенных способов совершения преступления, которые чаще всего криминализируют основное деяние, следует назвать применение насилия или угроза его применения, а также обман, к которому прибегает лицо при совершении основного преступного деяния. Верным, в сравнении с УК ФРГ, нам представляется положение, последовательно реализованное в УК Голландии, согласно которому указание на способ совершения преступления наличествует только при совершении умышленного деяния, которое четко отделяется от деяния, совершенного по неосторожности.

---

¹ Уголовный кодекс Голландии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 5.

² Там же. С. 174–175.

Интересно то, что законодатель Нидерландов конструирует способ совершения преступления в том числе и как составное деяние, которое включает в себя несколько уровней или порядков деяний дополнительного, служебного характера по отношению к основному преступному деянию¹.

Оригинальным нам представляется и путь указания на способ совершения преступления не для каждого состава преступлений, а для их группы, использующийся в уголовном законодательстве Нидерландов. Так, наказание за действия, направленные против порядка управления, предусмотренные статьями 198-201 УК Голландии, увеличивается согласно статьи 202 УК Голландии в случаях, «если лицо, совершая правонарушения, определенные в статьях 198-201, имеет доступ к месту преступления или приобретает имущество путем насильственного проникновения, слома замков или проникновения с помощью отмычек, ложного постановления или ложной униформы, наказание может быть увеличено сроком тюремного заключения не более одного года»². Благодаря данному приему законодатель избегает необходимости закрепления одних и тех же способов совершения преступления в сходных деяниях, облегчая тем самым конструкцию данных составов преступления.

Состав убийства как «простого», предусмотренного статьей 288 УК Голландии, так и «тяжкого», предусмотренного статьей 289 УК Голландии, не

---

¹ Так, показателен состав преступления, который по терминологии отечественного законодателя именуется незаконным проникновением в жилище, предусмотренный ст. 138 УК Голландии: «1. Лицо, которое незаконно вторглось в жилую, закрытую комнату или помещение, которыми пользуется другое лицо, или которое, незаконно оставаясь там, не уходит немедленно по требованию самого лица, имеющего на них право, или по требованию от этого лица подлежит...» (Уголовный кодекс Голландии. С. 271). Данный состав преступления представляет для нас интерес, поскольку в нем основное деяние «вторжение» определяется во второй части статьи, через способы его совершения: «2. Вторгшимся в помещение считается лицо, которое силой вошло или залезло, или использовало отмычку или фальшивый приказ, или фальшивую форму или которое, проникнув в помещение без разрешения, не по ошибке, обнаруживается там ночью. 3. Если это лицо произносит угрозы или использует средства, которые способны вызвать испуг, оно подлежит...» (Там же). Таким образом, в данном составе преступления речь идет, по сути, о двух уровнях (или порядках) способа совершения преступления. Первый уровень включает в себя действия, предпринятые виновным для проникновения в помещение (вхождение или влезание с применением силы, использование отмычек, фальшивого приказа, формы), второй уровень включает действия, совершенные дополнительно к действиям первого уровня для подавления воли потерпевшего (произнесение угроз, использование средств, которые способны вызвать испуг). Более того, рассматриваемая статья включает часть 4, которая предусматривает увеличение наказания в случае совершения преступления двумя и более лицами одновременно, что может выступать в качестве способа совершения преступления второго или даже третьего уровня.

² Там же. С. 330–331.

содержит указаний на способ совершения, чем, на наш взгляд, неоправданно ограничивает правоприменительную практику в части дифференциации ответственности за убийство, совершаемое способами, представляющими повышенную общественную опасность.

Изнасилование и насильственные действия сексуального характера в понимании УК РФ по УК Голландии представлены четырьмя статьями, однако их роднит то, что в качестве способов в них используется либо применение насилия, либо угрозы, либо использование беспомощного состояния потерпевшего. Понуждение к действиям сексуального характера, предусмотренное статьей 249 УК Голландии, связывается не столько со способом совершения преступления, сколько со статусом субъекта преступления (родитель, попечитель, воспитатель, директор, врач, учитель, надзиратель или служащий тюрьмы, публичный служащий, совершающий непристойные действия с лицом, подчиненным его власти и т.д.).

Состав кражи по УК Голландии, строго говоря, охватывает в том числе и понятие «грабежа»¹, и «разбоя» в терминологии отечественного законодателя, поскольку открытая или тайная форма изъятия имущества не является определяющим условием для разграничения данных составов по УК Голландии. К отягчающим обстоятельствам кражи согласно ст. 311 УК Голландии относятся кража, совершенная совместно двумя или более лицами; кража, если преступник проник на место совершения преступления путем насилия, взлома замков, с помощью отмычек, ложного постановления или ложной формы или если он помещает собственность в какое-либо место, с тем, чтобы забрать ее позже любым из этих способов. Применение насилия или

---

¹ Интересно отметить, что термин «грабеж» используется в УК Голландии для обозначения состава преступления, предусмотренного статьей 314: «Лицо, которое без насилия или угрозы насилием забирает глину, гудрон, неразрезанный торф, песок, землю, гравий, бут, навоз, дернину, дерн, вереск, песчаный тростник, морские водоросли, тростник, камыш, мох, необработанный и невывезенный молодой лес или сухостой, несобранные плоды или листья или плоды или листья, опавшие с деревьев, траву на полях, хлеб на корню или плоды в поле, оставшиеся после сбора урожая, принадлежащие целиком или частично другому лицу, с целью их незаконного присвоения, виновно в грабеже и подлежит...» (Уголовный кодекс Голландии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 395) А.А. Галаганов по этому поводу отмечает: «в отличии от Уголовного кодекса России, по Уголовному кодексу Голландии кража и грабеж различаются не только способом совершения посягательства, но и предметом преступления» (Галаганов А. А. Указ. соч. С. 81).

угроза его применения, совершаемая при краже, отягчает уголовную ответственность, при этом данный способ совершения преступления, как и прочие, закрепленные в статьях Уголовного кодекса Нидерландов, имеет вид дополнительного деяния, направленного на содействие и обеспечение совершения основного преступного деяния.

Ответственность за мошенничество предусмотрена статьей 326 УК Голландии: «Лицо, которое с целью получить незаконные доходы для себя или кого-нибудь другого, присваивая ложное имя или путем искусной уловки, или с помощью паутины лжи склоняет потерпевшего отказаться от собственности, сделать доступными данные, имеющие денежную стоимость в коммерции, принять на себя долг или отказаться от претензий, виновно в умышленном введении в заблуждение и подлежит...»¹. На наш взгляд формулировка указанного состава преступления излишне казуистична, содержит неуместные для уголовного закона метафоры, в связи с чем не вполне отвечает современным реалиям данного состава мошенничества, поскольку неоправданно ограничивает сферу действия статьи и способы, применяемые виновным при совершении преступного деяния.

Говоря о казуистичности, присутствующей в уголовном законодательстве Голландии, следует отметить ее как негативную черту, встречающуюся в ряде составов преступлений, в которых вместо приведения обобщающих категорий способов совершения преступления, охватывающих их группу, следует простое перечисление частных способов совершения преступления². Данный недостаток конечно же объясняется прежде всего давностью существования Кодекса, что признают и представители уголовно-правовой теории Нидерландов³.

---

¹ Уголовный кодекс Голландии. С. 401.

² Как это сделано, например, в статье 328 УК Голландии: «Лицо, которое с целью получить незаконный доход для себя или кого-нибудь другого в ущерб страховщику поджигает или взрывает собственность, застрахованную от пожара, или которое с аналогичной целью топит судно или уничтожает самолет, которые были застрахованы, или если его собственность на борту или груз был застрахованы, сажает судно на мель или приводит его к кораблекрушению, или которое с аналогичной целью уничтожает, делает непригодным или повреждает судно, подлежит...».

³ См. Хрунхаузен М. Некоторые основы и главные принципы Нидерландского Уголовного Кодекса // Уголовный кодекс Голландии / науч. ред. Б. В. Волженкин. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 6–37.

Несмотря на отмеченные различия уголовных кодексов Франции, Германии и Голландии, их разные подходы к использованию категории способа совершения преступления нами было выявлено их главное сходство в четком законодательном разделении способа совершения преступления и основного преступного деяния, ради осуществления которого и служит способ совершения преступления, сохраняя, однако, при этом вид автономного деяния. Связь способа совершения преступления и основного преступного деяния в УК Франции, Германии и Голландии выражается формулой – способ совершения преступления служит «для», «ради» основного преступного деяния, что, на наш взгляд, продиктовано правотворческой логикой создания уголовно-правовых норм в странах романо-германской правовой семьи (см. табл. 3 в Приложении).

Анализируя законодательство бывших республик Советского Союза, мы видим, что уголовное законодательство этих стран, претерпев изменения, подчас весьма значительные, все же смогло сохранить основные системные элементы, преемственность и логику развития, заложенные социалистическим уголовным правом. Несмотря на критику системы социалистического уголовного права несомненным ее преимуществом в части использования категории способа совершения преступления является попытка ухода от казуистичности, свойственной странам романо-германской системы права, создание универсальных категорий способов совершения преступления, которые охватывают ряд однотипных деяний, учет общеотягчающих способов совершения преступления, существенно повышающих общественную опасность содеянного, закрепленных в Общей части даже в случае отсутствия прямого указания на них в статье Особенной части.

В связи с этим, вместо того, чтобы рассматривать законодательство бывших советских республик: Азербайджана, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Латвии, Литвы, Молдовы, Таджикистана, Узбекистана, Украины, Эстонии отдельно, мы постараемся рассмотреть их в системе, выделив то общее, что объединяет уголовное законодательство данных стран в части использования категории способа совершения преступления, отметить единые

тенденции развития, а также имеющиеся особенности уголовного законодательства отдельных стран.

Уголовные кодексы всех рассматриваемых стран объединяет общая структура, включающая в себя Общую и Особенную части. Большинство Общих частей уголовных кодексов определяют в качестве основания уголовной ответственности совершение (общественно опасного) деяния (преступления), содержащего все признаки состава преступления (Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Латвия, Таджикистан, Узбекистан, Украина)¹. Другие из рассматриваемых нами стран больше склоняются к позиции, согласно которой основанием уголовной ответственности служит именно преступное деяние². Однако самую взвешенную, на наш взгляд, позицию, объединяющую оба подхода, занимает УК Молдовы, согласно которому: «Реальным основанием уголовной ответственности являются совершенные вредные деяния, а юридическим основанием уголовной ответственности служат признаки состава преступления, предусмотренные уголовным законом»³. Таким образом, соотношение преступного деяния и состава преступления вынесено на важный международный уровень, в связи с чем для нас представляет особый интерес новелла УК Молдовы, касающаяся категории состава преступления, поскольку «Молдова, пожалуй, единственное государство, в уголовном законе которого дано законодательное определение этого понятия»⁴. Так, согласно статьи 45 УК Молдовы: «(1) Состав преступления представляет собой совокупность установленных уголовным законом объективных и субъективных признаков,

---

¹ УК Литвы имеет иную несколько иную формулировку: «Ответственности по уголовному закону подлежит только лицо, совершившее деяние, которое соответствует составу преступления или уголовного проступка, предусмотренному настоящим законом» (Уголовный кодекс Литовской республики. СПб., 2003. С.117).

² Так, УК Белоруссии определяет, что основанием уголовной ответственности «является совершение виновно запрещенного настоящим Кодексом деяния в виде: 1) оконченного преступления; 2) приготовления к совершению преступления; 3) покушения на совершение преступления; 4) соучастия в совершении преступления» (Уголовный кодекс Республики Беларусь / науч. ред. Б. В. Волженкин. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 88); УК Грузии устанавливает, что «Основанием уголовной ответственности является преступление, т.е. предусмотренное настоящим Кодексом противоправное и виновное деяние» (Уголовный кодекс Грузии. СПб.: Юрид.центр Пресс, 2002. С.87); УК Эстонии говорит о том, что «Уголовной ответственности и наказанию подлежит лицо, виновное в совершении деяния предусмотренного настоящим Кодексом, то есть умышленно или по неосторожности совершившее такое деяние» (Уголовный кодекс Эстонской республики. СПб.: Юрид.центр Пресс, 2001. С. 36).

³ Уголовный кодекс Республики Молдова. С. 141.

⁴ Там же. С. 35.

квалифицирующих вредное деяние как конкретное преступление. (2) Состав преступления является юридическим основанием для квалификации преступления в соответствии с конкретной статьей настоящего кодекса»¹. Развивает данное положение статья 113 УК Молдовы: «Квалификацией преступления признается определение и юридическое установление точного соответствия признаков совершенного вредного деяния признакам состава преступления, предусмотренного уголовной нормой»². Интересна для нас и ранее упомянутая статья 15 УК Молдовы, которая гласит, что «степень вреда преступления определяется в соответствии с признаками, характеризующими элементы преступления: объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона»³. Вышеизложенное еще раз показывает, что рассматриваемая нами проблема способа совершения преступления как признака объективной стороны состава преступления, его соотношения с преступным деянием, роли в преступлении и составе преступления вовсе не надумана и не лишена оснований, а напротив, имеет важное научное значение, поскольку неопределенность в данных вопросах таит в себе опасность смешения элементов, слагающих основание уголовной ответственности, делающее затруднительным отделение преступного от непроступного.

Дальнейший анализ Общих частей уголовных кодексов рассматриваемых стран показал, что способ совершения преступления не предусмотрен в качестве смягчающего ответственность обстоятельства ни в одной из них. Обратная ситуация складывается со способом совершения преступления как обстоятельством, отягчающим ответственность, которое последовательно и системно представлено в рассматриваемых нами уголовных кодексах постсоветских стран, при этом в большинстве своем данные положения аналогичны положениям отечественного законодательства, но имеются и

---

¹ Там же. С. 141–142.

² Там же. С. 206.

³ Там же. С. 120.

особенности¹. Так, некоторые страны (Азербайджан, Белоруссия, Таджикистан, Узбекистан, Украина) не выделяют «простую» группу лиц как отягчающее обстоятельство, а УК Латвии и Эстонии вовсе не дифференцируют групповой способ совершения преступления, указывая в качестве отягчающего обстоятельства преступления его совершение группой лиц². К особо жестокому способу совершения преступления ряд стран добавляют другие признаки: издевательство (Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан, Латвия, Литва, Молдова, Таджикистан, Эстония), мучения для потерпевшего (Казахстан, Таджикистан), садизм (Казахстан), истязания (Азербайджан), пытки (Литва). Данное обстоятельство нельзя признать, на наш взгляд, удачным, поскольку понятие «особой жестокости» уже включает в себя все эти признаки, и их дополнительное выделение лишь вносит путаницу в понятийный аппарат. То же относится и к общепасному способу совершения преступления, который помимо указанной формулировки, используемой большинством рассматриваемых нами стран, описывается также, как совершение преступления средствами, представляющими повышенную социальную опасность (Молдова), опасным способом с использованием взрывных устройств, взрывчатых веществ или оружия (Литва), что ведет к неоправданному расширению сферы действия данного отягчающего обстоятельства за счет учета только общепасных средств без учета обстановки их применения.

В УК Грузии в отличие от других рассматриваемых стран не выделяются конкретные виды отягчающих обстоятельств. Так, в статье 53 УК Грузии, посвященной общим началам назначения наказания, законодатель определил, что при назначении наказания суд учитывают смягчающие и отягчающие ответственность виновного обстоятельства, при этом, в числе прочего

---

¹ При этом прослеживается определенная историческая преемственность данных положений. См. подр. об этом: Кругликов Л. Л. Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства в уголовном праве (вопросы теории). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. С. 18–24.

² Схожим образом данный вопрос решен в УК Молдовы, который определяет данное отягчающее обстоятельство как «совершение преступления в любой форме соучастия» (Уголовный кодекс Республики Молдова. С. 164).

учитываются вид, способ и противоправные последствия осуществления деяния¹. Данный подход, на наш взгляд, не оправдан, поскольку размывает границы смягчающих и отягчающих обстоятельств, оставляя слишком большой круг вопросов на усмотрение правоприменителя, что, надо полагать, не способствует единообразию судебной практики.

Примечательно наличие законодательного разъяснения некоторых конкретных способов совершения преступления в двух из рассматриваемых нами уголовных кодексах. Так, в УК Узбекистана в разделе, посвященном правовому значению терминов, имеется разъяснение о том, что следует понимать под общеопасным способом: «Поджог, взрыв, затопление и другие способы, которые грозят человеческими жертвами либо причинением материального ущерба»². В УК Белоруссии определено следующее: «Под группой лиц, если иное не оговорено в статье Особенной части настоящего Кодекса, понимается признак, характеризующий совершение преступления группой лиц без предварительного сговора, по предварительному сговору или организованной группой... Под общеопасным способом понимается способ совершения преступления, характеризующийся большой разрушительной силой или иным образом создающий опасность гибели людей, причинения телесных повреждений, иных тяжких последствий (взрыв, поджог, затопление и др.)»³. Конечно, данные разъяснения не содержат дефиниции самого понятия «способ совершения преступления», однако, несмотря на спорность приведенных определений, их противоречивость и мизерность на фоне общего количества способов совершения преступления, требующих законодательного разъяснения, следует признать, что это значимый шаг в сторону придания законодательной определенности категории способа совершения преступления.

Не имея возможности подробно остановиться на Особенной части анализируемых уголовных кодексов, все же отметим составы преступлений, представляющие для нас особый интерес.

---

¹ Уголовный кодекс Грузии. С. 121–122.

² Уголовный кодекс Республики Узбекистан. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 323.

³ Уголовный кодекс Республики Беларусь. С. 80.

Убийство определяется рассматриваемыми уголовными кодексами сходным с отечественным законодательством образом¹, квалифицирующие убийство способы совершения фактически ничем не отличаются от аналогичных обстоятельств в УК РФ, в законе они также имеют вид дополнительных деяний, обеспечивающих наступление основного преступного результата в виде причинения смерти другому лицу.

Конструкции составов изнасилования и насильственных действий сексуального характера, несмотря на незначительные различия словарной формы², также сходны с УК РФ и представляют собой сумму слагаемых в виде основного преступного деяния (половое сношение; иные действия сексуального характера) и примененного для его достижения насилия или угрозы его применения, либо использования беспомощного состояния потерпевшего. От преступлений с аналогичным основным преступным деянием по уголовному законодательству рассматриваемых стран с учетом способа совершения преступления отделено понуждение к подобным действиям³. При этом разница между составами изнасилования (насильственных действий сексуального характера) и составами понуждения состоит лишь в различных способах достижения основного преступного деяния, дифференцирующих таким образом

---

¹ Умышленное [противоправное] лишение жизни другого человека (Азербайджан, Белоруссия, Кыргызстан, Таджикистан); противоправное умышленное причинение смерти другому человеку [лицу] (Казахстан; Латвия, Украина); умышленное убийство (Грузия, Узбекистан, Эстония), тот, кто совершил убийство другого человека (Литва); убийство человека (Молдова).

² Изнасилование, то есть половое сношение [вопреки воли потерпевшей] с применением [физического] насилия, угроз [его применения к потерпевшей или ее близким (другим лицам)] или с использованием беспомощного состояния потерпевшей (Азербайджан, Белоруссия, Грузия, Кыргызстан, Латвия, Таджикистан, Узбекистан, Украина, Эстония). По УК Молдовы «изнасилование, то есть половое сношение с применением физического или психического принуждения лица либо с использованием невозможности защитить себя или выразить свою волю» (Уголовный кодекс Республики Молдова. С. 245) ; УК Литвы: «тот, кто совершил половое сношение с человеком против его воли с применением физического насилия или с угрозой немедленного его применения, либо иным способом, лишая возможности сопротивляться, либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего» (Уголовный кодекс Литовской республики. С. 255).

³ Понуждение [лица] к половому сношению, мужеложству, [лесбиянству] или совершению иных действий сексуального характера [иным сексуальным контактам] путем угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества [разглашением порочащих сведений, шантажа], либо с использованием материальной [служебной] или иной зависимости потерпевшего (Азербайджан, Белоруссия, Грузия, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан, Молдова); по УК Украины: «Понуждение женщины либо мужчины к вступлению в половую связь естественным способом или в извращенной форме лицом, от которого женщина либо мужчина материально или по службе зависимы» (Уголовный кодекс Украины / науч. ред. В. Я. Таций, В. В. Сташис. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 137); По УК Узбекистана «Понуждение женщины к половому сношению или к удовлетворению половой потребности в противоестественной форме лицом, в отношении которого женщина находилась в служебной, материальной или иной зависимости» (Уголовный кодекс Республики Узбекистан С. 155).

уголовную ответственность. В связи с этим интересна конструкция данного состава согласно УК Литвы: «Тот, кто понудил лицо к половому сношению либо к удовлетворению половой страсти виновника либо другого лица путем угрозы насилия, применения психического насилия, либо с использованием зависимости потерпевшего лица»¹. Данный состав демонстрирует вариативность и свободу выбора законодателем способов совершения каждого из преступлений, в то время как угроза насилем в УК других стран служит конструктивным признаком состава изнасилования, в УК Литвы она входит в состав понуждения к половому сношению². Несмотря на вариативность выбора способа совершения преступления важнейшим критерием данного отбора является подчиненный характер способа совершения преступления по отношению к основному деянию, выражающийся связью «для», «ради».

Способ совершения преступления в составах кражи и грабежа в рассматриваемых нами уголовных кодексах имеет вид внешней формы совершения преступления (тайное или открытое), в то время как разбой дифференцирован по насильственному способу совершения, который в большинстве стран должен отвечать требованию опасности для жизни или здоровья. Мошенничество также дифференцировано от прочих составов преступлений против имущества по способу совершения, который включает в себя обман, а большинство стран относят к нему еще и злоупотребление доверием.

Сквозной анализ Особенной части уголовных кодексов рассматриваемых стран на предмет указания на способ совершения преступления в неосторожных преступлениях выявил в уголовных кодексах Грузии, Казахстана и Таджикистана недостаток законодательной техники в части описания неосторожного уничтожения имущества, совершенного *путем* неосторожного

---

¹ Уголовный кодекс Литовской республики. С. 257–258.

² Следует отметить, что Латвия и Эстония не предусматривают уголовной ответственности за понуждение к действиям сексуального характера, что, на наш взгляд, неоправданно, поскольку выводит за рамки уголовного закона деяния, обладающие значительной степенью общественной опасности и посягающие на половую свободу личности.

обращения с огнем или источниками повышенной опасности¹. Аналогичный недостаток в конструировании данного состава преступления был отмечен нами и в отечественном законодательстве, о чем речь шла ранее. Мы пришли к выводу, который будет верен и для указанных выше стран, о том, что в данном составе преступления отсутствует указание на способ совершения преступления, в связи с чем в нем правильнее использовать термин не «путем», а «в результате». Необходимо отметить, что аналогичный состав преступления в УК Азербайджана сформулирован, на наш взгляд, наиболее верно: «...совершенное вследствие неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности»².

Из всех анализируемых нами уголовных кодексов двенадцати стран ближнего зарубежья нами был установлен лишь один состав неосторожного преступления (в УК Эстонии), имеющий указание на способ совершения преступления: «Уничтожение или повреждение общепасным способом чужого имущества, совершенные по неосторожности, в случае причинения крупного материального ущерба или иных тяжких последствий...»³. Поскольку данный состав служит единственным примером подобного указания, так как он противоречит как общей логике использования категории способа совершения преступления, так и логике самого УК Эстонии, прослеживающейся в других составах преступления, считаем, что в данном случае имеет место сбой законодательной техники Эстонии. На наш взгляд, более правильным было бы изложить данный состав в следующей редакции: «Уничтожение или повреждение чужого имущества, совершенное в результате неосторожного обращения с огнем или источниками повышенной опасности, в случае причинения крупного материального ущерба или иных тяжких последствий...».

Таким образом, в результате анализа законодательств Азербайджана, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Латвии, Литвы, Молдовы,

---

¹ См.: Уголовный кодекс Грузии. С. 224 ; Уголовный кодекс Республики Казахстан / науч. ред. И. И. Рогов. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 212 ; Уголовный кодекс Республики Таджикистан. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 267.

² Уголовный кодекс Азербайджанской республики. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 206.

³ Уголовный кодекс Эстонской республики. С. 138.

Таджикистана, Узбекистана, Украины, Эстонии можно сделать следующие выводы:

1. В уголовных кодексах вышеуказанных стран, как и в нашем отечественном УК, законодатель четко сепарирует способ совершения преступления и основное преступное деяние как взаимосвязанные, соподчиненные, но все же автономные деяния, связь которых выражается формулой – способ совершения преступления «для, ради» основного преступного деяния.

2. Способ совершения преступления, будучи деянием дополнительного, служебного характера по отношению к основному преступному деянию, содержится только в умышленных преступлениях (за исключением единственного состава преступления в УК Эстонии, являющегося, на наш взгляд, сбоем эстонского законодательства).

3. Способ совершения преступления широко представлен в качестве «общеотягчающего» обстоятельства в Общей части уголовных кодексов.

4. Дефиниция способа совершения преступления отсутствует в Общих частях уголовных кодексов, но в некоторых из них встречаются законодательные разъяснения отдельных способов совершения преступления.

5. Анализируемые уголовные кодексы содержат схожий перечень унифицированных способов совершения преступления Особенной части.

Заключение

Подводя итоги изучению способа совершения преступления как признака уголовно-наказуемого деяния и дифференцирующего средства, остановимся на выводах, касающихся объекта настоящего исследования.

1. Преступление как явление действительности, как жизненное явление представляет собой акт человеческого поведения, неотъемлемое свойство которого – протекание в конкретных условиях времени, места, обстановки и формы своего проявления вовне.

2. Существенные признаки элементов преступления, входящие в состав всякого преступления определенного вида, необходимые и достаточные для признания конкретного деяния в качестве преступления, описываются в законе в рамках специальной законодательной конструкции – состава преступления.

3. Если преступление – это явление реальной действительности, то у состава преступления иное положение. Он является в определенном смысле выдумкой законодателя, своего рода юридической *фикцией* в значении приема законодательной техники, призванного формализовать общественные отношения в законе.

4. Объективная сторона преступления и состава преступления соотносятся так же, как явление и описание этого явления в законе. В объективную сторону состава преступления законодателем неизменно включается лишь преступное деяние.

5. Факультативность способа совершения преступления состоит в вариативности его включения или невключения в состав преступления. Его включение происходит только тогда, когда «заряд» общественной опасности, который определенный способ совершения преступления привносит в деяние, определяет уровень общественной опасности поведения, чего не происходит при совершении данного деяния иными способами.

6. В связи с различным положением обязательного и факультативного признаков состава преступления преступное деяние и способ совершения

преступления имеют существенные отличия в своем содержании, смешение которого недопустимо.

7. Способ совершения преступления как признак состава преступления имеет вид деяния вспомогательного, служебного характера по отношению к основному преступному деянию и совершается «для», «ради» него. Другими словами, будучи закрепленным в уголовно-правовой норме, способ совершения преступления обладает свойствами дополнительного действия (бездействия), применяемого преступником для достижения (либо облегчения достижения) преступного результата, на который направлено его основное деяние. При этом использованный способ существенно влияет на общественную опасность содеянного.

8. Способ совершения преступления как признак состава преступления – *это предусмотренное законом деяние дополнительного, служебного характера по отношению к основному преступному деянию, совершаемое для содействия последнему и существенно влияющее на его общественную опасность либо придающее ему данное свойство.*

9. Способ совершения преступления в качестве признака состава преступления (как и сам состав преступления в целом) является юридической фикцией, т.е. определенной «выдумкой» законодателя, поскольку он искусственно отчленен от деяния, хотя в реальности, при совершении конкретного преступления, они слиты воедино. Способ совершения преступления выступает при этом в форме конкретных действий, тех приемов и методов, которыми преступник воздействует на предмет преступного посягательства.

10. В рамках категории состава преступления количество способов совершения преступления строго ограничено законодателем путем прямого указания на них в законе, в то время как в преступлении как явлении реальной действительности количество способов совершения преступления стремится к бесконечности.

11. При совершении преступления путем бездействия (так же как и действия) способ совершения преступления как признак состава преступления существует лишь при прямом указании об этом в законе. При этом способ совершения преступления наличествует только в умышленных преступных деяниях.

12. Дифференциация ответственности представляет собой законодательное разделение, расслоение ответственности в зависимости от определенных обстоятельств, при помощи учета которых содеянное получает адекватную оценку в законе. На практике дифференциация осуществляется при помощи различных средств, которые учитывают определенные дифференцирующие обстоятельства совершенного правонарушения и на их основании изменяют характер, вид и размер ответственности.

13. В качестве дифференцирующего средства уголовного права способ совершения преступления выделяется законодателем в следующих случаях:

- если он криминализирует деяние (например, насильственный способ при половом сношении или использование беспомощного состояния потерпевшей (ч. 1 ст. 131 УК РФ));
- повышает степень его общественной опасности за счет поражения дополнительного объекта, (объектов) (например, при общеопасном способе совершения убийства поражается не один, а целый ряд объектов уголовно-правовой охраны (п. «е», ч. 2 ст. 105 УК РФ));
- повышает степень общественной опасности деяния за счет возможности причинения большего вреда (например, совершение террористического акта организованной группой (п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ));
- увеличивает степень вероятности наступления общественно опасных последствий за счет использования дополнительных средств и поражающих факторов (например, при использовании специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации

в ходе незаконного получения сведений, составляющих государственную тайну (п. «г» ч. 2 ст. 283.1 УК РФ));

- уменьшает степень общественной опасности деяния за счет неприменения виновным определенного способа, обладающего большей степенью общественной опасности (например, совершение развратных действий без применения насилия – ч.1 ст. 135 УК РФ).

14. Учитывая наличие способа совершения преступления только в умышленных преступлениях, в целях совершенствования законодательной техники представляется целесообразным внесение уточнения в диспозицию ст. 168 УК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Уничтожение или повреждение чужого имущества в крупном размере, совершенное в результате неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности...».

15. Такой способ совершения правонарушения как применение насилия или угроза его применения существенно повышает общественную опасность деяния до уровня преступления, выступая при этом средством межотраслевой дифференциации ответственности, для реализации которой мы предлагаем исключить ст. 5.40 из КоАП РФ с одновременным дополнением УК РФ ст. 149.1 «Незаконное принуждение к участию или к отказу от участия в забастовке» со следующей диспозицией: «Незаконное принуждение к участию или к отказу от участия в забастовке путем насилия или угроз применения насилия либо с использованием зависимого положения принуждаемого...».

16. С целью устранения пробела в праве, касающегося отсутствия преемственности уголовной и административной ответственности в части хищения чужого имущества в форме грабежа, признанного малозначительным, нами предлагается сделать дополнение к ст. 7.27 КоАП РФ следующего содержания: «...а также мелкое хищение чужого имущества путем грабежа, при признании преступления, предусмотренного ч.1 ст. 161 УК РФ, малозначительным в соответствии с ч. 2 ст. 14 УК...».

17. Нам представляется оправданным изложение п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ в следующей редакции: «совершение преступления общеопасным способом, а также с применением физического или психического принуждения».

18. С целью унификации указания на особо жестокий способ совершения преступления нами предлагается изложить п. «и» ч. 1 ст. 63 УК РФ в следующей редакции: «совершение преступления с особой жестокостью»; дать п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ в измененной редакции: «в отношении малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно с особой жестокостью»; то же – п. «в» ч. 2 ст. 112 УК РФ: «в отношении малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно с особой жестокостью».

19. В отечественной истории развитие способа совершения преступления как категории уголовного права происходило прежде всего благодаря внутренней логике развития самого уголовного законодательства, а научные исследования лишь «догоняли» данное развитие, объясняя и обосновывая его, но отнюдь не предопределяя. Постепенное эволюционное развитие способа совершения преступления в уголовном законодательстве объясняется, на наш взгляд, той ролью правового инструмента дифференциации ответственности в руках законодателя, которую ему отвела логика развития права.

20. Сходство уголовных кодексов стран Западной Европы (Франции, Германии, Голландии), а также республик, ранее входивших в состав СССР (Азербайджана, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Латвии, Литвы, Молдовы, Таджикистана, Узбекистана, Украины, Эстонии), заключается в четком законодательном разделении способа совершения преступления и основного преступного деяния. Их связь выражается формулой – способ совершения преступления служит «для», «ради» основного преступного деяния, сохраняя при этом вид автономного деяния, что, на наш взгляд, продиктовано правотворческой логикой создания уголовно-правовых норм в странах романо-германской правовой семьи. Кроме того, в законодательстве бывших социалистических стран способ совершения преступления содержится

только в умышленных преступлениях (за исключением единственного состава преступления в УК Эстонии, являющегося, на наш взгляд, сбоем законодательной техники).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**Нормативные правовые документы и иные официальные материалы**

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ,) // СЗ РФ. –2014. – № 9. – Ст. 851.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 05.05.2014 г. №130-ФЗ) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; 2014. – №19. – Ст. 2335.
3. Уголовный кодекс РСФСР, принятый Законом РСФСР от 27.10.1960 г. «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591.
4. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года : постановление ВЦИК от 22.11.1926 г. // СУ РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600.
5. О введении в действие Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р. : постановление ВЦИК от 01.06.1922 г. // СУ РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153.
6. Уголовное уложение. Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. // Российское законодательство X–XX веков. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. – М. : Юрид. лит., 1994. – С. 271–320.
7. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Российское законодательство X–XX веков. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. – М. : Юрид. лит., 1988. – С. 174–309.
8. Уложение о наказанияхъ уголовныхъ и исправительныхъ. – СПб.: тип. Второго Отд. Собств. Его Импер. Вел. Канц., 1845. – 898 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://eknigi.org/istorija/180561-ulozhenie-o-nakazaniyah-ugolovnyh-i-ispravitelnyh-1845-goda.html> (дата обращения: 24.07.2013).

9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 05.05.2014 г. №130-ФЗ) // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (Ч. 1). – Ст. 4921; 2014. – №19. – Ст.2333.

10. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 05.05.2014 г. №130-ФЗ) // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (Ч. 1). – Ст. 1; 2014. – №19. – Ст. 2330.

11. Примерный Уголовный кодекс (США). Официальный проект Института американского права / под ред. Б. С. Никифорова; пер. А. С. Никифорова. – М. : Прогресс, 1969. – 303 с.

Законодательство иностранных государств

12. Римский статут Международного уголовного суда [Электронный ресурс] : принят в г. Риме 17.07.1998 г. Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению Международного уголовного суда. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Уголовный кодекс Австрии / науч. ред. С. В. Милюкова. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. – 352 с.

14. Уголовный кодекс Азербайджанской республики / науч. ред. И. М. Рагимова. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. – 325 с.

15. Уголовный кодекс Бельгии / науч. ред. и предисл. Н. И. Мацнев ; пер. с франц. Г. И. Мачковский. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. – 561 с.

16. Уголовный кодекс Голландии / науч. ред. Б. В. Волженкин. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. – 510 с.

17. Уголовный кодекс Грузии / науч. ред. З. К. Бигвава. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. — 409 с.

18. Уголовный кодекс Республики Беларусь / науч. ред. Б. В. Волженкин. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 474 с.

19. Уголовный кодекс республики Казахстан / науч. ред. И. И. Рогов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 466 с.
20. Уголовный кодекс Кыргызской Республики / отв. ред. Р. М. Асланов ; предисл. А. П. Стуканова, П. Ю. Константинова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 352 с.
21. Уголовный кодекс Республики Молдова / вступ. ст. А. И. Лукашова. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. — 408 с.
22. Уголовный кодекс Республики Таджикистан / отв. ред. Р. М. Асланов ; предисл. А. В. Федорова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 410 с.
23. Уголовный кодекс Республики Узбекистан / отв. ред. Р. М. Асланов ; вступ. ст. М. Х. Рустамбаева, А. С. Якубова, З. Х. Гулямова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. — 338 с.
24. Уголовный кодекс Латвийской Республики / науч. ред. А. И. Лукашов, Э. А. Саркисова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 313 с.
25. Уголовный кодекс Литовской республики / науч. ред. В. Павилониса. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 470 с.
26. Уголовный кодекс Украины / науч. ред. В. Я. Таций, В. В. Сташис. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 393 с.
27. Уголовный кодекс Федеративной республики Германии / науч. ред. Д. А. Шестакова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 524 с.
28. Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л. В. Головки. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. — 648 с.
29. Уголовный кодекс Эстонской республики / науч. ред. В. В. Запелова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. — 262 с.

Книги

30. Большой академический словарь русского языка [Текст] : в 20 т. Т. 5 / под ред. К. С. Горбачевича. – М.: Норма, 2006. – 696 с.

31. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2004. – 1536 с.
32. Большой толковый словарь русского языка : ок. 60 000 слов [Текст] / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : АСТ; Астрель, 2004. – 1268 с.
33. Большой универсальный словарь русского языка [Текст] / сост. И. С. Иванов. – М. : Центрполиграф, 2010. – 927 с.
34. Бородин, С. В. Квалификация убийства по действующему законодательству [Текст] / С. В. Бородин. – М. : Юрид. лит., 1966. – 249 с.
35. Бородин, С. В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву [Текст] / С. В. Бородин. – М. : Юрист, 1994. – 216 с.
36. Бородин, С. В. Преступления против жизни [Текст] / С. В. Бородин. – СПб. : Юристь, 2003. – 356 с.
37. Бойко, А. И. Преступное бездействие [Текст] / А. И. Бойко. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. – 320 с.
38. Брайнин, Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве [Текст] / Я. М. Брайнин. – М. : Госюриздат, 1963. – 275 с.
39. Букаев, Н. М. Насилие как способ совершения преступлений против собственности : монография [Текст] / Н. М. Букаев, А. Н. Романков. – Сургут : Изд-во Сургут. ун-та, 2001. – 131 с.
40. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права [Текст] / М. Ф. Владимирский-Буданов. – Ростов н/Д : Феникс, 1995. – 640 с.
41. Гонтарь, И. Я. Преступление и состав преступления как явление и понятие в уголовном праве: Вопросы теории правотворчества [Текст] / И. Я. Гонтарь. – Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 1997. – 200 с.
42. Гаухман, Л. Д. Насилие как средство совершения преступления [Текст] / Л. Д. Гаухман. – М.: Юридическая литература, 1974. – 167 с.
43. Дурманов, Н. Д. Понятие преступления [Текст] / Н. Д. Дурманов ; отв. ред. М. Д. Шаргородский. – М., Л.: АН СССР, 1948. – 315 с.

44. Дурманов, Н. Д. Советский уголовный закон [Текст] / Н. Д. Дурманов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1967. – 319 с.
45. Ежов, А. Н. Уголовное законодательство стран Европейского союза [Текст] / А. Н. Ежов, Н. А. Селяков : учебное пособие. – М; Архангельск : Юпитер, 2005. – 238 с.
46. Есаков, Г. А. Уголовное право зарубежных стран [Текст] / Г. А. Есаков, Н. Е. Крылова, А. В. Серебренникова : учеб. пособие. – М. : Проспект, 2009. – 336 с.
47. Епифанова, Е. В. Преступление в уголовном праве России и зарубежных стран: история и современность : учеб. пособие [Текст] / Е. В. Епифанова ; под ред. Н. А. Лопашенко. – М. : Юрлитинформ, 2009. – 150 с.
48. Жеребкин, В. Е. Логический анализ понятий права [Текст] / В. Е. Жеребкин. – Киев : Вища шк., 1976. – 150 с.
49. Жордания, И. Ш. Структура и правовое значение способа совершения преступления [Текст] / И. Ш. Жордания. – Тбилиси : Изд-во Сабчота Сакартвело, 1977. – 233 с.
50. Жук, М. С. Институты российского уголовного права: история развития и современное понимание : монография [Текст] / М. С. Жук ; под науч. ред. В. П. Коняхин. – Краснодар : Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2010. – 166 с.
51. Иванов, Н. Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве. Онтологический аспект [Текст] / Н. Г. Иванов ; под ред. О. Ф. Шишова. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1991. – 128 с.
52. История отечественного государства и права: учеб. пособие для вузов [Текст] / под ред. Н. В. Михайловой, Г. Ю. Курсковой. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 647 с.
53. История отечественного государства и права: учебник для вузов [Текст] / под ред. Р. С. Мулукаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 703 с.
54. История государства и права России: учебник [Текст] / под ред. И. А. Исаева. – М. : Юристъ, 2005. – 797 с.

55. История советского уголовного права [Текст] / под ред. А. А. Герцензон [и др.]. – М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – 466 с.
56. Кадников, Н. Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования [Текст] / Н. Г. Кадников. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юриспруденция, 2009. – 256 с.
57. Карпушин, М. П. Уголовная ответственность и состав преступления [Текст] / М. П. Карпушин, В. И. Курляндский. – М. : Юрид. лит., 1974. – 232 с.
58. Ковалев, М. И. Понятие преступления в советском уголовном праве [Текст] / М. И. Ковалев. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1987. – 208 с.
59. Корнеева, А. В. Теоретические основы квалификации преступлений: учебное пособие [Текст] / А. В. Корнеева ; под ред. А. И. Рарога. – М. : ТК Велби ; Проспект, 2006. – 176 с.
60. Костарева, Т. А. Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве. Понятие, законодательная регламентация, влияние на дифференциацию ответственности [Текст] / Т. А. Костарева ; науч. ред. Л. Л. Кругликов. – Ярославль : Изд-во Яросл. ун-та, 1993. – 234 с.
61. Клюканова, Т. М. Уголовное право зарубежных стран: Германия, Франция, Финляндия. Общая часть [Текст] / Т. М. Клюканова. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. – 64 с.
62. Козлов, А. П. Понятие преступления [Текст] / А. П. Козлов. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. – 819 с.
63. Козлов, А. П. Соучастие: традиции и реальность [Текст] / А. П. Козлов. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. – 362 с.
64. Комментарий к Уголовному кодексу РФ [Электронный ресурс] / под ред. А. И. Рарога. – 7-е изд., перераб. и доп. – 2011. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный.
65. Коняхин, В. П. Теоретические основы построения общей части российского уголовного права [Текст] / В. П. Коняхин. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. – 348 с.

66. Кругликов, Л. Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве [Текст] / Л. Л. Кругликов, А. В. Васильевский. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 300 с.
67. Кругликов, Л. Л. Квалифицирующие обстоятельства: понятие, виды, влияние на квалификацию преступлений: учеб. пособие [Текст] / Л. Л. Кругликов, В. Н. Савинов. – Ярославль : Изд-во ЯрГУ, 1989. – 88 с.
68. Кругликов, Л. Л. Проблемы теории уголовного права: избранные статьи, 2000–2009 гг. [Текст] / Л. Л. Кругликов. – Ярославль : Изд-во ЯрГУ, 2010. – 591 с.
69. Кругликов, Л. Л. Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства в уголовном праве (вопросы теории) [Текст] / Л. Л. Кругликов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 164 с.
70. Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступлений [Текст] / В. Н. Кудрявцев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрист, 2004. – 304 с.
71. Кудрявцев, В. Н. Объективная сторона преступления [Текст] / В. Н. Кудрявцев. – М. : Госюриздат, 1960. – 244 с.
72. Кузнецова, Н. Ф. Избранные труды [Текст] / Н. Ф. Кузнецова. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. – 834 с.
73. Кузнецова, Н. Ф. Преступление и преступность [Текст] / Н. Ф. Кузнецова. – М. : Изд-во Москов. ун-та, 1969. – 232 с.
74. Кузнецова, Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» [Текст] / Н. Ф. Кузнецова ; под ред. В. Н. Кудрявцева. – М. : Городец, 2007. – 336 с.
75. Курс советского уголовного права : в 6 т. Т. 2 [Текст] / под ред. А. А. Пионтковского, П. С. Ромашкина, В. М. Чхиквадзе. – М. : Наука, 1970. – 516 с.
76. Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1 [Текст] / под ред. Н. А. Беляева, М. Д. Шаргородского. – Л. : Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1968. – 647 с.

77. Курс уголовного права: в 5 т. Т. 1: Общая часть: учение о преступлении [Текст] / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – М. : Зерцало, 2002. – 624 с.
78. Лесниевски-Костарева, Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика [Текст] / Т. А. Лесниевски-Костарева. – М. : НОРМА, 2000. – 400 с.
79. Лопашенко, Н. А. Уголовная политика [Текст] / Н. А. Лопашенко. – М. : Волтерс Клувер, 2009. – 608 с.
80. Магомедов, А. А. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение [Текст] / А. А. Магомедов, Н. Ф. Михайлов. – Астрахань : Изд-во АсФ КрУ МВД России, 2008. – 179 с.
81. Малинин, В. Б. Объективная сторона преступления [Текст] / В. Б. Малинин, А. Ф. Парфенов. – СПб. : Изд-во юрид. ин-та, 2004. – 301 с.
82. Мельникова, Ю. Б. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания [Текст] / Ю. Б. Мельникова. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. – 120 с.
83. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций [Текст] / А. В. Наумов. – М. : БЕК, 1999. – 832 с.
84. Никонов, В. А. Учение о преступлении : учеб.-метод. пособие. Вып. 2 [Текст] / В. А. Никонов. – Тюмень : Изд-во юрид. ин-та МВД РФ, 1998. – 52 с.
85. Новик, В. В. Способ совершения преступления. Уголовно-правовой и криминалистический аспекты [Текст] / В. В. Новик. – СПб. : Изд-во СПбЮИ, 2002. – 92 с.
86. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 терминов и фразеологических выражений [Текст] / С. И. Ожегов ; под ред. Л. И. Скворцова. – М. : Оникс, 2009. – 736 с.
87. Основания уголовно-правового запрета [Текст] / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. – М. : Наука, 1982. – 303 с.

88. Ошерович, Б. С. Очерки по истории русской уголовно-правовой мысли (вторая половина XVIII в. – первая четверть XIX в.) [Текст] / Б. С. Ошерович. – М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946. – 312 с.
89. Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства. X–XII вв. [Текст] / сост. А. А. Зимин ; под ред. С. В. Юшкова. – М. : Госюриздат, 1952. – 287 с.
90. Памятники русского права. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства. XIV–XV вв. [Текст] / под ред. Л. В. Черепнина. – М. : Госюриздат, 1955. – 527 с.
91. Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. XV–XVII вв. [Текст] / под ред. Л. В. Черепнина. — М. : Госюриздат, 1956. — 632 с.
92. Памятники русского права. Вып. 6. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года [Текст] / под ред. К. А. Софроненко. — М. : Госюриздат, 1957. — 503 с.
93. Панов, Н. И. Квалификация преступлений, совершаемых путем обмана: учеб. пособие [Текст] / Н. И. Панов. – Харьков : Изд-во Харьков. юрид. ин-та, 1980. – 54 с.
94. Панов, Н. И. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребление доверием [Текст] / Н. И. Панов. – Харьков : Вища школа, 1977. – 127 с.
95. Панов, Н. И. Уголовно-правовое значение способа совершения преступления: учеб. пособие [Текст] / Н. И. Панов. – Харьков : Изд-во Харьк. юрид. ин-та, 1984. – 111 с.
96. Павлов, С. Н. Состав преступления в теории уголовного права: научное издание [Текст] / С. Н. Павлов. – Ростов н/Д : Профпресс, 2010. – 32 с.
97. Полный курс уголовного права: преступление и наказание: в 5 т. Т. 1 [Текст] / под ред. А. И. Коробеева. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. – 1133 с.

98. Попов, А. Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах [Текст] / А. Н. Попов. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. – 898 с.
99. Прохоров, В. С. Преступление и ответственность [Текст] / В. С. Прохоров. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1984. – 135 с.
100. Пудовочкин, Ю. Е. Учение о преступлении: избранные лекции: учеб. пособие [Текст] / Ю. Е. Пудовочкин. – М. : Юрлитинформ, 2008. – 224 с.
101. Пудовочкин, Ю. Е. Учение о составе преступления: учеб. пособие [Текст] / Ю. Е. Пудовочкин. – М. : Юрлитинформ, 2009. – 247 с.
102. Реннеберг, И. Объективная сторона преступления [Текст] / И. Реннеберг ; пер. с нем., под ред. и с предисл. А. А. Пионтковского. – М. : Гос. изд-во юрид. литературы, 1957. – 88 с.
103. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1 [Текст] / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М. : Юридическая литература, 1984. – 432 с.
104. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 4 [Текст] / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М. : Юридическая литература, 1986. – 512 с.
105. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 6 [Текст] / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М. : Юридическая литература, 1988. – 432 с.
106. Савельева, В. С. Основы квалификации преступлений: учеб. пособие [Текст] / В. С. Савельева. – М. : ТК Велби; Проспект, 2006. – 80 с.
107. Санталов, А. И. Теоретические вопросы уголовной ответственности [Текст] / А. И. Санталов. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1982. – 96 с.
108. Сергиевский, Н. Д. Избранные труды [Текст] / Н. Д. Сергиевский ; отв. ред. и автор биограф. очерка А. И. Чучаев. – М. : Буквоед, 2008. – 606 с.
109. Словарь русского языка [Текст] : в 4 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1981. – 698 с.
110. Словарь русского языка [Текст]: в 4 т. Т. 3 / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1983. – 750 с.
111. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 [Текст] / под ред. С. Г. Бархударова [и др.]. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. – 1039 с.

112. Словарь синонимов русского языка [Текст] / под ред. Л. А. Чешко. – М. : Советская Энциклопедия, 1968. – 600 с.
113. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Лекции: часть общая: в 2 т. Т. 1 [Текст] / Н. С. Таганцев ; сост. и отв. ред. Н. И. Загородников. – М. : Наука, 1994. – 380 с.
114. Тельнов, П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении [Текст] / П. Ф. Тельнов. – М. : Юрид. лит., 1974. – 208 с.
115. Тер-Акопов, А. А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве [Текст] / А. А. Тер-Акопов. – М. : ЮРКНИГА, 2003. – 480 с.
116. Тимейко, Г. В. Общее учение об объективной стороне преступления [Текст] / Г. В. Тимейко ; отв. ред. П. Т. Некипелов. – Ростов : Изд-во Ростов. ун-та, 1977. – 216 с.
117. Тихомиров, М. Н. Пособие для изучения Русской Правды [Текст] / М. Н. Тихомиров. – М. : Изд-во Москов. ун-та, 1953. – 192 с.
118. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] / В. И. Даль : в 4 т. Т. 1 . – М. : Русский язык, 1978. – 669 с.
119. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] : в 4 т. Т. 3 / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1980. – 555 с.
120. Толковый словарь современного русского языка [Текст] / под ред. В. В. Лопатина. – М. : Эскмо, 2011. – 928 с.
121. Трайнин, А. Н. Избранные труды [Текст] / А. Н. Трайнин. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. – 896 с.
122. Трайнин, А. Н. Общее учение о составе преступления [Текст] / А. Н. Трайнин. – М. : Госюриздат, 1957. – 363 с.
123. Уголовное право. История юридической науки [Текст] / Н. Д. Дурманов [и др.] ; отв. ред. В. Н. Кудрявцев. – М. : Наука, 1978. – 309 с.
124. Уголовное право. Общая часть: учебник [Текст] / А. А. Герцензон [и др.] ; науч. ред. В. Д. Меньшагин. – М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – 575 с.

125. Уголовное право. Общая часть: учебник [Текст] / отв. ред. И. Я. Козаченко. – М. : Норма, 2008. – 720 с.
126. Уголовное право России. Общая часть: учебник [Текст] / под ред. А. И. Рарога. – М. : Эксмо, 2008. – 496 с.
127. Уголовное право России. Общая часть [Текст] / под ред. А. И. Рарога. М. : Эксмо, 2009. – 496 с.
128. Уголовное право России. Общая часть [Текст] / под ред. А. И. Чучаева, Н. А. Нырковой. – Ростов н/Д : Феникс, 2009. – 549 с.
129. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник для высш. учеб. заведений [Текст] / под общ. ред. Н. Г. Кадникова. – М. : Книжный мир, 2007. – 827 с.
130. Уголовное право России: учебник: в 2 т. Т. 1 [Текст] / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. – М. : Норма, 2008. – 592 с.
131. Уголовное право России: учебник: в 2 т. Т. 2 [Текст] / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. – М. : Норма, 2008. – 848 с.
132. Уголовное право России. Часть Общая: учебник для бакалавров [Текст] / отв. ред. Л. Л. Кругликов. – М. : Проспект, 2013. – 563 с.
133. Уголовное право России. Часть Общая: учебник для вузов [Текст] / отв. ред. Л. Л. Кругликов. – М. : ВолтерсКлувер, 2005. – 592 с.
134. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник [Текст] / под ред. Б. В. Здравомыслова. – М., 2002. – 480 с.
135. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник [Текст] / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. – М. : Контракт; ИНФРА-М, 2010. – 560 с.
136. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов [Текст] / под ред. А. И. Рарога, А. С. Самойлова. – М. : Высшее образование, 2005. – 495 с.
137. Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: Сравнительно-правовое исследование [Текст] / под ред. В. С. Комиссарова, А. И. Коробеева, Хе Бинсуна. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2009. – 549 с.

138. Фойницкий, И. Я. Мошенничество по русскому праву. Сравнительное исследование [Текст] / И. Я. Фойницкий. – М. : Изд-во СГУ, 2006. – 292 с.

139. Чебышев-Дмитриев, А. О преступном действии по русскому допетровскому праву [Текст] / А. Чебышев-Дмитриев. – Казань : Тип. Имп. ун-та, 1862. – 246 с.

140. Чечель, Г. И. Жестокий способ совершения преступления против личности [Текст] / Г. И. Чечель. – Нальчик : Нарт, 1991. – 155 с.

141. Чечель, Г. И. Смягчающие ответственность обстоятельства и их значение в индивидуализации наказания [Текст] / Г. И. Чечель. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1978. – 165 с.

142. Шарапов, Р. Д. Преступное насилие [Текст] / Р. Д. Шарапов. – М. : Юрлитинформ, 2009. – 496 с.

143. Энциклопедия уголовного права. Понятие преступления. Т. 3 [Текст] / И. Я. Гонтарь [и др.]. – СПб. : Издание профессора Малинина, 2005. — 524 с.

144. Энциклопедия уголовного права. Состав преступления. Т. 4. [Текст] / сост. В. Б. Малинин. – СПб. : Издание профессора Малинина, 2005. – 797 с.

145. Якименко, Н. М. Оценка малозначительности деяния при производстве расследования: учеб. пособие [Текст] / Н. М. Якименко. – Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1987. – 28 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

146. Алексеев, С. В. Проблемы уголовной ответственности за преступления, совершаемые в группе [Текст] / С. В. Алексеев : дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2006. – 220 с.

147. Атальянц, М. А. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение [Текст] / М. А. Атальянц : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – 246 с.

148. Борисенкова, Н. В. Уголовно-правовая оценка жестокости [Текст] / Н. В. Борисенкова : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 202 с.

149. Быкова, Е. Г. Уголовно-правовые проблемы группового способа совершения преступления [Текст] / Е. Г. Быкова : дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2010. – 163 с.

150. Васильевский, А. В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права [Текст] / А.В. Васильевский : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2000. – 24 с.

151. Галаганов, А. А. Уголовно-правовая характеристика способов совершения хищений [Текст] / А. А. Галаганов : дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2011. – 209 с.

152. Дружков, С. Н. Уголовно-правовые функции особой жестокости в составе убийства: вопросы теории и практики [Текст] / С. Н. Дружков : дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2002. – 168 с.

153. Зуйков, Г. Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления [Текст] / Г. Г. Зуйков : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1970. – 31 с.

154. Кирюхина, Л. Н. Вооруженное насилие как способ совершения преступления [Текст] / Л. Н. Кирюхина : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1999. – 199 с.

155. Кругликов, Л. Л. Способ совершения преступления (вопросы теории) [Текст] / Л. Л. Кругликов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1971. – 18 с.

156. Курбанов, А. О. Социально-правовая сущность преступления и категории преступлений по уголовному праву России [Текст] / А. О. Курбанов : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 165 с.

157. Логецкий, А. А. Преступление и проступок в уголовном праве XIX – начала XX веков [Текст] / А. А. Логецкий : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – 176 с.

158. Львова, Е. Ю. Социальная и юридическая сущность преступления (вопросы теории) [Текст] / Е. Ю. Львова : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – 170 с.
159. Николаев, А. М. Криминализация общественно опасных деяний, граничащих со сферой административных правонарушений (основания и направления совершенствования) [Текст] / А. М. Николаев : дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2004. – 226 с.
160. Панов, Н. И. Основные проблемы способа совершения преступления в советском уголовном праве [Текст] / Н. И. Панов : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Харьков, 1987. – 35 с.
161. Панько, К. К. Фикции в уголовном праве (в сфере законотворчества и правоприменении) [Текст] / К. К. Панько : дис. ... канд. юрид. наук. – Ярославль, 1998. – 233 с.
162. Пономарева, Н. П. Уголовноправовое значение способа совершения преступления [Текст] / Н. П. Пономарева : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1970. – 20 с.
163. Раджабов, Р. М. Ответственность за преступления против личности, совершенные с особой жестокостью [Текст] / Р. М. Раджабов : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 209 с.
164. Соловьев, А. Н. Понятие преступления: теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты [Текст] / А. Н. Соловьев : дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2000. – 235 с.
165. Сотсков, Ф. Н. Общественная опасность деяния в уголовном праве России [Текст] / Ф. Н. Сотсков : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 178 с.
166. Тришина, Ж. В. Особая жестокость как способ совершения преступления против личности [Текст] / Ж. В. Тришина : дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2009. – 254 с.
167. Черепанова, Е. В. Становление и развитие института уголовной ответственности за преступления, совершаемые в составе организованных групп [Текст] / Е. В. Черепанова : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 210 с.

168. Шкеле, М. В. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение [Текст] / М. В. Шкеле : дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2001. – 239 с.

169. Якубович, О. Р. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение [Текст] / О. Р. Якубович : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 258 с.

Статьи, тезисы, научные сообщения

170. Андреев, А. В. Понятие дифференциации уголовной ответственности [Текст] / А. В. Андреев, Л. В. Лобанова // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 5: Юриспруденция. – 2006. – № 8. – С. 118–123.

171. Антонян, Ю. Понятие особой жестокости и преступления с особой жестокостью [Текст] / Ю. Антонян // Социалистическая законность. – 1990. – № 6. – С. 53–55.

172. Арутюнов, А. Объективная сторона преступления, совершенного в соучастии [Текст] / А. Арутюнов // Уголовное право. – 2002. – № 2. – С. 4–5.

173. Атальянц, М. Значение факультативных признаков состава преступления [Текст] / М. Атальянц // Российский следователь. – 2009. – № 18. – С. 6–9.

174. Елисеев, С. А. Преступления против собственности по Уголовному Уложению 1903 г. [Текст] / С. А. Елисеев // Сибирский Юридический Вестник. – 2001. – № 4. – С. 15–21.

175. Епифанова, Е. В. Понятие преступления и состав преступления [Текст] / Е. В. Епифанова // Право и политика. – 2008. – № 3. – С. 512–517.

176. Жордания, И. Ш. Психолого-правовая структура способа совершения преступления [Текст] / И. Ш. Жордания // Вопросы борьбы с преступностью. – М., 1976. – Вып. 24. – С. 68–71.

177. Зуйков, Г. Г. К вопросу об уголовно-правовом понятии и значении способа совершения преступления [Текст] / Г. Г. Зуйков // Тр. ВШ МВД СССР. – М., 1969. – Вып. 24. – С. 24–45.

178. Зуйков, Г. Г. О способе совершения и способе сокрытия преступления [Текст] / Г. Г. Зуйков // Оптимизация расследования преступлений: сб. науч. тр. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982. – С. 56–64.

179. Иванчин, А. В. О формальной сущности состава преступления [Текст] / А. В. Иванчин // Вестник Ярослав. гос. ун-та им. П. Г. Демидова. Гуманитарные науки. – 2011. – № 3. – С. 74–77.

180. Ильин, А. А. О средствах дифференциации уголовной ответственности в Общей и Особенной части УК РФ [Текст] / А. А. Ильин, О. Г. Соловьев // Вестник Ярослав. гос. ун-та им. П. Г. Демидова. Гуманитарные науки. – 2011. – № 3. – С. 70–74.

181. Капинус, О. С. Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности: сборник статей [Текст] / О. С. Капинус. – М.: Буквоед, 2008. – 320 с.

182. Коняхин, В. П. Уголовно-правовое значение способа совершения преступления [Текст] / В. П. Коняхин // Уголовное право в борьбе с преступностью. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1981. – С. 115–121.

183. Кригер, Г. Л. Дифференциация и индивидуализация наказания [Текст] / Г. Л. Кригер // Совершенствование мер борьбы с преступностью в условиях научно-технической революции. – М.: Наука, 1980. – С. 114–126.

184. Кропачев, Н. М. Общие вопросы применения мер ответственности за преступления [Текст] / Н. М. Кропачев // Уголовное право на современном этапе: проблемы преступления и наказания: сб. науч. ст. / под ред. Н. А. Беляева, В. К. Глистина, В. В. Орехова. – СПб., 1992. – С. 44–52.

185. Кругликов, Л. Л. Использование философских категорий «содержание» и «форма» в процессе анализа понятия «способ совершения преступления» [Текст] / Л. Л. Кругликов // Сб. асп. работ Свердл. юрид. ин-т., 1970. – Вып. 12. – С. 187–193.

186. Кругликов, Л. Л. Квалифицирующие признаки как средство дифференциации уголовной ответственности: современное состояние [Текст] /

Л. Л. Кругликов // Вестник Ярослав. гос. ун. им. П. Г. Демидова. Гуманитарные науки. – 2007. – № 1. – С. 56–64.

187. Кругликов, Л. Л. Квалифицирующие признаки как средство дифференциации уголовной ответственности: современное состояние [Текст] / Л. Л. Кругликов // Проблемы теории уголовного права: Избранные статьи (2000–2009 гг.). – Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2010. – С. 424–440.

188. Кругликов, Л. Л. Основания дифференциации ответственности в уголовном праве [Текст] / Л. Л. Кругликов // Проблемы теории уголовного права: Избранные статьи (2000–2009 гг.). – Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2010. – С. 40–58.

189. Кругликов, Л. Л. Соотношение уголовно-правового, уголовно-процессуального и криминалистического значения способа совершения преступления [Текст] / Л. Л. Кругликов // Сб. асп. работ Св. ЮИ, 1971. – Вып. 13. – С. 248–255.

190. Кругликов, Л. Л. Способ совершения преступления в уголовном праве: вопросы понятия, законодательной техники и дифференциации ответственности [Текст] / Л. Л. Кругликов // Проблемы теории уголовного права: Избранные статьи (2000–2009 гг.). – Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2010. – С. 215–231.

191. Кругликов, Л. Л. Техника конструирования состава преступления (методологические вопросы) [Текст] / Л. Л. Кругликов // Проблемы теории уголовного права: Избранные статьи (2000–2009 гг.). – Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2010. – С. 133–146.

192. Кругликов, Л. Л. Этапы становления учения о составе преступления [Текст] / Л. Л. Кругликов // Проблемы теории уголовного права: Избранные статьи (2000–2009 гг.). – Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2010. – С. 159–176.

193. Кудрявцев, В. Н. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение [Текст] / В. Н. Кудрявцев // Сов. гос-во и право. – 1957. – № 8. – С. 60–69.

194. Курляндский, В. И. Некоторые вопросы учения о составе преступления в теории советского уголовного права [Текст] / В. И. Курляндский // Сов. гос-во и право. – 1957. – № 11. – С. 34–43.

195. Ляпунов, Ю. А. Состав преступления: гносеологический и социально-правовой аспекты [Текст] / Ю. А. Ляпунов // Уголовное право. – 2005. – № 5. – С. 44–48.

196. Марцев, А. И. Признаки преступления [Текст] / А. И. Марцев // Уголовно-правовые и криминологические меры предупреждения преступлений: межвузов. сборник науч. трудов. – Омск: Изд-во высш. шк. милиции МВД СССР, 1986. – С. 3–12.

197. Мухамедзянов, И. А. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение [Текст] / И. А. Мухамедзянов // Актуальные вопросы советского права. Теория и практика. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1985. – С. 96–98.

198. Панов, Н. И. Об изучении способа совершения преступления [Текст] / Н. И. Панов // Проблемы социалистической законности. – Харьков: Вища школа. – 1982. – № 9. – С. 111–118.

199. Паньков, А. Н. Проблемы привлечения к уголовной ответственности за истязания [Текст] / А. Н. Паньков // Современные проблемы противодействия преступности в России: мат. науч.-практ. конф. – Челябинск, 1995. – С. 58–59.

200. Парфенов, А. Ф. Возможно ли совершение неосторожных преступлений определенным способом? [Текст] / А. Ф. Парфенов // Судебная реформа и эффективность деятельности органов суда, прокуратуры и следствия: 7-я науч.-практ. конф. молодых ученых, 24 апреля 2004 г. – СПб., 2004. – С. 68.

201. Ребане, И. А. Понятие преступления и состав преступления [Текст] / И. А. Ребане // Учен. зап. высших учебных заведений Литовской ССР. Право. – Т. 16. – 1981. – № 1. – С. 23–31.

202. Романов, В. А. Еще раз об обмане как способе совершения преступления [Текст] / В. А. Романов // Юрист. – 1999. – № 11. – С. 25–26.

203. Румянцев, М. С. Дифференциация уголовной ответственности: юридическое содержание и проблемы межотраслевого характера [Текст] / М. С. Румянцев, С. В. Кузнецов // Юридическая наука. – 2013. – № 2. – С. 64–67.

204. Сахаров, А. Б. К вопросу о понятии состава преступления [Текст] / А. Б. Сахаров // Сов. гос. и право. – 1952. – № 7. – С. 29–35.

205. Сверчков, В. В. Соотношение понятий «состав преступления», «преступление», и «преступное посягательство» [Текст] / В. В. Сверчков // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 17. – С. 254–257.

206. Симонов, В. И. Характеристика физического насилия как уголовно правового понятия [Текст] / В. И. Симонов // Гарантии конституционных прав личности при осуществлении правосудия: межвузов. сборник науч. тр. – Пермь, 1980. – С. 23–32.

207. Соловьев, О. Г. Понятие, виды и классификация средств дифференциации уголовной ответственности в Уголовном кодексе Российской Федерации [Текст] / О. Г. Соловьев, Е. С. Дмитриев // Юридическая наука. – 2012. – № 4. – С. 57–58.

208. Сухарев, Е. А. Оптимальное отражение способа совершения преступления в конкретных составах [Текст] / Е. А. Сухарев // Некоторые вопросы эффективности уголовного законодательства. – Свердловск: Изд-во Свердлов. юрид. ин-та. – 1974. – № 29. – С. 57–62.

209. Татарников, В. Г. Способ совершения преступления как квалифицирующий признак тяжких и особо тяжких преступлений против личности [Текст] / В. Г. Татарников // Российский следователь. – 2001. – № 2. – С. 22–24.

210. Трайнин, А. Н. Понятие преступления и состав преступления [Текст] / А. Н. Трайнин // Сов. гос-во и право. – 1955. – № 1. – С. 44–50.

211. Хрунхаузен, М. Некоторые основы и главные принципы Нидерландского Уголовного кодекса [Текст] / М. Хрунхаузен // Уголовный

кодекс Голландии / науч. ред. Б. В. Волженкин. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – С. 6–37.

212. Церетели, Т. В. Состав преступления как основание уголовной ответственности [Текст] / Т. В. Церетели, В. Г. Макашвили // Сов. гос. и право. – 1954. – № 5. – С. 67–77.

213. Чупрова, О. Н. Средства дифференциации уголовной ответственности [Текст] / О. Н. Чупрова // Юрист-Правоведь. – 2007. – № 6. – С. 28–32.

214. Ширяев, А. Ю. Понятие «состав преступления»: сравнительно-правовой очерк [Текст] / А. Ю. Ширяев // Российский юридический журнал. – 2011. – № 5. – С. 104–110.

Судебная практика

215. Архив Архангельского областного суда за 2009 г. Уголовное дело № 2-31/2009.

216. Архив Архангельского областного суда за 2011 г. Уголовное дело № 2-20/2011.

217. Архив Октябрьского районного суда г. Архангельска за 2012 г. Уголовное дело № 1-130/2012.

218. Архив Октябрьского районного суда г. Архангельска за 2013 г. Уголовное дело № 1-227/2013.

219. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16.09.2009 г. № 57-Д09-17 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2010. – № 4. – С. 36–37.

220. Определение Верховного Суда РФ от 29.07.2010 № 48-О10-76 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

221. Определение Верховного Суда РФ от 07.02.2002 г. № 48-О2-4 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

222. О судебной практике по делам о нарушениях правил охраны труда и безопасности горных, строительных и иных работ : постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 23.04.1991 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

223. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

224. О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.06.2002 г. № 14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

225. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 131 и 132 УК РФ : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2004 г. № 11 (в ред. от 14.06.2013 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

226. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 25.03.2009 г. № 43-П09 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

227. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 03.04.2013 г. № 35-П13пр [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

228. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 28.10.2008 г. № 298П08 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. – № 4. – С. 26–27.

229. Кассационное определение Верховного Суда от 05.04.2011 г. № 9-О11-12 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

230. Кассационное определение Верховного Суда Республики Адыгея от 14.06.2012 г. № 220252/2012 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

231. Кассационное определение Архангельского областного суда от 21.09.2004 г. № 22-3078 [Электронный ресурс] // Архангельский областной суд: сайт. – URL: <http://www.arhcourt.ru/?Documents/Crm/Cas/1/1/2/200409210910>. – (дата обращения: 24.03.2014).

232. Кассационное определение Архангельского областного суда от 04.10.2005 г. № 22-3306 [Электронный ресурс] // Архангельский областной суд: сайт. – URL: <http://www.arhcourt.ru/?Documents/Crm/Cas/1/1/2/200409210910> (дата обращения: 24.03.2014).

233. Кассационное определение Архангельского областного суда от 18.01.2008 г. № 22-101 [Электронный ресурс] // Архангельский областной суд: сайт.–URL: <http://www.arhcourt.ru/?http://www.arhcourt.ru/?Documents /Crm/Cas/1/1/3/200801181015> (дата обращения: 24.03.2014).

234. Надзорное определение Верховного Суда РФ от 12.12.2006 г. № 69-Д06-15 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».